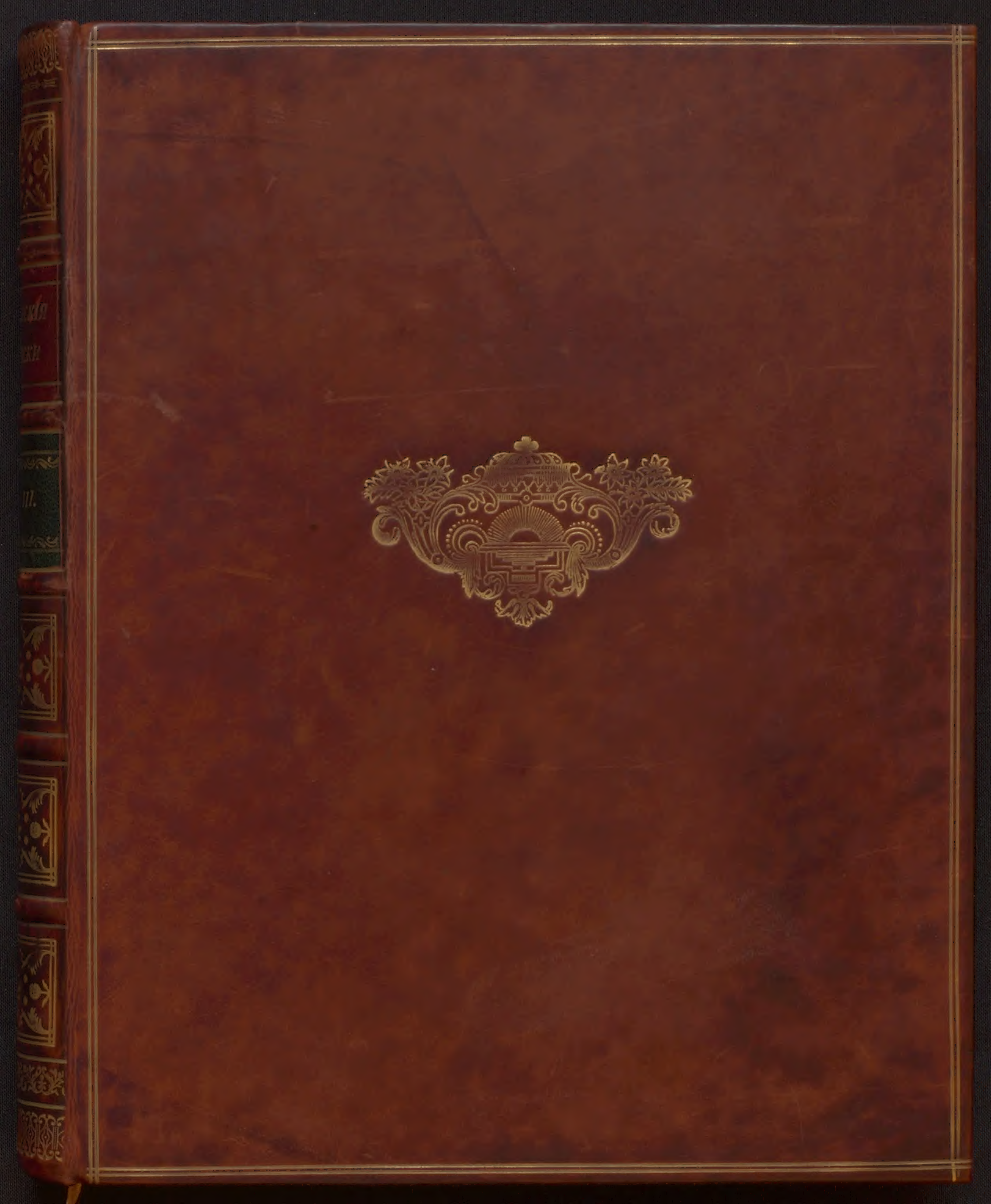
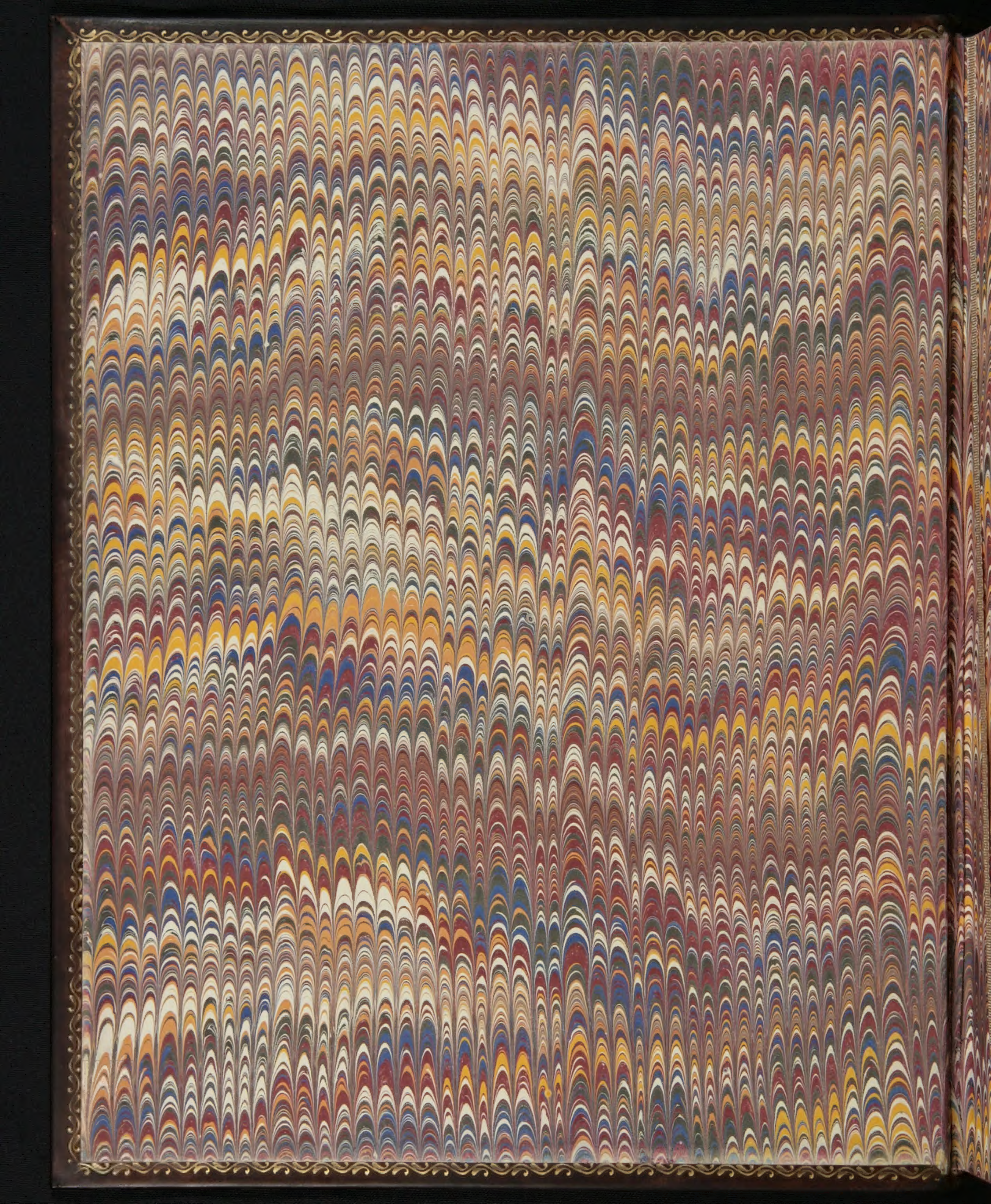
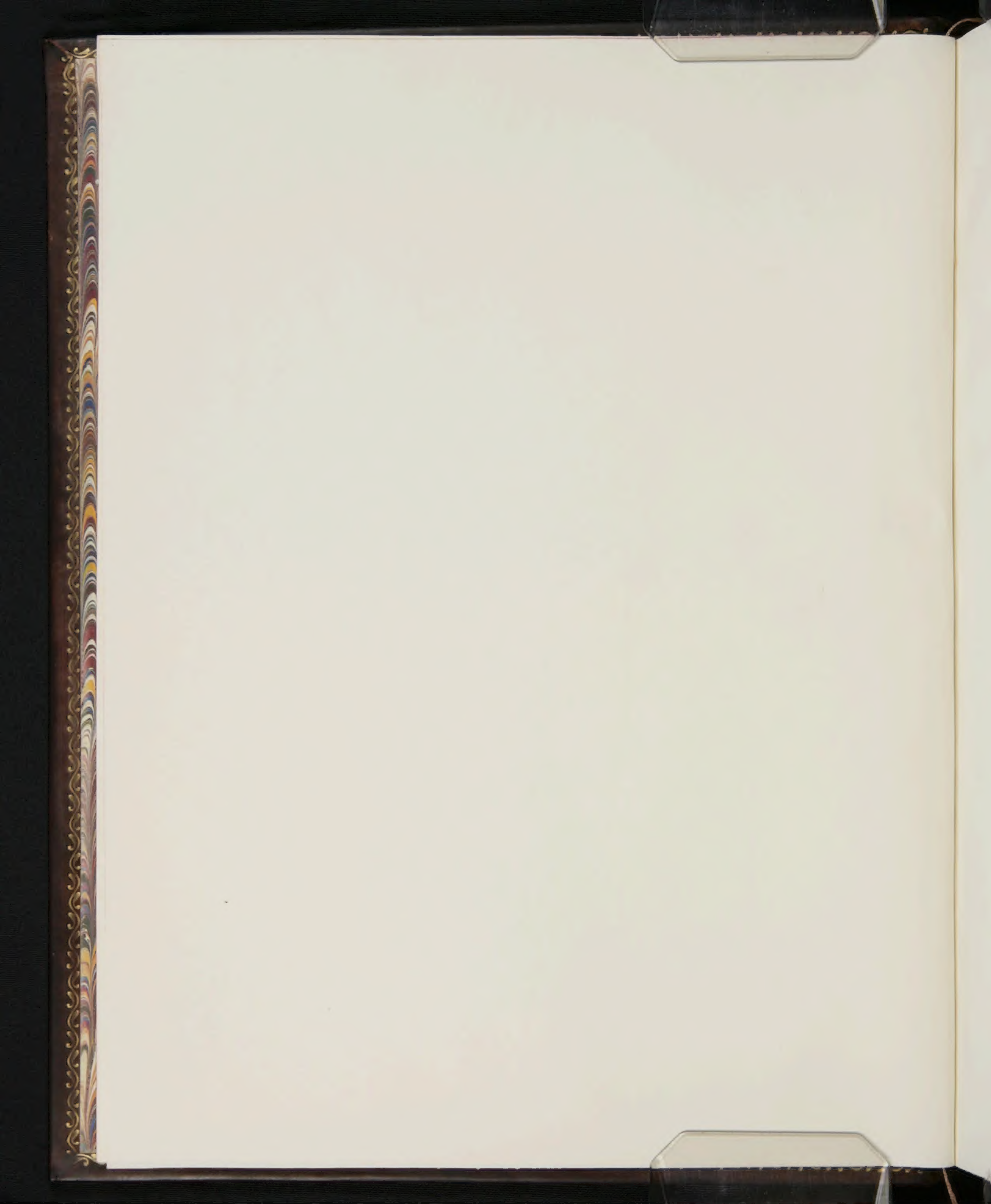
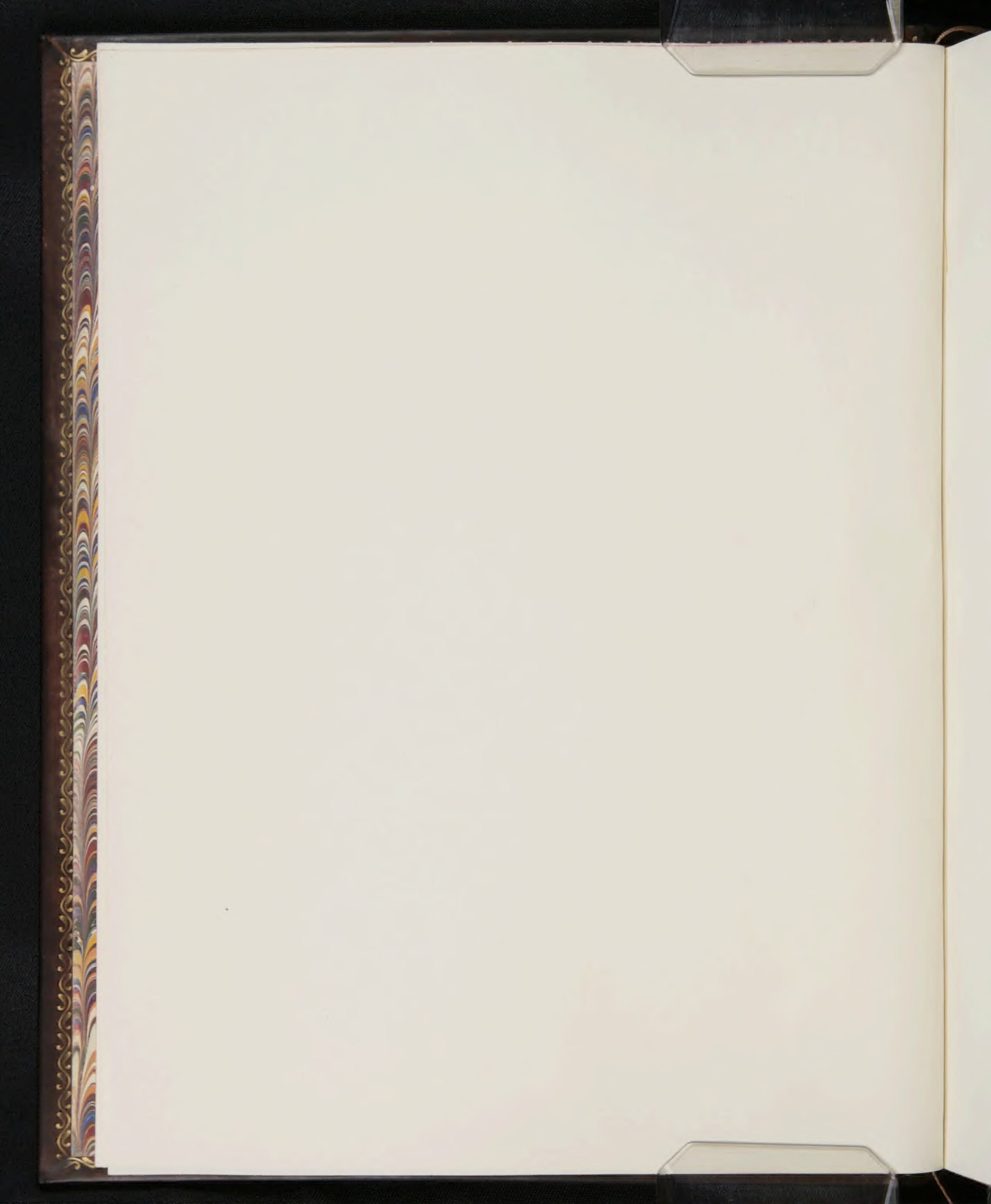
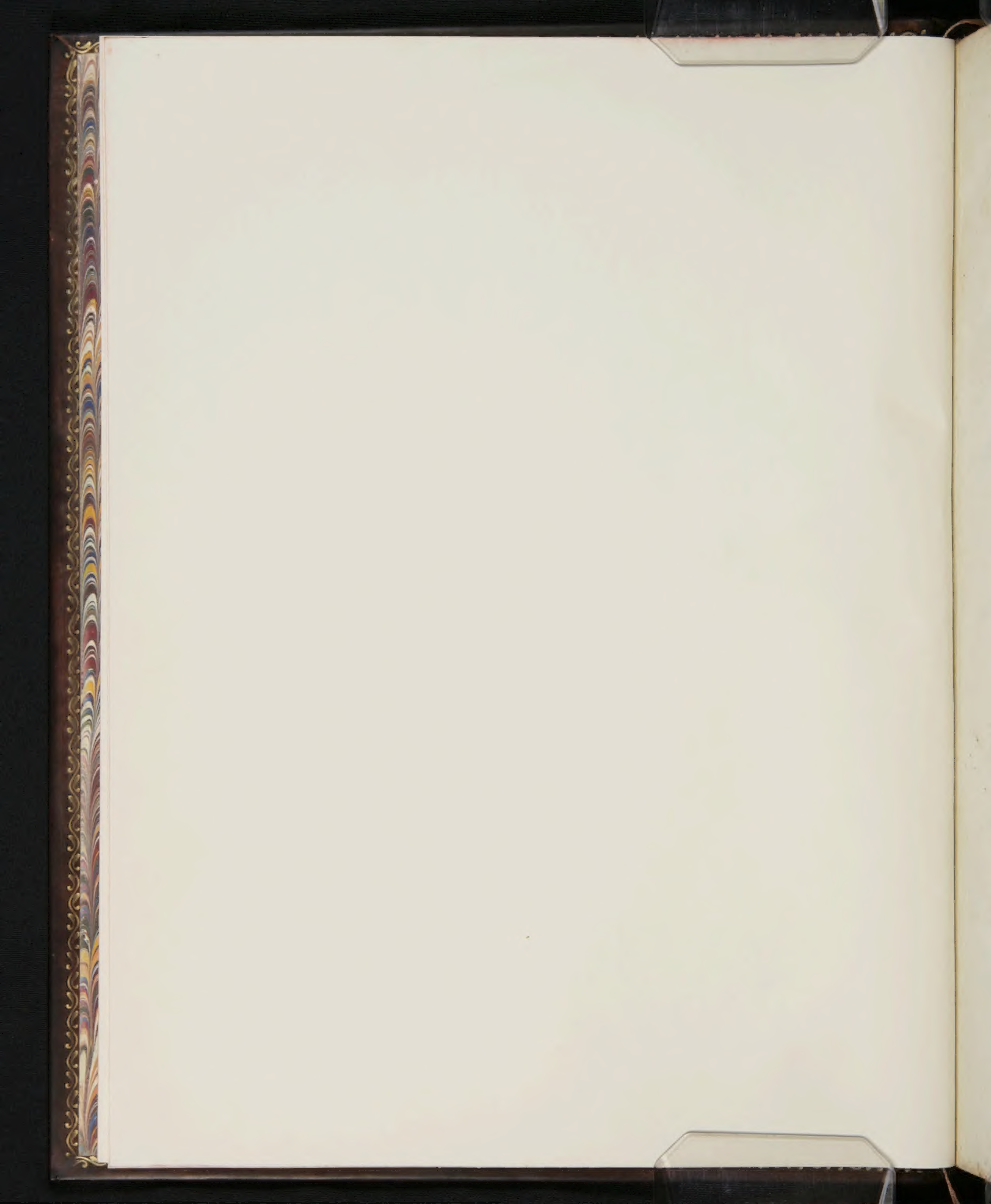

ЗАПИСКИ

КИТАЙСКІЯ.

ТОМЪ III.

Изъ книгъ Ѳедора Мартынова

ЗАПИСКИ,

НАДЛЕЖАЩІЯ

ДО

ИСТОРІИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, НРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ

И ПРОЧ

КИТАЙЦЕВЪ,

СОЧИНЕННЫЯ

ПРОПОВѢДНИКАМИ ВѢРЫ ХРИСТІАНСКОЙ

ВЪ ПЕКИНѢ.

ТОМЪ III.

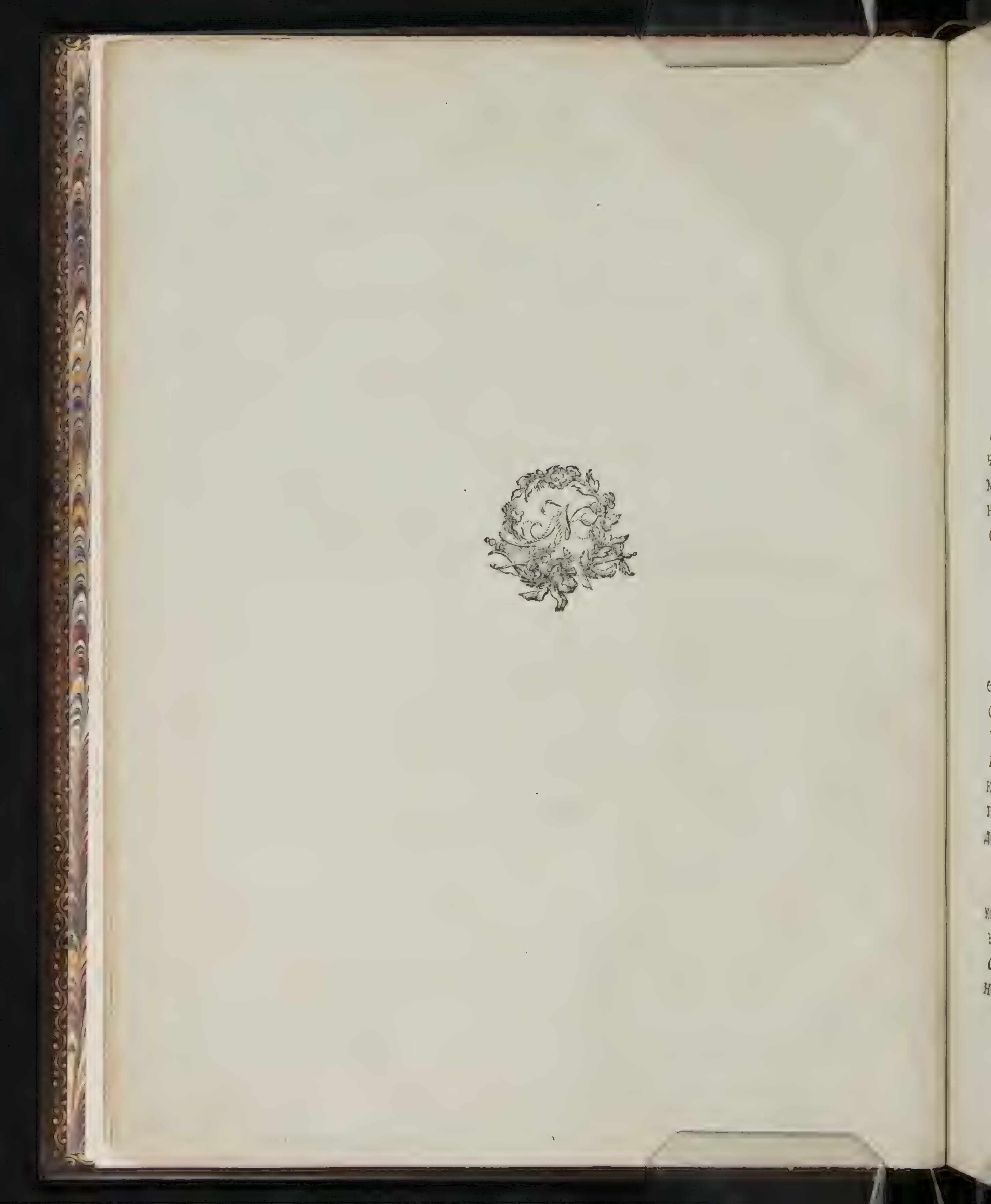
Изданъ въ Парижѣ съ воли и одобренія Короля въ 1776, на Россійской же языкъ преложенъ въ 1786 году, Губерніи Московской, Клинской округи, въ сельцѣ Михалевѣ.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова.

1786.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Третій сей Томъ Записокъ, надлежащихъ до Китайцевъ, начинается сказаніемъ о Древностяхъ того народа, доказываемыхъ памятниками, нѣсколько разногласно съ сочиненіемъ о томъ же, которое видѣлъ Читатель въ первомъ Томѣ сихъ Записокъ: восходитъ весьма далѣе времянъ Яоэвыхъ, сопричисляетъ къ замѣтамъ историческимъ то, что первой къ баснословію. Таковая разность во мнѣніяхъ открываетъ, по меньшей мѣрѣ, что нѣтъ соотвѣтствія между творцами сихъ Записокъ; что, какъ и сами признаются, писали токмо сообразно собственному своему каждый сужденію. Ученые Европейцы могутъ, сличая дѣянія и доводы, извлекать заключенія.

Страннымъ, можетъ быть, явится присвоеніе сочинителя послѣднихъ Фугіу; не говорю умствованія о Богѣ, Создателѣ міра: ибо извѣстно, что въ первобытныя столѣтія въ томъ состояла вѣра рода человѣческаго; но о Святой Троицѣ, которую аки бы исповѣдывалъ сей основатель Китайскаго государства, какъ исповѣдуютъ въ наши дни Богословы.

Не находимъ, чѣмъ извинять образъ сказанія, какой угодно было сочинителю примыслить: ясенъ вникающему въ оной ближе; не льзя кажется пристойнѣйшаго быть, изражать мысли чисто; не должно забывать и то, что онъ употребилъ слогъ эпи-

столярный, дабы, какЪ говоритЪ и самЪ, давать оному премѢнчивости сЪ большею ловкостію, и уменьшать жесткое слуху вЪ ономЪ.

Не должно забывать, что таковый сочинитель есть человѢкЪ кроткій, набожный, проповѢдникЪ вѢры Христовой, которой обрѢлЪ между памятниками самой отдаленнѢйшей древности Китайской слѢды упомянутаго догмата; которой читалЪ, что за тысячу за двѢсти лѢтЪ до воплощенія Христа Спасителя слышимы были вЪ КитаѢ сіи слова: . . . „БогЪ есть единЪ и три; . . . „великое Единство, замыкающее вЪ себѢ Три; . . . „великое Единство, есть ТіенЪ, или небо; . . . . „ТіенЪ есть БогЪ міра.„

Троесловія, или триграммы Фугіевы изображаются имЪ тремя чертами равными, вЪ равномЪ одна отЪ другой разстояніи, на верьху прочихЪ, представляющихЪ землю, по мнѢнію КитайскихЪ толковниковЪ; а по сочинителеву и всѢхЪ иныхЪ объяснителей, что основатель народа таковыя черты преподалЪ яко наставленіе соотечественникамЪ своимЪ; ему бы надлежало сказать просто, что верьхнія три черты суть таинственныя ознаменованія самаго Бога, великаго сего Единства, замыкающаго вЪ себѢ Троицу. Для чего же не имовѢрствовалЪ онЪ, что праотецЪ Ной, вѢдая таинство сіе по преданіямЪ отЪ первобытныхЪ человѢковЪ, внушилЪ оное дѢтямЪ своимЪ; дѢти же его изобразили то иносказательными начертаніями? Мысль сама по себѢ чуждая нелѢпости: поспѢшествуя благочестивую вѢру, не благовѢстнику Евангелія вЪ КитаѢ отметать

ее.

ее. Монахъ А*** доказуетъ множествомъ мѣстъ въ сочиненіяхъ своихъ, что всего меньше есть въ свѣтѣ таковыхъ толкователей, которые находятъ Христіанскія наши таинства въ басняхъ древности. Разсуждаетъ онъ довольно основательно, долженствуя вѣщать предъ Европою о славномъ ономъ Троесловіи Китайцевъ. Наконецъ изрекъ мнѣніе свое, не предосудительное вѣрѣ во Христа, нравамъ и законамъ. Предоставляю Читателю пользоваться правомъ своимъ, какъ въ разсужденіи сей, такъ и прочихъ статей сочиненія его.

Первая часть сего Тома совоспослѣдуется не малымъ числомъ дщицъ, при коихъ положены объясненія. Оныя совокупно представляютъ великую картину исторіи и памятниковъ Китайскихъ; текстъ жесткій, но не меньше для того приманчивый для мужей ученыхъ. Увидятъ они между прочимъ, что Китайцы почти во всѣ времена держалися таковаго образа мыслей; что имѣли завсегда однѣ и тѣ же самыя правила, нравы, обычаи; словомъ, одинакіе ихъ были шаги во всякомъ родѣ обмышленій.

Послѣ повстрѣчается Читатель съ примѣчаніями цѣнительными, изданными въ Пекинѣ Г. Павомъ, подъ названіемъ: Розыски о Китайцахъ и Египтянахъ. Многое изъ того выпущено, другое сокращено, оставлено же только то, что можетъ не токмо опрекословить клеветы сочинителя сказанныхъ розысковъ, но и подать свѣденія Читателю о нѣкоторыхъ важныхъ особенностяхъ, въ разсужденіи ли то исторіи, или нравовъ и обычаевъ Китаискаго народа. Долженствуемъ не пере-

мѣнять слога и тѣней онаго. Легко подразумѣвать, что вЪ Пекинѣ не тако изражается письмоводство, какЪ нынѣ у насЪ; здѣсь по крайней мѣрѣ разновидность сія принята могущею быть какЪ бы нѣкоею здобою книги, сочиненной наскоро.

ТомЪ сей окончавается тремя записками о дикихЪ шелковичныхЪ червяхЪ, хлопчато-бумажныхЪ и бамбуевыхЪ древесахЪ; напослѣдокЪ малою поэмою, названною СадЪ Сее-Ма-Куанга.

ЗАПИСКИ,

НАДЛЕЖАЩІЯ

ДО

КИТАЙЦЕВЪ.

Древности Китайскія, доказанныя памятниками.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Все пишемое мною о Китаѣ, суть истинны по разумѣнію моему; все предварительно разсматривалъ я и разыскивалъ. Но при всемъ моемъ возможномъ вниманіи и стараніяхъ моихъ могъ я обмануться; могъ не точно обозрѣвать предметы. Хотя сужу о нравахъ, обычаяхъ, исторіи, лѣточисленіи и всякой учености Китайцевъ не инако, какъ основываяся на сочинителяхъ сего народа, уважаемыхъ въ отечествѣ своемъ; но всегда готовъ я перемѣнить мнѣнія мои, егда яснѣйшія предпоставлены мнѣ будутъ убѣжденія, или откроются предо мною доказательства сильнѣйшія противу тѣхъ, коими я преклоненъ сталъ.

Приводя въ сочиненіи, предлагаемомъ мною теперь къ чтенію, часть таковыхъ убѣжденій, таковыхъ доказательствъ, не далъ я имъ того пространства, той степени силы, которыя можетъ быть нужны къ удовлетворенію любопытства Читателей. Множество вещей, о коихъ мнѣ упоминать надлежало; боязнь, чтобъ не наскучить подробностями мѣлочными и непривлекательными, попрепятствовали мнѣ высказать все. Не преступилъ я предѣловъ надлежащаго къ тому существенно. Естьли не довольно простерся о каждомъ предметѣ въ особенности, то, дабы не оставить ничего къ пожеланію Читателей, дополнялъ, пиша вообще о всѣхъ таковыхъ предметахъ. И такъ по сему токмо соединенію оныхъ да судятъ меня.

Слогъ поучительный, станется, что болѣе бы приличествовалъ, нежели избранный мною; но надлежало мнѣ входить во множество розысковъ, коихъ сухость непремѣнно бы отвратила всякаго. Вольный слогъ эпистолярный принялъ я паче для меня ловкимъ къ объясненію умоначертаній моихъ; будетъ соемѣстенъ съ небольшими удаленіями отъ черты сказанія, по мѣрѣ, какъ поводы къ тому приходить мнѣ будутъ на мысли.

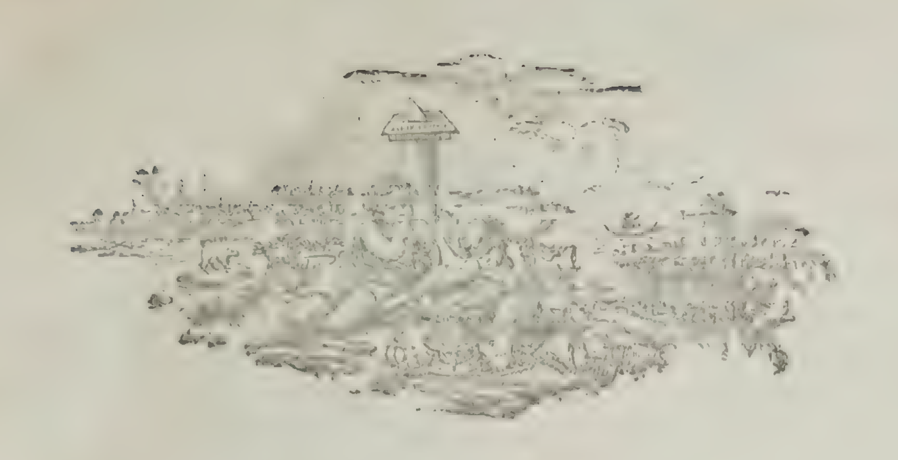
Слова Китайскія изражалъ устами французовъ, чтобъ были разумѣваемы жителями Пекина го-

говорятъ простонародными нарѣчіями, на примѣръ Овен-Оeангъ, а не Вен-Вангъ, и такъ далѣе; инако же не вѣдали бы, что точно значатъ слова такія. Подобно же пишу Шеки-Сеэ-Матсіенъ, но не Се-Ки, ниже Су-Ки, Сумаевъ, и тому подобное. Выговоръ Сеэ-Ки, или Су-Ки, столь же будетъ испорченъ, естьли кто скажетъ мая люпесны отесъ, мая люпесна мадь, и проч. Сеема ставится у меня съ буквою Е въ двойнѣ ради того, что слово сіе есть протяжное, и произносится какъ, на примѣръ, слово преестественность, и проч. Когда бы буквы, или знаки и тѣхъ изъ областныхъ жителей же, которые не Китайцевъ могли быть разположены по азбукѣ, то льзя бы было дать имъ звуки произносительные единообразно. Но знаки сіи представляютъ зрѣнію изображенія, выговариваемыя Китайцами по своему: каждый Европейскій народъ изражаетъ таковые выговоры ихъ особенно. Возмемъ въ примѣръ букву, значущую песокъ: Французы пишутъ Ша, Португальцы же Кса. Французъ Француза токмо, Португалецъ Португальца разумѣетъ въ семъ случаѣ. Естьли же бы послѣдніе хотѣли выговорить Ша своимъ произношеніемъ, то вышло бы пишемое Французами Тша, и проч.

Необходимо должно не сливать согласной нашей буквы Ѵ съ гласною У, а сію съ N. Погрѣшность, часто дѣлаемая въ Европѣ за невозможностію до-

полнять недостатки сочиненій, наскоро писанныхъ. Еще стоитъ вниманія, что языкъ Китайскій составляется токмо односложными словами; двоесложныя же, значащія одну и ту же вещь, или одно и то же лице, связуются знакомъ союза; — на примѣръ Таи-Тсунгъ: нѣкоторые изъ насъ Европейцовъ погрѣшительно пишутъ Тайт-Сунгъ, и проч.

Всѣ иныя буквы пишу я такъ, какъ оныя произносятся въ Пекинѣ и при Дворѣ. Изражая имя Китайскаго законодавца, не ставлю Фо-Ги, но Фу-Ги; означая лѣтописи не Канг-Мо, но Канг-Му; Уэи, не Нгоэи; Панъ, не Пуонъ. Впрочемъ все таковое не можетъ быть довольно важно для Европейцовъ; намъ же необходимо понимать говоримое и пишемое о Китаѣ.

ДРЕВНОСТИ
КИТАЙЦЕВЪ,
доказанныя памятниками.

А * * * М * * *

Милостивый Государь!

Много уже миновало лѣтъ, какъ странствую я мысленно по предѣламъ древности; многократно испытывалъ я, не могу ли держаться единыхъ тѣхъ путей, которые проложены народами, не вспомоществовавшимися священными вождями, даже до пресловутыхъ равнинъ (*), служившихъ роду человѣческому вторичными пеленами младенчества.

Египетъ, страна Халдейская, Сирія, Персія, Аравія, предпоставляли мнѣ токмо врознь разсѣянныя развалины, безобразные остатки нѣкогда бывшихъ зданій, дикія и непроходимыя степи, нѣсколько признаковъ не у мѣста своего, паче удобныхъ совратить отъ пути, нежели направлять мнящихъ

(*) Окрестности Вавилонскія.

щихЪ опознавать оный, и пускающихся со благонадежностію таковымЪ путемЪ, ими указуемымЪ.

Древній Китай, коимЪ я прежде всего промчался сЪ довольною скоростію, явилЪ мнѣ предметы, достойные вниманія мудраго; подалЪ надежду достиженія желаемыя цѣли. Возвратился я вспять тою же чертою шествія моего, вЪ твердомЪ намѣреніи вновь начать оное и неспѣшно обозрѣвать всѣ углы и излучины, не щадить силЪ до самаго конца предпріятаго, преодолѣвая препятствія всякаго рода, кои неминуемо срѣтать мнѣ надлежало.

Далеко тогда не предвидѣлЪ, что самый драгоцѣннѣйшій плодЪ таковыхЪ трудовЪ моихЪ нѣкогда послужитЪ ко удовольствію Государственныя Особы, коея просвѣщеніе простирается на все вообще.

Вооружася мужественнымЪ духомЪ, терпѣніемЪ, готовымЪ на всякіе опыты, пустился я паки по прежнему пути моему. ШествовалЪ долго стезями претрудными, утомляющими, скользкими, исполненными страховЪ и опасностей; все разсматривалЪ, вездѣ и все замѣчалЪ, сближалЪ, сравнивалЪ, раздроблялЪ, обмышлялЪ, связуя сЪ разсужденіемЪ разсужденіе, кои казалися мнѣ основательными; сцѣпляя взаимно доводы, которые мнилЪ сильными. . . НапослѣдокЪ заключилЪ, что . . . „Китайцы есть народЪ особ„ливый, соблюдшій на себѣ существенные признаки „первобытнаго произхожденія своего; народЪ, коего „первоначальное ученіе соотвѣтствуетЪ правиламЪ „онаго, естьли кто пріиметЪ трудЪ объяснять то „ученіемЪ же народа избраннаго, прежде нежели Про„рокЪ Моисей по велѣнію Вседержителя истолко-

„валЪ

„валъ ученіе таковое же въ священныхъ нашихъ „книгахъ; народъ, сказать словомъ, коего познанія, по „преданіимъ очищенныя отъ вкравшагося невѣжества „и суевѣрія послѣдовавшихъ столѣтій, восходятъ „отъ рода въ родъ, отъ единыя уразительныя за„мѣты во временахъ до другой подобной же, без„прерывно чрезъ четыре тысячи годовъ, даже до воз„становленія рода человѣческаго дѣтьми и внучатами „праотца Ноя.„

Таковый народъ, столь впрочемъ вѣдомый въ просвѣщенныхъ краяхъ по лицу земному, столь знаменитый и иными многими своими изяществами, превосходнѣйшими предъ всею иною древностію, всеконечно заслуживаетъ присвоять себѣ безъ прекословія ту же самую древность. Да и не льзя, не нарушая справедливости, инако мыслить. Постараюся, сколько могу, ясно повѣствовать о всѣхъ правахъ его къ тому, дошедшихъ до моего свѣденія, дабы, по тщательномъ разсмотреніи съ помощію сугубаго свѣтильника, здраваго смысла и безпристрастной критики, яко судей безъ предубѣжденія, слѣдовательно праведныхъ, могли мы изрещи утвердительно одобреніе наше, или отверженіе. Заключеніе мудраго Читателя, какое бы ни было, останется для меня непереносимымъ уже въ каковое либо иное вышшее разсмотреніе вновь. Не имѣю инаго подвига, кромѣ сей истинны; словомъ, подчиняюся во всемъ твоему, Милостивый Государь! рѣшенію.

Хотя все пишемое мною является мнѣ соотвѣтствующимъ съ принятыми мнѣніями въ училищахъ, паче же правиламъ церкви Христовой; но какъ удобно ополчить прибѣгающихъ ко мнимымъ онымъ томно-

ко-

костямъ развратныхъ толковъ, то прошу ничего не издавать въ свѣтъ изъ сочиненій моихъ безъ предварительнаго разсмотренія съ крайнею строгостію отъ нѣкіихъ учителей Сорбонскія Академіи. Изражаяся въ надлежащемъ свойственно до Китая, согласно съ рѣшеніями знаменитѣйшихъ ученыхъ мужей государства сего, не долженствую удаляться въ дѣлаемыхъ мною отношеніяхъ, ниже въ объясненіяхъ моихъ отъ дознаемаго сонмомъ людей, всегдашняго достойныхъ почтенія, которые по предметамъ, занимающимъ ихъ, имѣютъ первое мѣсто между святилищами наукъ во Франціи.

Можетъ быть, что противу воли моей вырвутся у меня слова, не точно означающія какую либо вещь, темныя, или двоесмысленныя. Таковыя разнообразныя мои погрѣшности, сіи просвѣщенные и строгіе просмотрители да благоизволятъ отмѣнить, объяснить найденныя ими темноты и установить понятіе о вещахъ, мало достойныхъ благовѣстника Евангелія, котораго единое намѣреніе, даже и въ томъ, что совсѣмъ постороннее главной его цѣли есть, дабы препрославить посредственно, или непосредственно всевышнее Существо, и который бы всеохотно желалъ преноситься съ конца на конецъ вселенной, дабы служеніе Господу возмогло совершаться во всей возможной своей и достодолжной чистотѣ.

Полагаяся на благоволеніе, коимъ ты меня удостоиваешь, увѣренъ я, что не будетъ тебѣ не угодно прошеніе, которое осмѣливаюся здѣсь принести. Льщуся, что не вознебрежешь онымъ; не сомнѣваюсь также, что съ угодностію поспѣшествовать бу-

будешь успѣхамъ сочиненія, могущаго утвердить самую древнѣйшую, какъ и самую же полную исторію, долженствующую проявиться подъ твоимъ покровительствомъ; ибо твои токмо велѣнія вложили мнѣ перо въ руку.

Бывъ преисполненъ сею надеждою, восхищаюся, что избралъ ты меня вождемъ по странѣ, коея измѣрилъ уже я пространство. Истощу силы мои, стараяся по меньшей мѣрѣ облегчить нѣсколько тягости таковаго для тебя пути и отвращеніе отъ него. Естьли посреди терния, коимъ усыпанъ, возмогу сорвать тебѣ нѣсколько цвѣтовъ: почту себя избыточно награжденнымъ за всѣ подъятые мною труды.

Прежде нежели начнемъ шествіе наше, попусти, Милостивый Государь! напомнить тебѣ включенное мною въ заглавіи объясненіе хронологическія таблицы Императора (1). Читалъ уже ты въ словѣ о древностяхъ Китайскихъ, что какъ ни далеко восхо-

(1) *На сіе объясненіе, составляющее не малое и важное сочиненіе, поднесенное въ тысяча семь сотъ семидесятомъ году Господину Биньіону, книгохранителю Королевскому, монахомъ Аміотомъ, многія будутъ ссылки. За симъ, подъ названіемъ перваго письма о Китайскихъ древностяхъ, которыя служатъ предсловіемъ хронологическому сокращенію всеобщей исторіи Китайскаго сокращенія, напечатанной въ Пекинѣ по указу и подъ именемъ Императора Кіэн-Лонга, нынѣ владѣющаго Государя. Сокращеніе сіе въ трехъ частяхъ: первая содержитъ времена миѳологическія и баснослов-*

дитъ во глубину первобытныхъ временъ народъ сей, но составленіе онаго общежительное подъ Гоанг-Тіемъ, истиннымъ своимъ законодавцемъ, есть вѣрная замѣта во времячисліи, до которой достигнуть можно посредствомъ круголѣтій, яко непрерывающейся цѣпи, отъ настоящаго теперь года до шестьдесятъ перваго, владѣнія Государя сего, въ точности соотвѣтствующаго 2637 до воплощенія Спасителя. Видѣлъ также въ словѣ, образомъ посланія изданномъ, что прежде Гоанг-Тіа государство Китайское, основанное Фу-Гіемъ, имѣло по немъ другихъ обладателей, которые имъ управляли. Но число послѣднихъ и продолженіе ихъ скипетродержавства не можно неоспоримо установить по правиламъ строгой критики; ибо не возможно же совершенно разгнать мраки, обемлющіе первыя столѣтія вновь возрожденнаго міробытія.

Не имѣвъ тогда инаго на мысли, какъ только чтобъ подать краткое и общее понятіе объ истинной древности Китайскаго народа, къ показанію, что оный не есть коренный на мѣстахъ, ниже состоитъ изъ выходцевъ древнихъ Египтянъ, но происходитъ пря-

словныя; вторая сомнительныя и не точно извѣстныя, начиная Фу-Гіемъ, основателемъ монархіи до Гоанг-Тіа, который есть онаго и законодатель; третія, времена историческія и извѣстныя, отъ шестьдесятъ перваго лѣта царствованія Гоанг-Тіа по тритцать пятое владѣнія Кіэн-Лонга, сирѣчь отъ двухъ тысячь семь сотъ тритцать седьмаго года до рождества Христова, до тысяча семь сотъ семидесятаго года Христіанскаго нашего лѣточислія.

прямою чертою отъ внучатъ Патріарха Ноя, между доказательствами, найденными мною удобовразумительными для каждаго человѣка, положилъ я токмо такія, которыя непосредственно и чувствительно доказываютъ вѣроятіе главнаго моего предмета.

Хощешь ты отъ меня еще болѣе нѣчто: вопрошаешь, нѣтъ ли доказательствъ и такого рода, которыхъ бы къ опроверженію ничего основательнаго сказать было нечего, и которыя бы заставляли всякаго правомыслящаго согласиться? Также угодно тебѣ, чтобъ таковыя доказательства изъяты были сокращенно, или по меньшей мѣрѣ указательно на самые подлинники, неоспоримо вѣрные.

Отвѣчаю. . . Суть таковыя доказательства, и могу тебѣ доставить ихъ; но какъ суть сами по себѣ скучны, требующія духа состязательнаго и утомляющаго, ищущаго удостовѣрить себя: то примыслилъ я предложить Читателю образомъ щадящимъ его вниманіе, то есть въ чертежахъ, дабы яснѣе подпадали зрѣнію. Устремя оное на таковыя доказательства, явятся паче чувствуемы и вліютъ въ умы свѣтлость очевидности. Сверьхъ того, такъ соединенныя подъ однимъ ударомъ очей, составятъ какъ бы полное тѣло всего извѣстнаго Китайцамъ о первобытномъ происхожденіи ихъ, не пресѣкавшагося никогда, начиная первобытнымъ же составленіемъ своего общежительства: о всемъ томъ, что вѣдаютъ касательно до вѣры и нравственности, наукъ и художествъ; наконецъ до употребленнаго способа къ наученію одними другихъ и къ доставленію всего же онаго потомству; способа, Китайцамъ особенно свойственнаго, коего всегда держалися и который столько же древенъ, какъ государство ихъ.

Представь себѣ, Милостивый Государь! что вникаемъ мы съ тобою въ Китайскую ученость, яко въ лѣсъ непроходимый и мрачный, гдѣ между тернія и колющихся кустарниковъ долженствуемъ нѣкогда находить пни, до половины изтлѣвшіе отъ ветхости, но на себѣ носящіе признаки первѣйшихъ столѣтій мірозданія; долженствуемъ нѣкогда находить и тѣ сѣдинами покрытыя древеса, кои пощажены косою временъ, кои тщетно покушалась низвергнуть сѣкира, и по коимъ можемъ подразумѣвать число лѣтъ, протекшихъ отъ первобытнаго ихъ изницанія.

Остановимся при самомъ началѣ, и посмотримъ, что сказываетъ намъ сей родъ надписи на челѣ зданія, представляющагося зраку нашему [смотри рисунокъ первый и объясненіе онаго]. Сіе есть сокращеніе всего того, что увидимъ въ продолженіе труднаго нашего путешествія: содержитъ показаніе первоначальныхъ познаній первобытныхъ жителей Китая, оставленныхъ ими потомству, которые тоже самое преподавали по себѣ отъ рода въ родъ, даже до нашихъ дней.

Кругъ А, видимой тобою превыше всего на подобіе вѣнца, изображаетъ священное имя Существа Всевышняго, имя духовъ небесныхъ, душъ человѣковъ, наслаждающихся наградами за добродѣтели временной ихъ жизни. Первое читается тако: Шанг-Ти, что значитъ въ точности высочайшій Господь; равнозначущія же имена онаго суть Тіэнъ, сирѣчь небо; *Лао*-Тіэнъ, или ветхое небо; Гоанг-Тіэнъ, сирѣчь вышнее небо сверьхъ того нѣкоторые философы нарицаютъ оное *Ли*, или коренное основаніе, необходимое, учиняющее всѣ вещи, каковы суть; и Тайки, или первое основаніе. Словами Тайки, Гоанг-Тіэнъ,

Лао-

Лао-Тіэнъ, Тіэнъ и Шанг-Ти, знаменуютъ тоже, что бы наши израженія: Истинна по существу, вышшая Премудрость, Разумъ вѣчный и непреложный, пребывяй во всемъ и вездѣ, существующій самъ въ себѣ и самъ собою, дающій всякому существу свѣденіе и преизящество, естественное же каждому, и глубокость въ познаніяхъ ихъ.

Читавшій со вниманіемъ книги древнихъ Китайцевъ, и обмысливъ тщательно присвояемое сему Существу подъ разными приведенными мною именами могущество и власть его, и по сличеніи всѣхъ мѣстъ въ книгахъ ихъ, упоминающихъ объ ономъ, найдетъ, что таковый вѣчный Разумъ, Шанг-Ти, Тіэнъ и проч. даровавшій силою Ки, сирѣчь вдохновéнія своего всемогущаго [Г] веществу Ѵнъ [Д] и Янкъ [Е] плодоносіе, свойственное сему послѣднему, преходя изъ состоянія покоя, или неключимости въ движеніе, или работу, вводитъ во пріятіе попремѣнно разныхъ на себя образовъ, или преобращеній, составляющихъ различныя вещества во всѣхъ производимыхъ природою единицахъ.

Находимъ подобно же, что сей самый вѣчный Разумъ, сей самый Шанг-Ти, Тіэнъ и прочее, давъ Сан-Тсаіэмъ [Ж], сирѣчь тремъ дѣятелямъ въ превосходствѣ, или тремъ силамъ произрастительнымъ, которыя суть небу [З], землѣ [И] и человѣку [І] бытствованіе, способность каждому свойственную бытствовать, далъ еще и силу и возможность пользоваться тѣмъ, подвергнувъ подъ законы общіе, коимъ не могутъ не повиноваться.

Еще находимъ, что самый сей вѣчный Разумъ, самый сей Шанг-Ти, Тіэнъ и прочее, все видящій,

все знающій, вездѣ сущій, казнитъ злыхъ, награждаетъ благихъ, удостоеваетъ водворенія съ Собою въ блаженствѣ вѣчномъ Шеновъ и Шенговъ, сирѣчь добрыхъ духовъ разныхъ степеней и человѣковъ добродѣтельныхъ, егда изыдутъ изъ смертныхъ своихъ вмѣстилищъ. Между послѣдними даютъ мѣсто новѣйшіе Китайцы, заблудившіе отъ истинны ученія основателей отечества ихъ: Фу-Гіу, Шен-Нунгу, Гоанг-Тіу, Яоу, Шуну, Юу, Тшинг-Тангу, Овен-Уангу, Таи-Кунгу, Тшеу-Кунгу, Конфуцію и инымъ мудрымъ мужамъ добродѣтельныя древности [1], не разумѣя

(1) *Тѣ изъ проповѣдниковъ, которые вѣрили, или казалися вѣрить, что было нѣкогда время, когда Китайцы разумѣли пять Шанг-Тіевъ, воздавая имъ почести подобныя же, какъ и самому превосходнѣйшему Шанг Тію; но не понимали разности безконечной, полагаемой самыми же Китайцами между почестей и почестей Шанг-Тію, верьховному Владыкѣ, и еще пяти Шанг-Тіямъ же, пріемля подъ симъ именемъ уваженія достойнѣйшихъ Императоровъ глубокой древности. Послѣдніе такъ нарицалися весьма рѣдко, и чрезъ оное превозносили ихъ надъ прочими Императорами. Шанг-Ти въ такомъ смыслѣ не болѣе значитъ, какъ между нами Государь превыше прочихъ Государей. И въ самомъ дѣлѣ превосходили они прочихъ доблестями своими, древностію, основаніемъ государства и тѣмъ, что ими начались первыя династіи. Слово Шангъ въ переводѣ Е, превыше, иногда присовокуплялося къ слову же Ти, сирѣчь Императоръ въ смыслѣ, мною описываемомъ здѣсь, подобно какъ налагается ино-*

умѣя однако же оныхъ наровнѣ со Шанг-Тіэмъ, но уравнивая со Шенгами, то есть какъ бы любимцами всевышняго Существа, и въ которомъ наслаждаются безсмертною славою, достодолжною достоинствамъ и доблестямъ ихъ.

Еще

иногда Шу-Кингу названіе Шанг-Шу; а самой ветхой древности Шангу. Слово Шанг-Шу, придаточное къ Шу-Кингу, даетъ ей верьхъ надъ всѣми прочими книгами. Названіе Шанг-Ку, даемое глубокой древности, означаетъ первобытныя времена. Такъ точно пять Шанг-Тіевъ означаютъ пять же Императоровъ, знаменитѣйшихъ въ государствѣ, то есть пять Императоровъ превыше всѣхъ прочихъ. Ихъ-то обычайно нарицаютъ пятью Тіями, которые суть Фу-Ги, Шен-Нунгъ, Гоанг-Ти, Яо и Шунъ.

Изъ всѣхъ Императоровъ, предпочитаемыхъ прочимъ Китайцами, суть основатели трехъ первыхъ династій: Ю основатель династіи Гіаевой; Тшен-Тангъ династіи Шанговой, Овен-Овангъ династіи Тшеуской; они же именуются тремя Царями Сан-Уангъ. Между Шенгами полагаются также Конфуцій, Тшеу-Кунгъ, Таи-Кунгъ и многіе другіе мудрые мужи, упоминаемые въ лѣтописяхъ и книгахъ; даже и нынѣ матери владѣющаго Государя дается почтенное оное имя Шенгъ; тоже и самому Императору. И такъ говорится Шенг-Му, сирѣчь святая матерь; Шенг-Шу, сирѣчь святый владыко. Оканчеваю примѣчаніе сіе возвѣщеніемъ, что увѣрявшіе, будто бы обожаемы были въ Китаѣ Императоры, прозванные пятью Тіями, или пятью-Шанг-Тіями, оказываютъ Китайцамъ таковую же несправедливость,

Еще находимЪ, что тотЪ же самый вѣчный РазумЪ, тотЪ же самый Шанг-Ти, ТіэнЪ и прочее, подЪ названіемЪ Минга предустановляетЪ непремѣнными судьбами все могущее быть предуставлено. Слово МингЪ вЪ переводѣ на языкЪ нашЪ значитЪ провидѣніе, или инако судьба. Выговаривая слово судьбу, не должно за одно разумѣть со слѣпотствующимЪ онымЪ рокомЪ по необходимости, и который есть самЪ не что иное, какЪ необходимость же. МингЪ древнихЪ КитайцевЪ дѣйствуетЪ свободною волею и соизбраніемЪ, что дѣлать: „все предвидитЪ, повсюду простирается, даетЪ царство нѣкоему особому племени во благоденствіе народовЪ, низвергаетЪ сЪ престоловЪ недостойныхЪ занимать оный; или егда посажденные на немЪ уполнятЪ мѣру злодѣяній своихЪ, или егда престанутЪ содѣйствовать званію, на которое возведены.„ НѣтЪ ниже одной книги у КитайцевЪ нѣкотораго извѣстнаго рода, гдѣ бы не вмѣщалися правила таковыя.

НапослѣдокЪ находимЪ же, что самый сей вѣчный РазумЪ, самый сей Шанг-Ти, ТіэнЪ и прочее, коему благоговѣли во всѣ времена жертвоприношеніями сЪ особою музыкою, обрядами, единственно на сей токмо конецЪ установленными, сЪ начала на открытыхЪ поляхЪ, или вершинахЪ горЪ, надЪ Кіаоями и Танами, сирѣчь на круглыхЪ кучахЪ каменьевЪ, или просто, на круглой же земляной насыпи.

Двойный заборЪ изЪ древесныхЪ вѣтвей и дерновый валЪ окружалЪ Таны; во внутренности зрѣлися вЪ

вость, какЪ нѣкоторые Христіанскіе раскольники Римскаго исповѣданія держащихся обвиняютЪ воздаваніемЪ БожескихЪ почестей святымЪ.

вправо и лѣво два возвышенія поменьше, на которыхъ непосредственно послѣ жертвъ въ честь Тіэна, или Шанг-Тіа, приносили же жертвы Шенамъ и Шенгамъ, то есть вышшимъ духамъ всякаго рода и добродѣтельнымъ предкамъ.

Право жертвоприношенія на Танахъ принадлежало токмо Самодержцу, яко изключительно предъ всѣми верьховному жрецу народа. Шен-Тіэны, толкователи, паче прочихъ читавшіе учебныя книги, большая часть писателей объ отдаленнѣйшей древности, и сочинители примѣчаній на исторію, единогласно утверждаютъ, что обычай жертвовать единому Шенг-Тію на Танахъ, а Шенамъ и Шенгамъ на особенныхъ олтаряхъ по сторонамъ каждаго Така, внѣ первыя внутренныя заграды, сирѣчь посреди двухъ оплотовъ, коими Таны обносилися, есть обычай, заведенный и употребляемый самимъ Фу-Гіемъ, преданный отъ него потомкамъ отъ рода въ родъ съ тѣми же самыми обрядами, безъ сопримѣшенія всякаго инаго богослуженія, даже до династіи Тшеуской изключительно.

Сіи знаменитые писатели пріобщаютъ, что молитвословя и дѣлая обѣты Шанг-Тію, древніе Императоры и подданные ихъ разумѣли Шанг-Тіа всемогущимъ, властнымъ исполнить всякое прошеніе; но покланяяся духамъ и предкамъ, требовали токмо отъ нихъ единаго за себя ходатайства предъ Шанг-Тіемъ. Отъ сего безъ сомнѣнія возникла разность безъ израженій, означающихъ два сіи рода жертвъ. „Молилися Шанг-Тію, извѣщали предковъ, свидѣтельствовали имъ покорность, совершали въ честь ихъ почтительные обряды. „Такое различіе ясно означаетъ изражаемыя онымъ вещи.

При начаткахъ монархіи посвящали Кіаои, воздвигали Танъ на вершинѣ холма, на первой высотѣ, или на горѣ ближайшей. Во время, когда Самодержецъ и дѣловые его особы, вошедъ внутрь сугубаго оплота изъ древесныхъ вѣтвей и дерна, какъ выше сказано, приносили жертвы: подданные стояли въ почтительномъ и глубокомъ молчаніи вокругъ Кіао, или на покатости горы, гдѣ происходило таковое дѣйствіе.

Говорю подданные, а не подданныхъ нѣсколько; ибо повиновавшіеся тогда Фу-Гію бывали всѣ, или почти всѣ соединенно при вождѣ своемъ. Не должны уважаться слухи великими названіями Императоровъ, или государства: названія, вымышленныя въ послѣдовавшія за тѣмъ времена, наложенныя первымъ Китайскимъ Самодержцемъ, совокупно же и самому Китаю; однимъ къ отличенію человѣковъ, имѣвшихъ подъ властію своею человѣковъ; другимъ въ ознаменованіе земель, разработанныхъ по повелѣніямъ первыхъ, послѣднихъ собственными руками. Первобытные Императоры были вожди и начальники единаго токмо селенія, которое составлялось не болѣе, какъ изъ ста, или около того семействъ, кои за одно, или два столѣтія предъ тѣмъ, вышли отъ окрестностей Арарапскія горы и окоренили пребываніе свое въ близости Желтой рѣки, извѣстной у Китайцевъ подъ именемъ Гоанг-Го.

Фу-Ги, основатель перваго таковаго селенія, собравъ пожелавшихъ повиноваться ему, сообщилъ имъ слышанное имъ изъ устъ даровавшихъ ему жизнь. Сказывалъ о Тіэнѣ старѣйшемъ, Шанг-Тіѣ, о всевышнемъ Существѣ, всевидящемъ, присносущномъ, на-

наполняющемъ Собою неизмѣримость свою. Объяснилъ, какъ понимаетъ естество сего самаго Тіэна, самаго сего Шанг-Тіа, или Существа всевышняго, создавшаго, содержащаго всяческая, дающаго пріумноженіе, совершенство, возобновляя виды твореній своихъ по разрушеніи, подобно же прежде Имъ преобразованныхъ. А дабы не загладилися въ памяти слова его о томъ, что случалось съ предками ихъ, примыслилъ знаки въ маломъ весьма числѣ, самые простые, которые бы ради того точно удобнѣе могли быть незабвенны.

Повторяю, примыслилъ знаки въ маломъ числѣ препростые: одного воззрѣнія очей довольно, Милостивый Государь! къ удостовѣрію тебя въ томъ. Благоизволь найти въ первой таблицѣ изображенія И, I, К. И, представляется цѣлою чертою; I прерванною; обѣ же именуются Китайцами Леанг-Y, сирѣчь два основательныя правила. Изъ сихъ двухъ изображеній, пріемля ихъ дважды съ нѣкоторою принаровкою одной съ другою, Фу-Ги составилъ еще четыре знака взаимственные, прозванные Сеэ-Сіангъ; ими-то образуется знакъ К. Сеэ-Сіанги суть четыре двоесловія, составляемыя двенатцатью почерками.

Четырехъ таковыхъ двоесловій и дванадесяти таковыхъ же почерковъ, мало разсудилось основателю Китайскаго государства къ объясненію всего онаго, чему онъ научить хотѣлъ едва токмо ему покорившихся. Усугубилъ двоесловія, устроилъ число почерковъ: вышло осьмеричное число; произвело удвоеніе двоесловій и тритцать шесть почерковъ. Вотъ отъ чего возникли такъ нарицаемые Куаи, или восемь висящихъ знаковъ; висящихъ потому, что вывѣшиваются на мѣстахъ, по коимъ болѣе иныхъ ходилъ народъ.

Восемь Куаевъ, или троесловій, тако изобража лися взаимственно, какъ видѣть можно подъ буквою М, въ первой дскѣ, обращенною четырьмя главными своими концами ко главнымъ же странамъ вселенной: тамъ совершенное зрится насупротивъ несовершеннаго, числы четкою противъ чиселъ нечеткою, небо противу земли, горы противъ водъ, громы противу вѣтровъ. Далѣе четыре троесловія, составленныя изъ чиселъ четкою, имѣютъ между собою по равному числу почерковъ, какъ и четыре же троесловія, составленныя изъ чиселъ нечеткою. Таковое-то было первое разположеніе Куаевъ; таковъ-то, вѣщаютъ Китайскіе философы, былъ устрой непреложный вещества къ произведенію всяческихъ.

Сіе изобрѣтеніе, за многія прежде столѣтія предъ Гермесомъ Трисмегистомъ вымышленное, существуетъ даже до нынѣ, и есть не что иное, какъ токмо черты цѣлыя и ломанныя, взаимно сцѣпляемыя три съ тремя; знаки чудесные, коихъ помощію изражаются превыспренныя истинны съ рѣзкостію и силою, нежели посредствомъ словъ.

Подобно какъ мы употребляемъ нѣкоторые принятые знаки въ розыскахъ, самыхъ запутанныхъ, вычетахъ алгебры, сказаніяхъ самыхъ пространныхъ и весьма длинныхъ текстахъ: такъ-то помощію малаго числа иныхъ знаковъ изражаемъ мы изгибы голоса, даемъ услышать разные звуки музыкальныхъ орудій, подражаемъ движеніямъ медленнымъ и поспѣшнымъ, устройно и нестройно; можемъ описывать страсти, колеблющія и волнующія душу. Но дабы приводить въ дѣятельность и удобно понимать таковыя чудеса, предварительно надобно спознать тайны искус-

искусства сего. Надобно научиться правиламъ и основанiямъ первоначальнымъ, чтобъ вразумителенъ намъ былъ таковый родъ языка. Безъ сихъ предварительныхъ познаний наияснѣйшiя доказательства, самые точные и въ наилучшемъ порядкѣ вычеты, явятся намъ нерѣшимыми загадками; явятся родомъ токмо препинанiя, поставляемаго въ нотахъ, коими вразумляются играющiе на музыкальныхъ орудiяхъ, какъ имъ смягчать, или инако производить звуки.

Но и всякой вообще предметъ познаний человѣческихъ можно уподоблять театральнымъ украшенiямъ: дабы постигнуть и увидѣть, тщетно удручаемы будутъ и умы и очи безъ помощи свѣтильниковъ.

Троесловiя, правдѣ-подобно, при первобытномъ своемъ изданiи былъ родъ таинственнаго письмоводства, соразмѣрный понятiю людей грубыхъ и полудикихъ, только что образовавшихъ общежитiе. Такiя письмяна, или паче таинственные знаки, долженствовали казаться имъ легкими къ выразумѣванiю и ко припряганiю ихъ истиннамъ физическимъ и нравственнымъ, коимъ были научаемы; припряганiе таковое не могло быть отвратительно умамъ непросвѣщеннымъ, слѣдовательно не могшимъ же дѣйствовать всѣми силами своими совокупно въ обмышленiяхъ нѣкоторой трудности. Надлежало сверьхъ того, чтобъ то и другое печатлѣлося въ ихъ памяти.

Положимъ на нѣсколько мгновений, что присутствуемъ мы при первомъ наставленiи Фу-Гiя подданныхъ его, послѣ изобрѣтенiя Куаевъ: мечтается мнѣ, что слышу голосъ достопочтеннаго сего

законодавца, который держитъ восемь троесловій въ рукахъ, и тако вѣщаетъ:

„Со времени, какъ избрали вы меня единогласно себѣ начальникомъ, первою должностію моею принялъ научить васъ знанію, паче всего инаго нужному вамъ. Съ прискорбностію взираю, что уроки мои, толикократно преподаванные, почти заглаждаются въ памяти вашей.

„Узлы, вязомые вами на верьвяхъ для незабвенія выучиваемаго, не довольны къ тому. Какъ могутъ служить оные къ наставленію дѣтей вашихъ? Какъ можете и вы сами помощію единыхъ таковыхъ узловъ доставить познанія ваши потомству? Надобно нѣчто яснѣе, порядочнѣе, общественнѣе; надобно имѣть вамъ нѣчто такое, что бы неисходно было предъ глазами вашими. Долго я о семъ размышлялъ; обращало то на себя углубленіе мыслей моихъ. Небеса подали мнѣ руку помощи, егда уже готовился отстать отъ предначинанія моего, коего исполненіе превышало мои силы.

„Предъ недавными днями сидѣлъ я на берегу рѣки, узрѣлъ выходящаго изъ водныхъ нѣдръ чуднаго животнаго: не конь то былъ, не драконъ, но тотъ и другой совокупно. Удивяся видѣнію, долго не сводилъ очей моихъ: изумленіе мое по мѣрѣ разсматриванія внѣшности земноводнаго сего обитателя, доселѣ неизвѣстнаго, увеличивалось. Безпорядокъ въ чешуяхъ, покрывающихъ тѣло, судилъ я не произведеніемъ слѣпаго случая. Усугубилъ вниманіе; разверзлася непостижимость ума моего; обрѣлъ столь давно и столь тщетно искомое мною:

„хочу

„хочу сказать, знаки, удобные изображать вещи, „удобные освѣжать память вашу, егда бываю отсут„ственъ, или разлучитъ меня съ вами смерть.

„Таковое искусство изображать мысленныя ве„щи, подобно какъ и подпадающія чувствамъ, со„ставляется осьмью троесловіями; каждое изъ двухъ „токмо простыхъ чертъ: цѣлой и ломанной. Свя„залъ я сіи троесловія взаимно, какъ видите на семъ „держимомъ рукою моею изображеніи. . . Потщуся „обьяснить вамъ ихъ.

„Даръ Небесъ роду человѣческому, благодѣяніе „крайнее, взыскуетъ отъ насъ наижарчайшую благо„дарность. И такъ начнемъ съ сего же дня торже„ственно оную свидѣтельствовать.„

Позволили мы себѣ употреблять подразумѣванія, то и можемъ полагать, что подданные Фу-Гія, услышавъ послѣднія его слова, поверглися ницъ на землю; ударяли челомъ, и безпрестанно повторяемыми восклицаніями, паче нежели вразумительными словесами, обнаруживали движенія сердецъ; можемъ также полагать, что онъ, оставя ихъ на нѣсколько заниматься самими собою, наложилъ имъ молчаніе, и потомъ продолжалъ:

„Первая изъ осьми триграммъ, поверьхъ „прочихъ, есть таинственное ознаменованіе тѣхъ же „самыхъ Небесъ, коимъ вы приносили теперь молитву. „Берегитеся разумѣть за едино съ тѣми небесами, „которыя видятъ глаза ваши: первыя зрятся токмо „мысленными очами. Но что говорю я? слабое наше „понятіе не можетъ себѣ представить каковы суть;

„по-

„ познаемъ ясно, но по произведеніямъ токмо оныхъ. „ Существуютъ по необходимости; сами собою, не „ имѣютъ ни начала, ниже конца; ими всяческая на„ стаетъ, возрастаетъ и усовершенствуется. Не „ забывайте четырехъ сихъ словесъ: Ивенъ, Генгъ, „ Ли, Тшенгъ; углубляйтеся объ нихъ размышленіями „ вашими. Всякой разъ, егда первая сія триграмма, „ которую нарицаю Кіенъ, или Небеса, подпадаетъ „ взорамъ вашимъ, возводите умъ даже до горьнихъ „ Небесъ, коихъ сіи суть токмо слабыя подобія. „

Простиратться ли мнѣ далѣе, Милостивый Государь! вѣщаніемъ Фу-Гія, и такимъ же точно слогомъ? Влагать ли мнѣ въ уста его, что бы былъ онъ долженъ, или могъ говорить о неисповѣдимомъ таинствѣ Святыя Троицы? Времена, егда преподалъ онъ законы первобытнымъ жителямъ той части земнаго круга, которую называемъ нынѣ Китаемъ, весьма близки отъ временъ же всемірнаго потопа: слѣдовательно не льзя ему было не вѣдать главную таковую важность исповѣданія вѣры предковъ своихъ. Извѣстна же ли была ему, то чего же ради не возвѣстить ему нѣчто о томъ людямъ, коихъ принялъ на себя научать и просвѣщать? Инако, думаю, похитили бы мы существенное у святаго закона Божія, необходимо единаго потребнаго для человѣковъ; ибо онъ единъ есть токмо истинный. Похитили бы мы у онаго доводы преданія, никогда непрерывавшагося, начиная отъ Адама до Ноя; отъ Ноя даже до законодавцевъ разныхъ народовъ, населившихъ поверьхность земную, естьли отречемся присвоять основателю Китайскаго государства знанія по преданіямъ, коими всего наипаче поспѣшествуется блажен тво общее, настоящее и грядущее. Но какъ бы то ни было, присвоимъ ему оныя хотя по снисхожденію,

нію, буде находимъ затрудненія поступить на то по здравому разсудку и справедливости. Посмотримъ, какъ онъ съ помощію своихъ триграммъ вразумить могъ человѣковъ грубыхъ, какъ могъ научить ихъ.

„Сей Кіэнъ, могъ онъ сказать, продолжая объ„ясненіе первыя триграммы; сей Кіэнъ, таинственный „знакъ всевышшаго Существа, изображаетъ также „намъ самаго Его подъ знатнѣйшими онаго свойства„ми. Кіэнъ есть единица, единый образъ, составлен„ный изъ трехъ прямыхъ чертъ простыхъ, совер„шенно равныхъ между собою, различающихся ток„мо положеніями одна отъ другой; почему и суть „первая, вторая, третія. Первая не можетъ быть „второю и третіею, ниже та оною. Кіэнъ по обра„зу есть единица, но по триграммѣ есть существен„ная троица. Но сіи три черты, хотя ясно различ„ныя взаимно, по существу есть единица, изобража„емая въ троицѣ. И тако, взирая вы на составъ сей „изъ трехъ чертъ, понимайте цѣлость нераздѣль„ную, единство, преставшее бы бытствовать, „естьли бы могло быть раздѣлено. Цѣлость, сло„вомъ, коея три черты, составляющія оную, имѣя „совершенное между собою равенство, имѣютъ же „единую общую свою цѣлость, кромѣ разпоряженія, „хранимаго ими взаимно, и въ которомъ зрятся; „разпоряженіе, могущее быть именуемо первенство „одной черты предъ другою, или старѣйшинство не „по естеству и по временамъ, но по разуму и „проистеченію одной отъ другой. Увидѣвъ первую „черту прежде второй, вторую прежде третіей, „необходимо мышлю я прежде о первой, по томъ о „второй, наконецъ о третіей; разпоряженіе слѣдо„вательно, установляющее между ими необходимо

„ разныя отношенія, сирѣчь отношенія отъ первой „ ко второй, отъ второй къ третьей, отъ первой и „ второй къ третьей, отъ третьей и первой ко второй.„

„ Помощію таковаго, хотя слабаго и далеко не„ совершеннаго таинственнаго ознаменованія, старай„ теся возъимѣть нѣкоторое понятіе о Существѣ „ всевышшемъ; возноситеся даже до Него, обмышляй„ те Его единство и тожество существа, самобыт„ ности и естества, какъ нераздѣльнаго, безконеч„ наго, духовнаго, всемогущаго, въ троицѣ же своей „ имѣющаго ѵпостаси, взаимно событствующія, вза„ имно соединенныя, хотя ясно различаемыя первою, „ второю и третіею ѵпостасіею; имѣющія сношенія „ нераздѣляемыя одна отъ другой, разныя и свой„ ственныя одной которой либо ѵпостаси частно.„

„ Понимайте: Существо вѣчное, неокончаемое, „ недѣлимое, духовное, всемогущее, бытствующее „ необходимо и само собою; сіе покланяемое Существо, „ зная самаго себя, слѣдовательно производитъ и „ раждаетъ Слово, и есть Отецъ. Совершенное дознаніе „ безпредѣльныхъ совершенствъ своихъ есть Слово; „ сіе необходимо и вѣчно проистекаетъ отъ Боже„ ственнаго промысла Отца. Сіе Слово есть Сынъ Его, „ равный Ему во всемъ. Отецъ разумѣетъ Сына Сло„ вомъ своимъ, Сынъ Отца источникомъ. Отецъ и „ Сынъ такъ разумѣютъ себя вѣчно и необходимо, „ подобно же любятся; предметъ общія ихъ любви „ есть Святый Духъ, происходящій отъ Отца и Сы„ на чрезъ вдохновеніе, и есть равенъ Отцу и Сыну.„

„ Научаемое днесь мною вамъ непостижимо; до„ вольно, егда вѣруете сему какъ истиннѣ, открытой

„ пра-

„ праотцамъ нашимъ; истиннѣ, которой научали же „ они раждаемыхъ ими, и которой научился и я самъ „ по преданію, отъ нихъ же оставленному. Сія все-„ высочайшая истинна замыкаетъ въ себѣ другую, „ не меньше важную, но несравненно утѣшительнѣйшую „ для насъ, то есть провозвѣщаетъ намъ Избавителя.„

„ Вторая изъ трехъ упостась, или Лице второе, „ воплотился нѣкогда въ утробѣ непорочныя Дѣвы. „ Сынъ Предвѣчнаго вочеловѣчится, будетъ подобенъ „ намъ, отягтитъ себя нашими нечестіями, смертію „ своею заслужитъ намъ вѣчное наслѣдіе въ небесахъ; „ коего за преслушаніе первобытныхъ праотцевъ на-„ шихъ первѣйшаго же велѣнія Отца, мы лишены. Пи-„ тайте тщательно таковую надежду во глубинѣ „ сердецъ вашихъ; она поможетъ вамъ терпѣливно „ сносить бѣдствія, коими наполнена временная ваша „ краткая жизнь. Учащайте бесѣдовать между собою „ о сей утѣшительной истиннѣ; печатлѣйте оную „ въ умахъ чадъ вашихъ; завѣщавайте имъ то же самое „ для раждаемыхъ ими въ свое время, дабы и тѣ „ тому же самому научали въ роды и роды.„

„ Когда бы вы ни узрѣли триграммы сіи, кото-„ рыя нарочно я вывѣсить велѣлъ на всѣхъ стогнахъ, „ останавливайтеся и размышляйте о Кіэнѣ; приво-„ дите тогда себѣ на мысль, что се есть таинствен-„ ный знакъ Всевышняго, Вѣчнаго, который по су-„ ществу, самобытію и естеству заключаетъ въ себѣ „ три упостаси, и что чрезъ заслуги вторыя упо-„ стаси своей примиритъ небеса съ землею.„

„ Триграмму, прямо по отвѣсу подъ Кіэномъ, „ называю Куэномъ: она-то да поминаетъ вамъ мысль

„ сію; понеже, бывъ таинственнымъ знакомъ земли, „ зрится отверзтою, какъ бы для пріятія благотвор„ наго Примирителя и всѣхъ иныхъ даровъ небесъ, „ безъ которыхъ на землѣ нашей не водворялася бы „ никакая доблесть; но помощію оныхъ производитъ „ всяческая въ природѣ къ удовлетворенію нуждъ и „ удовольствій нашихъ, извѣстныхъ уже, и коихъ еще „ не знаемъ употребленія и не имѣемъ еще поня„ тія.„

„ Довольно, да и со излишествомъ, для перваго „ урока; урока, важнѣйшаго предъ всѣми, каковые „ отъ меня вамъ послѣдуютъ впредь. Трудности, „ замыкающіяся въ немъ, да не обезохочиваютъ васъ, „ ниже отстращаютъ. Часто я возобновлять буду „ сей урокъ. Что вы теперь не постигаете, то мо„ жетъ быть вразумительно вамъ будетъ, слушая „ меня въ третій, или четвертый разъ. Также точ„ но буду я вамъ объяснять понемногу прочія три„ граммы, и что оныя таинственно знаменуютъ.„

Можно, думаю, подразумѣвать, что основатель Китайскаго народа, начавъ объясненія триграммъ изобрѣтенія своего, расположенныхъ имъ, какъ явствуетъ на второмъ рисункѣ, у сего пріобщенномъ, изражался почти тако; ибо находимъ въ триграммѣ изъ трехъ цѣлыхъ чертъ, зримыхъ надъ всѣми прочими, смыслъ, мною теперь предложенный. Древніе писатели, толкуя ту же самую триграмму, присвояютъ Небесамъ, коихъ она есть таинственный знакъ, столь великую силу и столь высочайшія свойства, что не льзя мыслить инако, прочтя сочиненія ихъ со вниманіемъ, каковаго требуютъ предварительныя познанія, ими подразумѣваемыя о всевышнемъ Существѣ и Его свойствахъ.

Сіе

Сіе описывая, вѣрили, что открываютъ понятіе о томъ, чего поставляютъ себя толкователями.

„Небеса [говорятъ Овен-Уангъ и Тшеу-Кунгъ „сынъ его, жившіе около тысячи двухъ сотъ лѣтъ „до рождества Христова; Конфуцій чрезъ нѣсколь„ко столѣтій послѣ, а по Конфуціѣ *Ліэ*-Тсеэ, Гоаи„Нан-Тсеэ, Кунг-Нган-Куэ, *Ло*-Пи, Тшеу-*Ліэ*-Ки, „*Лу*-Сіэнгъ-Шанъ, и множество другихъ древнихъ „и новѣйшихъ писателей], Небеса подъ именемъ ли „Тіэна, или подъ другими равнаго наименованія сло„вами, есть великая Единица. Сія великая Единица „состоитъ изъ Троицы, Единство въ Троицѣ, Трои„ца во Единствѣ, и такъ далѣе. Прежде Таи-Ки „было Существо безпредѣльное; прежде Таи-Ки „[такъ вѣщается здѣсь о Таи-Ки, первобытномъ „источникѣ веществъ] бытствовалъ Разумъ дѣятель„ный и неизчерпаемый, который ничѣмъ изобра„зить не можно, который не льзя никакъ имено„вать, который есть безконеченъ во всякомъ смыслѣ, „который никакъ умноженъ быть не могъ,„ и такъ далѣе. Безчисленныя бы иныя нашелъ я ссылки, но не хощу безполезно отягощать читателей. Наши проповѣдники вѣры, V-Кингисты (*), тщательно выбирали и помѣщали въ сочиненіяхъ своихъ таковые подлинники. *Любопытные* найти оное могутъ между руко-

(*) Называю V-Кингисты тѣхъ нашихъ проповѣдниковъ вѣры, которые, принявъ книгу V-Кингъ книгою Пророчествъ, и которые, находя въ ней таинства святыя нашея вѣры, составляли системы, доказующія Китайцевъ выходцами Еврейскаго народа, внесшими въ страну сію всѣ тѣ познанія, коими оная славится. Таковыя системы, подпираемыя мѣстами изъ древнихъ Кинговъ, приняты охотниками до всего чрезвычайнаго. Буду имѣть случай писать тоже самое ниже сего.

рукописей книгохранилища Французскаго Короля; можно съ ними справляться, съ надлежащею однако же разсмотрительностію.

Не скрываю, что чистота первобытнаго сего Китайскаго ученія о Божествѣ, искажена по томъ была великимъ числомъ новѣйшихъ философовъ; и онито, къ нещастію, дали нагибъ умствованію большей части народовъ около тысячи лѣтъ назадъ. Философы сіи, единобожники по внутренному своему убѣжденію, но безбожники по своимъ правиламъ, разшеряли себя, можно сказать, въ замѣшанныхъ своихъ понятіяхъ; вовлекли себя въ лавиринѳъ ложныхъ разсужденій чрезъ ложные же толки, и внушеніе, еще того ложнѣе, въ бездну, самими ими изрытую; низвергли обще съ собою всѣхъ тѣхъ, кои избрали ихъ вождями.

Стараяся объяснить преданія праотцевъ, преданія иносказательныя, надмѣнные сіи философы все запутали, все обезобразили, всему дали иный видъ. Древніе вѣщали, что есть одинъ Таи-Ки, или великое Начало; одинъ Шанг Ти, или верьховный Господь; одинъ Кіэнъ, или вышшее Небо, которое силою своего Ки, или всемогущаго вдохновенія, образовало Сан-Тсаи, или три главные Дѣятеля, или возможности производительныя и подвластныя Ему, то есть прочія небеса, землю и человѣка. Чрезъ слово Сан-Тсаи разумѣли всемысленное и всеподпадающее чувствамъ; всякую силу и возможность, какая можетъ бытствовать и которая нынѣ производитъ общее дѣйствіе. Подъ первымъ Тсаіэмъ, то есть небомъ, полагали все надлежащее до небесной физики и метафизики, особенно же до астрономіи, какъ яв-

явствуетъ въ таблицѣ, у сего предложенной, на таблицѣ третіей съ объясненіемъ.

Вода, огнь, металлы, вѣтры, громъ, дождь, лице земное и всѣ естественныя произращенія, вообще и частно, относили ко второму Тсаію, сирѣчь землѣ. Смотри таблицу четвертую и объясненіе оной.

Третій Тсаи относили къ человѣку; разумѣли его единою изъ видимыхъ тварей, одаренною смысломъ, могущею являть дѣла достойныя хвалы, или хулы, наградъ, или казней, разсуждая по тому, въ добродѣтеляхъ ли, или порокахъ простираться будетъ. Были удостовѣрены и не преставали разтверживать, что человѣкъ награждается, или казнится не только во временой жизни, но и по смерти; а чрезъ то заставляли заслуживать первое, избѣгать послѣдняго. Всего наипаче прилѣжали толковать правила нравственныя и разныя обязанности человѣка во внѣшнемъ его поведеніи, въ исправленіи сердца его, въ исполненіи всего того, чѣмъ онъ и чему либо долженъ, какъ сынъ, какъ подданный, какъ дононачальникъ, какъ членъ общежитія, и прочее. Смотри таблицу пятую и объясненіе оной.

Желая кратко вытолковать чрезъ нѣсколько таинственныхъ знаковъ говоренное праотцами: Таи-Ки, или великое Начало, породило Леанг-Ини, или два начертанія; сіи два начертанія породоли Сеэ-Сіанги, или четыре изображенія; сіи четыре изображенія породили же Па-Куан, или восемь триграммъ, представляющихъ начатки, отъ коихъ произошли всѣ вещества, и коими нѣтъ ничего необъясняемаго въ мірѣ.

По-

Поставляя вразумительнымъ умствованіе сіе древнихъ, давъ оному, такъ сказать, составъ, или тѣло, новѣйшіе философы вымыслили Таи-Ки, или первый источникъ. [*Смотри изображеніе подъ буквою О, во второмъ Рисункѣ.*] Сей Таи Ки, говорятъ они, есть источникъ всякаго вещества, и вещество же само по себѣ, содержащее два первоначальныя основанія: Унъ и Янгъ, различающіяся разными красками: темная Янгъ, черная Унъ. Острые концы на каждомъ, значатъ внутренніѧ качества, общія обоимъ, которыя даютъ Уну и Янгу способности производить двѣ вещи чрезъ вліянія разныхъ степеней движенія; отъ чего происходятъ разныя же уравненія совершенства и несовершенства, высоты и низи, силы и слабости, сухости и сырости, и такъ далѣе. Внутреннее таковое качество вообще называемъ мы Ли.

Великое Начало, еще говорятъ они, Таи-Ки, заключенный отъ предвѣчности въ веществѣ, во всякое время производилъ силою Лія, или Кія, не что иное, какъ воздухъ первородный Уна и Янга. Два сіи начала, вещественныя Унъ и Янгъ, произвели небо и землю. Послѣ безчисленнаго множества различныхъ преобращеній небо и земля произвели металлы, огнь, воду, лѣса и землю. Отъ сихъ же пяти стихій произошло все дышущее и все вещественное образовалось. Далѣе, проявился на землѣ мужъ святый Фуги, которой своими триграммами все открылъ, все истолковалъ. . . . . Такъ-то изражаются сіи безбожники, защитники вещественности . . . Какая разность между ученія ихъ, ученія же древнихъ!

Послѣдніе исповѣдывали, что существуетъ „предвѣчный Разумъ, провидѣніе всевышнее, безпре-

„дѣль-

№ 1.
元亨利貞

№ 2.
气

№ 3.
𡰥

№ 4.
乞

№ 5.
米

№ 6.
氣

№ 7.
嶽

№ 8.
山

№ 9.
言

№ 10.
犭

№ 11.
犬

№ 12.
嶽

№ 13.
[illegible]

„ дѣльная Премудрость, все видящая, вездѣ сущая, „ все знающая и управляющая всемъ.„ Новѣйшіе философы, паче же во времена Сунговъ, къ тому прибавили, что сей предвѣчный Разумъ, сія безпредѣльная Премудрость, сіе Провидѣніе всевышнее, не имѣетъ ни разума, ниже знанія, что бычествуетъ въ веществѣ; что дѣйствуетъ вліянною въ себя естественною силою, не вѣдая совсѣмъ, ниже желая вѣдать то, что дѣлаетъ: слѣдовательно по такимъ дикообразнымъ основаніямъ находили все въ природѣ вещественнымъ; все относили къ веществу *Лію*, изъ единаго состоящему вещества, такому же точно Таи-Кію, такимъ же точно Уну и Янгу.

Ежели бы новые такіе философы меньше о себѣ думали, то конечно бы не отважилися толковать непонимаемое и что понимать не можетъ человѣкъ слабымъ своимъ умомъ; осталися бы при преданіи праотческомъ, которое ихъ вразумляло, что искони есть первое Начало, все произведшее; преданіе древнее уже, и во времена Овенъ-Уанга, сирѣчь за тысячу двѣсти лѣтъ до воплощенія Христова. Сей Государь такъ прекрасно о томъ изражаетъ: Увенъ, Генгъ, *Ли*, Тшенгъ [*Смотри Рисунокъ* 1. No 1]; сирѣчь: первое Начало, вышшее Небо, отъ коего получаетъ все бытіе свое, превращеніе, совершенство, исполненіе жребія своего. Они бы подверглися самому тому же преданію, которое научаетъ, что первое Начало по естеству своему есть Единица и Троица въ одно и то же время: истинна, сама собою, можно сказать, предпоставляющаяся глазамъ, по буквѣ, или таинственному знаку, бывшему во употребленіи въ самыя отдаленныя столѣтія Китайскаго государства, коимъ изражалася дѣйствительная сила всевышняго

Существа; то есть, сіе всемогущее вдохновеніе, двигающее всѣмъ, все оживотворяющее, всему дающее качества, приличествующія въ особенности. Буква сія, или таинственный знакъ, извѣстный въ древности, есть Ки.

Что примѣчается въ буквѣ Ки? Единица и Троица: сирѣчь буква изъ двухъ частей: верхнее ея изображеніе состоитъ въ трехъ чертахъ [*Смотри Рисунокъ* 1. No 2.], каждая черта порознь не имѣетъ имени, не даетъ никакого смысла въ языкѣ Китайскомъ; но пріобщивъ вторую часть, которая есть великая Т, или великая Единица [*Смотри Рисунокъ* 1. No 3], имѣетъ смыслъ, имѣетъ имя, составляетъ букву Ки [*Смотри Рисунокъ* 1. No 4.]. Тако изображали оную древніе.

Въ послѣдовавшія столѣтія, чтобъ дать яснѣе смыслъ буквы сей и учинить ее удобопонятнѣйшею, болѣе изразительною и совершеннѣе, примыслили приложить къ ней третію часть, или третію букву Ми, которая сама по себѣ значитъ срацинское пшено, сирѣчь пища, обычайнѣйшая человѣковъ въ тамошнихъ климатахъ. И такъ букву Ми [*Смотри Рисунокъ* 1. No 5.] присоединили къ главной буквѣ такимъ образомъ [*Смотри Рисунокъ* 1. No 6], изражая онымъ, что великое Единство, которое по естеству есть и Троица же, единое имѣетъ возможность производить потребное къ пропитанію нашему. Внѣ Его и безъ Него нѣтъ ничего для насъ.

Буква Ки, пишемая со временъ Гановъ, нынѣ одна въ употребленіи. Сію-то самую букву философы, современные Сунгамъ, помѣщали въ средоточіи круговъ, обводимыхъ одинъ около другаго въ

рав-

равномъ разстояніи, и которые представляютъ два начала, происходныя отъ перваго главнаго Уна и Янга. Знаменованіе же ихъ есть первобытный воздухъ, который по влiянной въ него и свойственной ему одному силѣ, приводитъ въ движеніе Унъ и Янгъ, отъ чего и раждаются всякія вещества.

При нѣкоторомъ вниманіи буквы Ки, которую они токмо толковали, какъ уже сказано выше, могли бы заключать, что содержитъ въ себѣ совсѣмъ инакій смыслъ, нежели подъ какимъ ее разумѣютъ. Признался бы искренно, что не постигая столь высокаго ученія, провозглашаемаго имъ преданіемъ, упорствуя же все объяснять, почерпнули въ собственныхъ своихъ примышленіяхъ, отнюдь же не въ книгахъ древнихъ писателей; изложили самопроизвольно коренныя начала, или основанія; изъясняли оное также, выводили заключенія, противорѣчимыя собственнымъ ихъ сердцемъ и здравымъ разумомъ; а отъ того неминуемо произтекли дикообразныя сіи коренныя основанія. Меньше бы имѣя гордыни, болѣе праводушія, розыскивая истинну, не забыли бы ничего, предварительно ко вразумленію себя самихъ, и по томъ бы уже научали другихъ. Рылися бы въ древностяхъ народа своего, углублялися бы въ пишемомъ Кингами, читали бы со вниманіемъ отрывки историческіе Ку-Уэнъ. Справлялися бы съ сочиненіями мудрыхъ мужей, и конечно бы сами себя уличили, что первобытные Китайцы вѣрили великому Началу, существующему само по себѣ, разумному, премудрому, награждающему съ милосердіемъ, наказующему правосудно, раздающему по избраніямъ Имперіи, и подобно же отъемлющему оныя; низпосылающему блага и злы во исполненіе непостижимыхъ своихъ судебъ;

словомЪ, устроевающему все по хотѣнію своему. Уличили бы сами себя, что сіе великое Начало нарицается разными тѣми именами, кои упомянуты мною выше, на примѣрЪ ТіэнЪ, или Небо. КЪ тому иногда пріобщаютЪ прилагательное, для различенія сЪ небомЪ вещественнымЪ Лао-ТіэнЪ, или ветхое небо, сирѣчь небо вѣчное; Гоанг-ТіэнЪ, или небо верьховный Господь; Сіэн-ТіэнЪ, или небо предЪидущее. Естьли же не всегда употреблялися таковые придатки, то изЪ единой предосторожности, яко ненужное для читателей, довольно просвѣщенныхЪ.

УличивЪ себя они, повторяю, вЪ разсужденіи первыя таковыя истинны, не проронили бы другой, равныя же важности; примѣтили бы, что два израженія, Тіэн-ГоангЪ и Гоанг-ТіэнЪ, хотя пишемыя одними и тѣми же буквами, но весьма различны вЪ смыслахЪ. Тіэн-ГоангЪ вымышленЪ во времена ТсиновЪ, сирѣчь послѣ ТшеуэвЪ, для ознаменованія тріехнадесяти Государей, которые будто бы царствовали надЪ вселенною по Пан-Куѣ; да и самаго Пан-Куя не извѣстно по чему подразумѣвали праотцемЪ всего человѣческаго рода. ТакЪ пріемля, Тіэн-ГоангЪ не иное что значитЪ, какЪ небеснаго Владыку: слѣдовательно слово ТіэнЪ не можетЪ же иного значить, кромѣ неба вещественнаго и видимаго, или того, что обычайно именуется нами звѣздное небо. Сообразно сему изражаются тринадесять Владыки неба, Хе-СанЪ, Тіэн-ГоангЪ.

Слово Гоанг-ТіэнЪ не тотЪ имѣетЪ смыслЪ. ТіэнЪ, положенное послѣ Гоанга, точно знаменуетЪ священное Небо; Небо, достойное всего нашего обоженія; Небо, имѣющее власть повелѣвать и заставлять

ляпь себѣ повиноваться; Небо, единымъ словомъ, значитъ Владыку и Обладателя. Во всѣхъ словаряхъ языка Китайскаго, древнихъ и новѣйшихъ, слово Гоангъ не имѣетъ инаго смысла.

И тако сей Гоанг-Тіэнъ, истинное первое Начало, есть то же самое, что и Шанг-Ти, коему во всѣ времена приносилися жертвы. Еще изъ того слѣдуетъ, что сіе Небо разумное, премудрое, праведное, благое, дѣйствующее въ народахъ [какъ стоитъ въ Шу-Кингѣ, глава Као-иао-му], и которое открываетъ имъ пять главныхъ статей непреложнаго своего ученія, сирѣчь взаимныхъ должностей Государей и подданныхъ, отцевъ и чадъ, супруговъ и супругъ, старцевъ и юношей, друга къ другу. Можно ли говорить, не повреждая совѣсти? Можно ли думать, что небо вещественное преподаетъ намъ таковыя правила поведенія нашего? Можно ли утверждать на основаніи законномъ, что небу видимому и вещественному древніе приносили жертвы на Танахъ, посреди оплота Кіао, испрашивая какихъ либо милостей, или отвращенія какихъ либо бѣдствій?

Выговорилъ уже я, и не страшуся еще повторить; ибо повторенія сего рода служатъ къ наибольшему вперенію понятія объ истиннѣ. Жертвоприношенія, о коихъ теперь упомянули, были совсѣмъ отмѣнны отъ всякихъ иныхъ жертвоприношеній. Производилъ оныя одинъ токмо Самодержецъ торжественно за весь народъ свой, особымъ и общественнымъ богослуженіемъ, воздавая почести всевышнему Существу, каковыя Ему токмо единому приличествуютъ.

Правда, жертвоприношенія сіи предварялися и совоспослѣдуемы были иными жертвами въ честь Геновъ и Шенговъ; но таковыя были жертвы нижшей степени. Не нужно было совершать ихъ самому Государю; не всенародно воздавалися ими почести духамъ и добродѣтельнымъ предкамъ.

Дабы познать столь важную истинну, новѣйшіе философы могли восходить отъ рода въ родъ, отъ династіи въ династію, даже до первобытныхъ временъ Китайской монархіи; могли справляться съ тѣми памятниками, о коихъ свидѣтельствуютъ классическія Китайскія книги; или которые явствуются разсѣянно въ старинныхъ отрывкахъ лѣтописей. Такимъ бы образомъ легко обрѣли точное понятіе о семъ основателей государства сего, и потомъ болѣе двухъ тысячь лѣтъ премудро царствовавшихъ, въ какомъ разумѣ приносилися ими жертвы въ честь Шанг-Тію, Хенамъ и Шенгамъ; увидѣли бы разность, которую имѣли они между богослуженіемъ, и не обманулися бы послѣ таковыхъ свѣденій, въ чемъ точно состояли предметы обоженій ихъ разныхъ родовъ. Узнали бы сіи новѣйшіе философы, что со временъ Фу-Гіа до Гоанг-Тія, какъ бы ни велико было междовреміе, торжественныя же жертвоприношенія совершалися на Танѣ, въ простомъ Кіаоѣ, изъ древесныхъ вѣтвей, сирѣчь на какомъ либо возвышенномъ мѣстѣ съ оградою изъ древесныхъ вѣтвей.

Прочли бы, что во времена Гоанг-Тія Китайскій народъ, знатно уже размножась, занималъ страну соразмѣрно количеству человѣковъ и ихъ нуждамъ; что сіе пространство земли раздѣлили на области. Прочитали бы, что Гоанг-Ти, нашедъ себя спокойнымъ обла-

обладателемъ великаго народа, обратилъ свои попеченія къ доставленію онаго способами довлетворить нужды и выгоды жизни; примыслилъ большую часть необходимыхъ ремеслъ, полезныхъ и пріятныхъ, усовершенствуя изобрѣтенныя уже до него; издавалъ законы, учреждалъ судей, вводилъ обычаи и употребленія, связуя каждаго частнаго жителя съ народомъ, учиняя, такъ сказать, нерѣшимыми узы общежитія.

Прочитали бы внимательнѣе всего, что сей мудрый Законодавецъ установилъ обрядъ жертвоприношеній торжественныхъ въ честь Шанг-Тію; назначилъ къ тому четыре примѣтнѣйшія горы, по четыремъ же сторонамъ областей своихъ, дабы осталися навсегда мѣстами освященными [*Рисунокъ пятый и объясненіе онаго*]. Гоанг-Ти, яко верьховный Жрецъ, и представляющій собою цѣлый народъ, ежегодно онаго именемъ, и для низпосланія милостей на весь же оный, отправлялся на одну изъ сказанныхъ горъ приносить торжественную жертву, и тогда же являть Государя предъ лицемъ всего же своего народа; посѣщать селенія, навѣдываться о нравахъ жителей, исправлять вкрадывающіяся со временами заблужденія, удерживать вездѣ и во всемъ благоустройство. Таковое шествіе Гоанг-Тія на которую либо изъ четырехъ горъ, именовалося Сеэ-ио. Примѣру его послѣдовали всѣ по немъ бывшіе Императоры, даже до поколѣнія Тшеускаго; тѣ же хранимы были обряды, съ тою же самою точностію всѣми добрыми Китайскими Государями, когда позволяли то имъ обстоятельства.

Тшеуи прибавили нѣчто къ древнимъ обрядамъ, и пятую Ю̂, сирѣчь гору, почти по самой срединѣ го-

государства: отъ сего времени начали именоваться жертвенныя горы пятью Іэами. [*Рисунокъ шестой, чертежъ первый и объясненіе.*]

Не могу преодолѣть желанія и не положить предъ глаза твои букву, или таинственный знакъ пяти сихъ горъ. Вотъ оный [*Смотри Рисунокъ* 1 No 7]: состоитъ изъ четырехъ буквъ; каждая имѣетъ свое особенное знаменованіе. Верьхняя буква надъ тремя прочими, составляющая какъ бы корону надъ ними, значитъ гору: выговаривается Шэнгъ [*Смотри Рисунокъ* 1 No 8]. Непосредственно подъ нею Іэнъ [*Смотри Рисунокъ* 1 No 9]: значитъ Слово. По обѣимъ сторонамъ сей послѣдней изображенія двухъ животныхъ, въ показаніе стража и вѣрности. Обѣ послѣднія буквы выговариваются Кіуэнъ, и пишутся тако: Кіуэнъ [*Смотри Рисунокъ* 1 No 10.] и Кивенъ [*Смотри Рисунокъ* 1 No 11.]. Сіи два Кіуэна знаменуютъ оба равно пса.

Ȋ́О [*Смотри Рисунокъ* 1 No 12] значитъ гору, при подошвѣ коея Слово между двухъ псовъ, яко таинственныхъ знаковъ стража и вѣрности. Можно ли натуральнѣе и такъ кратко сказать что либо? —— „Слово къ Шанг-Тію на горѣ Государемъ отъ народа, приносимыя жертвы при подошвѣ горы, руками „перваго; слово сіе долженствуетъ ненарушаемо „храниться и исполняемо быть во всемъ съ вѣрностію, готовою на всякіе опыты!„

Вмѣсто буквы Ȋ́О обычайно пишутъ другую тако [*Смотри Рисунокъ* 1 No 13], не меньше изразительную, но не столь таинственную. Состоитъ въ двухъ полныхъ буквахъ, выговариваемыхъ: Кіэу, возвышеніе, пригорокъ, высокое мѣсто. Другая произно-

носится Шанъ, значитъ гору. И тако последняя Ю̂О знаменуетъ гору съ жертвенчикомъ на вершинѣ ея.

Упусти мнѣ, Милостивый Государь! небольшее сіе удаленіе отъ пишемаго мною, да и не совсѣмъ безполезное. . . . Возвращаюсь къ сказанію моему.

Жертвоприношенія на горахъ въ честь Небу, или Шанг-Тію, есть самый древній обычай въ Китаѣ: восходитъ даже до временъ Законодавца монархіи сея; обычай легкій въ произведеніи своемъ сначала, ради причинъ, выше мною упомянутыхъ; но по томъ срѣтилъ неудобства и затрудненія, которыя нужно было предотвратить. Построили города. Государь избралъ одинъ изъ нихъ для пребыванія своего: то и не льзя уже ему стало столь часто путешествовать къ горамъ. Тѣлесныя немощи, престарѣлость, неустройства воздушныя, трудныя дороги, любовь покоя, внезапныя дѣла, иногда и весьма важныя, тысячу иныхъ препятствъ, отводили отъ исполненія должности сей.

Дворъ гдѣ бы ни находился, надлежало по единожды въ каждое изъ годовыхъ временъ Государю приносить торжественную жертву. При началахъ монархіи совершалося то въ первуюнадесять луну на мѣстѣ, именуемомъ Генг-Шанъ, въ области Шан-Си, на Ю̂Ѣ сѣверномъ; въ третію луну на Ю̂Ѣ восточномъ; въ пятую луну посѣщалъ онъ южную часть государства своего, и приносилъ жертву на южномъ Ю̂Ѣ, такъ именуемомъ, какъ и сѣверный Ю̂О, Генг-Шанъ, пишемый токмо инакими буквами. Послѣдняя гора, весьма высокая, въ области Гукуангъ.

ангъ. Въ осьмую луну на Юѣ западномъ: гора сія называется Гоа-Шанъ, въ области Шен-Си, самой западной въ государствѣ. Сказать кратко, въ которое бы время ни начинался годъ [годы не одинаково начинались при первыхъ Императорахъ], всякой разъ двѣ недѣли прежде послѣ поворотовъ солнца и равноденствія, Государи не могли ни въ чемъ иномъ упражняться, какъ токмо въ пріуготовленіяхъ къ таковымъ путешествіямъ. Двѣ недѣли, употребляемыя на то, было время, потерянное для нуждъ имперіи.

Скоро познали неудобство сіе, и приступили со тщаніемъ оное исправить. Неподалеку отъ Дворца избрано мѣсто, освящено вмѣсто Юевъ на случай, когда не можно бывало путешествовать Государямъ къ истиннымъ Іоямъ. Воздвигли зданіе, представляющее Кіао-Танъ и храмину предковъ. Здѣсь-то сынъ Небесъ [Китайскій Императоръ] исправлялъ самую изящнѣйшую свою должность, сопряженную съ его саномъ, то есть приносилъ жертву Шанг-Тію.

Зданіе сіе подъ тремя разными династіями различно называлось: при Гіаяхъ Ше-Хе; при Шангахъ Тшунг-У; при Тшеуяхъ Минг-Тангъ.

Двѣ буквы, Ше-Хе, могутъ такъ быть переведены: . . . домъ родовъ и столѣтій; буквы Тшу-У: домъ возобновленной Минг-Тангъ: храмъ свѣта.

Но такъ разумѣются слова сіи просто по знаменованію буквъ; въ обширномъ же смыслѣ я бы такъ изразился: Гіа-Хе-Ше, храмъ, воздвигнутый ди-

династіею Гіаэвъ въ честь Творца вѣковъ и племенъ. Вторый: Шанг-Тшунг-У, храмъ, возобновленный династіею Шанговою; ибо Шанги украсили оной и предуставили единственно на сіе употребленіе. Сказалъ уже я, что зданіе сіе служило вмѣсто Кіао-Тана и храмины предковъ; ибо прежде жертвоприношенія Шанг-Тію собиралися въ сію храмину, какъ бы увѣдомлять предковъ о предначинаніи своемъ и пріуготовляться къ оному чрезъ воздержаніе отъ всего оскверняющаго человѣка. Туда же приходили и по совершеніи жертвы, благодарить предковъ за ихъ ходатайство къ Шанг-Тію, дѣлая имъ благодарственное за то поклоненіе.

Подъ Гіаями и Шангами всѣ сіи обряды производилися въ одномъ и томъ же храмѣ, только въ разныхъ особыхъ отдѣлахъ. Таковыхъ отдѣловъ, или храминъ, было числомъ пять. [*Смотри Рисунокъ шестой, чертежъ первой и второй.*]

Шангова поколѣнія Государи, восходя на престолъ, не хотѣли, чтобъ оставался предъ глазами ихъ Ше-Ше Гіаэва поколѣнія; потому что сіи послѣдніе тамъ же воздавали почести прародителямъ своимъ особеннымъ, отъ коихъ происходили. Тшеуи ради того же самаго раззорили Тшунг-У, и вмѣсто одного храма, въ коемъ жертвовали Шанг-Тію и воздавали почести предкамъ, построили два: Минг-Тангъ для перваго; Тсинг-Міао, что толкуется храмъ чистоты, для послѣднихъ. [*Смотри чертежъ третій седьмаго рисунка.*]

Не прогнѣвайся, Милостивый Государь! что я здѣсь задержуся на нѣсколько донесеніемъ тебѣ о

нѣкоторомъ моемъ примѣчаніи въ разсужденіи храма, воздвигнутаго Тшеуями въ честь Источника всякаго Свѣта. Буква Мингъ, именующая храмъ сей, составлена изъ двухъ буквъ: Ге, значитъ солнце, Юэ, значитъ луну. Двухъ сихъ свѣтилъ небесныхъ ничего нѣтъ въ природѣ сіяющѣе предъ глазами человѣковъ, то и разумѣется само по себѣ, чтобъ покланялися во храмѣ семъ Отцу свѣтовъ. Буква Мингъ, соединенно, знаменуетъ свѣтило дневное и нощное.

Буква сія, сначала употребляемая въ таинственномъ токмо смыслѣ, которымъ означался храмъ, гдѣ приносилися жертвы единому Шанг-Тію, принята по томъ въ простомъ смыслѣ своемъ. Послѣдовавшія династіи восхотѣли превзойти надъ прежними династіями, какъ подобно же Тшеуи Шанговъ, Шанги Гіаэвъ. Вмѣсто единаго храма, посвященнаго Источнику всякаго свѣта, воздвигли два. Буква Мингъ, раздѣленная въ сложеніи своемъ, послужила наименованіемъ обоихъ сихъ храмовъ. Первый нареченъ Ге-Танъ, сирѣчь храмъ Создателя солнца, или простѣе, храмъ солнца; второй Юэ-Танъ, то есть храмъ Создателя луны, или сокращенно, храмъ луны (*).

Такое проименованіе обоихъ сихъ храмовъ обратилось въ поводъ ко множеству суевѣрій, совопослѣдовавшихъ одному за другимъ. Почести Тому, Кто посредствомъ небесныхъ тѣлесъ взыскиваетъ благодѣя-

(*) Буква Танъ значитъ мѣсто возвышенное, олтарь, или жертвенникъ, и тому подобное. Танъ нарицаютъ храмъ, пріемля обычайно нѣкоторыхъ вещей часть за цѣлую. Танъ есть въ Тангѣ; Тангъ толкуется большая храмина, въ которой устроенъ Танъ. Также именуютъ мѣсто жертвоприношенія обѣими сими буквами, или знаками равно.

дѣяніями человѣковъ, мало по малу начали воздаваться самымъ симъ небеснымъ тѣламъ. Что прежде было предметомъ удивленія, оное стало обоженіемъ. Но какъ то относится токмо къ новѣйшимъ Китайцамъ, слово же мое къ тебѣ, Милостивый Государь! не объ нихъ: не долженъ я забывать, что странствуемъ мы съ тобою по древнему Китаю; не удалимся же отъ пути нашего, и по мѣрѣ поступленія далѣе, будемъ заниматься разсужденіями о томъ, что оставили назади у насъ.

Обрѣли уже мы самый древнѣйшій памятникъ на всемъ кругѣ земномъ, или по крайней мѣрѣ не знаемъ еще древнѣе. Хочу сказать, Триграммы Фугіэвы, каковыми изошли отъ руки его за три тысячи почти лѣтъ до рождества Христова.

Памятникъ, какъ бы о немъ ни размышлять, единствененъ въ родѣ своемъ, свойственный токмо Китайскому народу. Довольно ветхій же памятникъ, за тысячу двѣсти лѣтъ до рождества Христова, Овен-Овангъ предпринималъ толковать. Толкованіе его, а послѣ и сына его Тшеу-Кунга, дошли до временъ Конфуціевыхъ. Конфуцій, глубоко обмышляя знаменованія Триграммъ самихъ по себѣ, и что о томъ вѣщаетъ преданіе, что о томъ вѣщаютъ два Государя, мною теперь упомянутые, сочинилъ нѣкій родъ выполненія; въ немъ внесены точныя слова Овен-Ованга и Тшеу-Кунга. По томъ Конфуцій открываетъ собственное свое мнѣніе. Сему-то сочиненію даютъ первое мѣсто между Кингами, или священными книгами народа сего, подъ названіемъ И-Кингъ. И-Кингъ знаменуетъ коренныя основанія. Можно же нарицать оную кни-

гою премѣнъ, книгою сличеній, книгою вѣчнаго прехожденія отъ бездѣйствія къ движенію, отъ движенія къ бездѣйствію; книгою премѣнъ рода человѣческаго и развращенія ихъ, и такъ далѣе. Буква Ѵ все сіе значитъ.

Ничто не мѣшаетъ именовать оную и книгою судебъ; ибо во времена еще Овен-Ованга Триграммы служили искусствомъ гаданія; да и не было уже то новое. Въ доказательство могу привести строки стариннаго отрывка отъ книги о воинскомъ дѣлѣ, помѣщаемомъ въ сочиненіи подъ названіемъ Лу-Тао: . . . „Овен-Ованъ, восхотѣвъ отъѣхать на ловлю, прежде „совопрошался съ Куаями. . . . Ловля твоя будетъ тебѣ „удачна въ той сторонѣ, гдѣ находится Ован-Янгъ, „отвѣчалъ ему Сеэ-Тіэнъ [имя гадатай по Куаямъ]; „получишь нѣчто большее: не драконъ то, ниже что „либо подобное, не тигръ, а еще того меньше медь-„вѣдь: пощастливится тебѣ встрѣча съ мудрымъ му-„жемъ; онъ будетъ стяжаніемъ твоимъ. Мудрый „сей мужъ есть низпосылаемый съ неба наставникъ; „исполнитъ онъ въ тебѣ намѣреніе свое, поставитъ „тебя во главу третіяго поколѣнія Императоровъ . . . „Обѣщаваешь ты мнѣ нѣчто чудесное, сказалъ Овен-„Овангъ; но сбудется ли? . . . Безъ сомнѣнія. . . . По-„слѣдуетъ и съ тобою подобное же, какъ нѣкогда „провозглашено было великому Юу посредствомъ „Куаэвъ же. Сеэ-Тшеу, предокъ мой, пророчество-„валъ ему, что воцарствуетъ онъ надъ великимъ го-„сударствомъ совѣтами и правилами премудраго Као-„Яоа . . . такъ точно и исполнилось. „

Изъ такихъ словъ можно выводить два заключенія: Куаи служили искусствомъ гаданія во дни великаго

каго Юа, сирѣчь болѣе, нежели за двѣ тысячи двѣсти лѣтъ до Христа; ибо за двѣ тысячи двадцать четыре года прежде рожденія Спасителя принялъ Шунъ въ соцарственники Юа. Второе заключеніе, что бывали въ тѣ времена нарочно учреждаемые Прорицатели будущаго. Кажется, что званіе сіе было наслѣдственное въ родѣ Сеэевъ, какъ званіе Астрономовъ въ родахъ Гіэвомъ и Гоэвомъ. Болѣе тысячи лѣтъ послѣ Сеэ-Тшеуа, исправлялъ оное Сеэ-Тіэнъ, потомокъ его, во дни Овен-Ованга. Мѣсто сіе изъ древнихъ сочиненій любопытные находить могутъ въ Ше-ки Сеэ-Ма-Тсіэновомъ, и во многихъ Канг-Кіэнахъ, или историческихъ сокращеніяхъ.

Но какъ бы ни разумѣть Куаи и книгу, оныя обьясняющую, сія книга была въ самыя первобытныя времена истолкованіемъ судебъ; или учинилася таковою въ новѣйшія времена, въ которыя ученіе по преданіямъ развратилось. Не здѣсь разбирать оное прилично. Куаи пріемлю я токмо древнимъ памятникомъ; да и смѣю удостовѣрять, что нѣтъ его древнѣе по всему земному лицу изъ всѣхъ тѣхъ, которыя могли человѣки собрать послѣ развалинъ первобытныхъ народовъ, населившихъ землю по Потопѣ.

Всѣ Китайскіе писатели, со тщаніемъ учившись правиламъ Ѵ-Кинга, единогласно утверждаютъ, что каждое поколѣніе Императоровъ отъ Фугіа до Тше-Ўа имѣло свой Ѵ-Кингъ и особый образъ толкованія онаго. Оставя все прочее, упоминаю о трехъ главнѣйшихъ, сирѣчь о Триграммахъ Фугіевыхъ, о Гексаграммахъ Шен-Нунговыхъ, обьясненныхъ Овен-Овангомъ и сыномъ его Тшу-Кунгомъ, дополненныхъ Конфуціемъ.

Во

Во дни Фугїа книга коренныхЪ основанїй состояла токмо во взаимныхЪ сличенїяхЪ осьми Триграммъ. [*Смотри чертежЪ и разпорядокЪ оныхЪ вЪ первомЪ РисункЪ.*] ИмЪя кЪ наученїю человЪковЪ, предавшихся ему, мудрый сей основатель Китая, началЪ уроки свои Триграммою КїэнЪ, положивЪ ее во главу прочихЪ. Триграмма сїя состоитЪ вЪ трехЪ полныхЪ чертахЪ, совершенно равныхЪ между собою: есть таинственный знакЪ всевышшаго Существа. Всевышшему Существу относитЪ онЪ все бытствующее во вселенной. Кїэну токмо, сирЪчь СилЪ, всегда дЪйствующей на небесахЪ, долженствуетЪ всяческая бытїемЪ своимЪ; КїэномЪ токмо все начинается, возрастаетЪ, совершенствуется и выполняетЪ жребїй свой.

ПервЪйшему Y-Кингу, творенїю самаго высокаго слога, а притомЪ и самаго простаго, налагаютЪ имя Лїэн-ШанЪ, сирЪчь, какЪ бы кто хотЪлЪ сказать: взаимно смЪжныя горы, означая чрезЪ оное глубину замыкающагося вЪ ней ученїя, и связь между всЪми частьми необходимую сего ученїя.

По смерти Фугїа народЪ Китайскїй размножился; изЪ отдаленныхЪ лЪсовЪ и полей прибыли общежительствовать подЪ законами. СоразмЪрно тому умножалися и нужды каждаго. Даемое земнымЪ нЪдромЪ скоро оказалось недостаточнымЪ для всЪхЪ вообще. Принуждены стали вымышлять способы учинять ее плодоноснЪйшею. КЪ сему-то точно прилежитЪ Y-Энти, одинЪ изЪ потомковЪ Фугїа. СрываетЪ каждое растенїе, какое бы гдЪ ни увидЪлЪ, естественно изницающее; каждаго отвЪдываетЪ вкусЪ, испытываетЪ различныя каждаго свойства. СтранствуетЪ на сей

сей конецъ далеко по окрестностямъ. Обрѣтаетъ вредныя здоровью, и старается оныя истреблять. Другія опознаетъ врачебными для болѣзней, установляетъ ихъ употребленіе. По сему-то заслуживаетъ онъ разумѣемъ быть первымъ вымыслителемъ Врачебной науки. Между различными сѣмянами, могущими питать человѣка; между различными плодами древесными и земными, пріятными вкусу, избираетъ лучшіе. Въ сѣмянахъ отличаетъ пять главныхъ родовъ и ими обсѣменяетъ нивы; древеса съ лучшими плодами разсаживаетъ близь жительскихъ домовъ.

Какъ первое сіе стараніе не совсѣмъ удовлѣтворило главные его предметы; опыты же многихъ лѣтъ доказали ему, что не довольно насаждать только древеса и ввѣрять землѣ различныя сѣмяна, дабы размножилися; позналъ, что для каждаго растѣнія особый потребенъ присмотръ. Началъ примѣняться, какъ поспѣшествовать плоды каждаго растѣнія: успѣхи наградили труды его. Примѣтилъ, что должно различать времена и погоды, инаково съ каждымъ растѣніемъ обходиться, сообразоваться съ кряжемъ земли. . . . Примыслилъ плуги, Земледѣльство вообще и прочія сельскія сдѣлія.

Изъ благодарности подданными, за наученіе истинныхъ способовъ доставлять себя пропитаніемъ здоровымъ и обильнымъ, прозванъ былъ по смерти своей Ше-Нунгъ. Таковый придатокъ пріобщенъ къ имени его Ѵ-Эн-Ти, и тако нарицается нынѣ Ѵ-Эн-Ти-Шен-Нунгъ-Хе, сирѣчь Ѵ-Эн-Ти, Земледѣлецъ, низпосланный съ небесъ. Въ пространномъ же смыслѣ Ѵ-Эн-Ти, Земледѣлецъ, вдохновенный небесами въ облегченіе человѣковъ. Слово, или буква Шенъ, прежде бу-

квы же Нунга, по правиламЪ Китайской Грамматики не можетЪ быть. Имя существительное, а чистое прилагательное, и знаменуетЪ нѣчто Божественное, небесное, духсвное, просвѣщенное духами, и тому подобное. Именовали бы его Нунг-ШенЪ, ежели бы хотѣли означать подЪ названіемЪ духа земледѣльства, или начальствующаго надЪ земледѣліемЪ.

Примышленіе Шен-Нунга, какЪ учинить землю плодоноснѣйшею; изобрѣтенія, какЪ познавать свойства всякаго кряжа земнаго; какЪ познавать же свойства и силы различныхЪ растѣній, принялЪ онЪ достойнымЪ, чтобЪ преподать все оное потомству. Мало разсудилось ему изустныхЪ преданій, не возмогшихЪ бы сохраниться на долгое время: возжелалЪ, дабы то оставалося чрезЪ вcѣ времена и столѣтія. ПрибѣгнулЪ кЪ ТриграммамЪ ФугіевымЪ, которыя однѣ служили тогда вмѣсто писмянЪ; но знаки сіи нашелЪ вЪ маломЪ весьма числѣ, да и объясненія, помощію ихЪ стѣсненныя, ради множества вещей, кои надлежало ему изражать и толковать.

УсугубилЪ Триграммы, помножилЪ однѣ другими: вышло шестьдесятЪ четыре Гексаграммы, или шестисловія. ОныхЪ-то помощію предпріялЪ открывать изЪ таинствЪ Естества вcѣ тѣ, которыя дошли до свѣденія его. [*Смотри РисунокЪ девятой и объясненіе.*]

Шен-НунгЪ не началЪ, какЪ Фуги, вѣщать о Небѣ, или всевышнемЪ Существѣ; можетЪ быть не имѣя что либо кЪ тому пріобщить; можетЪ быть разумѣлЪ то выше силЪ своихЪ. Довольствовался же вѣщать о небѣ низшемЪ, или вещественномЪ; находить соотвѣтствіе онаго сЪ землею, предоставя изра-

ра-

ражаться о Небѣ высочайшемъ, когда приспѣетъ время. Но какъ бы то ни было, Шестисловія его особенно клонятся къ толкованію бываемаго въ Естествѣ, къ открытію таинствъ онаго, како Естество дѣйствуетъ нечувствительно; къ показанію въ подробностяхъ главнѣйшихъ произрастѣній и къ доставленію средствъ возъимѣть лучшія.

За основаніе таковаго умствованія своего взялъ Триграмму Куэнъ, и воздвигнулъ, такъ сказать, зданіе чрезъ Гексаграмму Пи. Триграмма Куэ знаменуетъ землю, или паче главнѣйшее свойство земли, состоящее въ способности плодоношенія, по зависимости своей отъ Неба, необходимо содѣйствующаго ей въ произрастѣніяхъ всяческихъ.

Гексаграмма Пи въ простомъ смыслѣ значитъ запереть, сжать, укрыть; въ смыслѣ же иносказательномъ молчаніе и тому подобное.

Такъ начиная толковать Гексаграммы Шен-Нунговы, можно себѣ представить, что говоритъ онъ къ поучаемымъ отъ него: . . . „Прежде, нежели „земля что либо производила; прежде еще, нежели „пришла въ движеніе отъ внутреннихъ своихъ прян„ностей, была какъ бы сжата; силы произрасти„тельныя были заперты въ нѣдрѣ ея: ниже единая „не изходила изъ нея. Однако же и не оставалася „въ праздности: трудилась въ тишинѣ; трудилась „нечувствительно, но рачительно. Желающій по„знавать Естество и онаго дѣйствія, да изберетъ ее „образцемъ своимъ: долженъ углубляться въ размыш„леніяхъ, одумывать въ молчаніи, трудиться безъ „славолюбія, затворить всѣ чувства свои предъ всемъ

„ таковымъ, что можетъ отвлечь его отъ предмета „ толикія важности „: и такъ далѣе.

Буква Пи, кажется, что все сіе вѣщаетъ. Въ цѣлости своей значитъ заключить, заперетъ, скрыть, и тому подобное. Раздѣленно же на части, прежде всего становится отрицаніемъ Пу; а сіе отрицаніе надъ буквою Кеу знаменуетъ уста. И такъ буква Пи вѣщаетъ хотящимъ имѣть успѣхи въ наукѣ Естества, что должны начинать неимѣніемъ устенъ.

Нѣтъ моего намѣренія долго толковать здѣсь Ѵ-Кингъ, но только подать понятіе о древнемъ семъ памятникѣ, поелику есть памятникъ. Остановлюсь; пріобщу еще, что вторый Ѵ-Кингъ, присвояемый Шен-Нунгу, зовется Куи-Тсангъ, сирѣчь какъ бы кто сказалъ, „ Скрытая доблесть, доблесть вновь скры-„ вающаяся, показавшаяся прежде, и исполнивъ, что „ было ей должно. „ Такое названіе книги сей дано по намеканію; способы тайные, или скрытые, но рачительные, коими естество производитъ дѣйствія свои; но труды безъ превозношенія однако же полезные, коими занимается мужъ мудрый, учася знать законы сего самаго Естества.

Гоанг-Ти не сочинялъ Ѵ-Кинга подражательно Фу-Гію и Шен-Нангу. Какъ въ его время Тсанг-Кіе, одинъ изъ его данниковъ, или дѣловыхъ особъ [последнее паче правдѣ подобно] вымыслилъ буквы, то сей Государь предпочелъ употребленіе новыхъ таковыхъ знаковъ чертамъ цѣлымъ и ломанымъ, изъ коихъ состоятъ Триграммы и Гексаграммы, бывшія въ употребленіи во времена предковъ его. Владычествуя безмятежно, на шестьдесятъ первомъ году

цар-

царствованія своего, который соотвѣтствуетъ двѣ тысячи двѣсти тритцать седьмому году до рождества Христова (*), не имѣя непріятелей извнѣ страшныхъ, не опасаяся потерять Имперію, побѣжденную имъ съ толикими трудностями, всѣ свои попеченія обратилъ, дабы благо управлять народомъ. Издалъ новые законы, полнѣе прежнихъ; учредилъ судей разныхъ степеней наблюдать, дабы имѣли оные дѣятельность свою; довершилъ просвѣщеніе подданныхъ; предписалъ имъ правила нравственныя и благопристойность; установилъ казни и награды; вымыслилъ большую часть художествъ полезныхъ и пріятныхъ; усовершенствовалъ извѣстныя уже до того.

Восхотѣвъ преподать потомству напоминаніе толикихъ заведеній, коихъ самые драгоцѣннѣйшіе плоды собирать могло, великій сей Государь избралъ посреди разумнѣйшихъ своихъ придворныхъ нѣсколько особъ съ отмѣнными дарованіями; препоручилъ имъ трудиться надъ сочиненіями для общенародныхъ архивъ, которыя бы сохранили навсегда память какъ минувшихъ знатныхъ произшествій, такъ и случившихся въ его преславное царствованіе.

Повѣствуютъ, что Тсанг-Кіе первый почтенъ былъ названіемъ Историка въ Китаѣ. Естьли оное такъ, то не мало чрезъ сіе награжденъ сталъ изобрѣтатель буквъ, который посвятилъ первые плоды она-

(*) Вмѣсто ариѳметическихъ чиселъ, гдѣ должно мнѣ означать какой либо щетъ, буду вездѣ писать прописью, дабы не ошибиться иногда и самому мнѣ и читающимъ сіе мое сочиненіе.

онаго въ славу Самодержца своего. Достойно превознесенъ Тсанг-Кіе препорученіемъ предать письму великія дѣла его, равно какъ и знанія предательныя о всемъ, до того бывшемъ.

Триграммы Фугіевы и Гексаграммы Шенъ-Нунговы составлялися двухъ только родовъ прямыми чертами: цѣлыми и ломанными. Черты сіи писали однѣ надъ другими; искусство было токмо въ образѣ, какъ ихъ сличать, находить взаимную соотвѣтственность и толковать.

Буквы Тсанг-Кіэевы также составлены изъ чертъ, но не однихъ прямыхъ, ниже числомъ тройнымъ, или шестернымъ, да и расположеніемъ одна токмо подъ другою. Словомъ, черты всякаго рода, числомъ могущія быть прибавлены и уменьшены, смотря по нуждѣ, могутъ взаимно размѣщаться всѣми возможными образами; могутъ составлять буквы простыя, двойныя, тройныя, и такъ далѣе; могутъ быть знаками, представляющими тѣла, и знаками же таинственными вещей умственныхъ, не подпадающихъ чувствамъ; подвержены подъ правила весьма немногія. Дабы дать имъ знаменованіе, какое кто хощетъ, полагаютъ и ихъ то вверьху, то спуская внизъ, то ставя по срединѣ, то на правой, то на лѣвой сторонѣ, всячески, какъ будетъ кому нужно.

Сей способъ сообщать мысли болѣе общій, паче различенъ и удобенъ распростерться до безконечности, предпочтенъ Триграммамъ и Гексаграммамъ. Приняли его легчайшимъ, слѣдовательно и совмѣрнымъ понятію обыкновенныхъ человѣковъ; приняли болѣе яснымъ,

яснымъ, слѣдовательно меньше подверженнымъ двоемыслію и ложнымъ толкамъ.

Имперія тогда несравненно уже стала пространнѣе, нежели была прежде. Гоанг-Ти раздѣлилъ ее на участки, или области; избралъ мужей мудрыхъ править оными подъ верьховнымъ своимъ начальствомъ. Надлежало разсылать велѣнія къ симъ правителямъ; надлежало въ незапныхъ случаяхъ наставлять ихъ, что дѣлать должны; надлежало во многихъ обстоятельствахъ съ крайнею поспѣшностію вразумлять ихъ, какъ имъ поступать. Сверьхъ того не всегда можно было, прерывая таковымъ правителямъ теченіе дѣлъ, ввѣренныхъ имъ, путешествовать ко Двору Государя, дабы узнать изустно отъ него, что имъ бываетъ потребно. Иногда же и не безопасно случалось пересказывать что либо имъ чрезъ другихъ: Государь же не могъ присутствовать на всѣхъ мѣстахъ и исполнять то собою, что можетъ быть исполнено Намѣстниками его. И тако настала нужда увѣдомлять писменно. Гоанг-Ти употребилъ на сіе новоизобрѣтенныя буквы. Долженствовали Мандарины и прочіе чиновники научиться знать сіи буквы, умѣть читать велѣнія и воли тѣхъ, отъ кого зависятъ и съ чьими намѣреніями сообразаться обязаны. Надлежало же и тѣмъ, кои не исправляютъ общественныхъ должностей, но желаютъ поступить на какое либо прибыточное мѣсто, или чинъ почтенный, учиться тому же, дабы заслужить желаемое званіе и удержать оное, единожды получивъ.

Таковымъ образомъ употребленіе новыхъ письмянъ скоро учинилося общимъ. Вознебрегли Триграммы и Гексаграммы, ради малой ихъ пользы въ теченіи

обы-

обычайной жизни человѣка; начали ихъ разумѣть предметомъ токмо любопытства, послѣ же наукою трудною къ преподаванію; а чрезъ нѣсколько столѣтій таинствомъ, искуствомъ гаданія, игрою сличеній; напослѣдокъ всемъ, такъ, кто что хотѣлъ.

Ученіе, преподаванное первыми Государями монархіи сея, замыкающееся въ книгѣ Y-Кингъ, не льзя стало инако толковать, какъ помощію токмо простыхъ чертъ: списано оное, и новыя буквы подали ловкость нѣчто къ тому прибавлять въ каждое царствованіе, по мѣрѣ, какъ разпространялись человѣческія познанія.

Первая сія книга, книга всеобщая, книга книгъ, какъ говорятъ Китайцы, ежедневно пріобрѣтая новѣйшую степень совершенства, увеличивалась новыми изобрѣтеніями въ Наукахъ и Художествахъ; возпріяла новый видъ, премѣнила имя; напослѣдокъ же раздѣлена была на толикое число частей, колико содержала въ себѣ различныхъ предметовъ.

Отъ такого раздѣленія произошли первыя книги Нравственныя, Политическія, надлежащія до Астрономіи, Физики, Земледѣльства, науки Врачебной, Музыки, Чиноположеній, Исторіи, и всѣхъ иныхъ, коими просвѣщены стали Китайцы во времена, въ которыя весь прочій остатокъ земнородныхъ погружался еще въ самомъ мрачнѣйшемъ невѣжествѣ, и едва понималъ, что есть Науки, есть Художества полезныя и пріятныя.

Память о древнемъ Y-Кингѣ не совсѣмъ истребилась, ниже вовсе истреблено употребленіе оной. Есть-

Естьли столь неоцѣненной памятникъ первобытныхъ начатковъ монархіи престалъ быть наукою для простолюдиновъ, но немудрымъ къ обмышленію: продолжалъ я, продолжаетъ занимать собою имѣвшихъ и имѣющихъ досуги. Яо и Шунъ имѣли Ү-Кингъ наилучшимъ своимъ услажденіемъ. Великій Ю паки возхотѣлъ возставить Ү-Кингъ нѣкимъ образомъ изображеніями, начертанными на концѣ безсмертія достойнаго сочиненія его о стокѣ водъ. Сіи изображенія именуются *Ло*-Шу, какъ бы кто хотѣлъ сказать: книга о рѣкѣ *Ло*, сочиненная и наименованная подражательно сочиненію же Фу-Гіа, подъ названіемъ Го-Фу, сирѣчь воды рѣки Го. [*Смотри Рисунокъ десятой и объясненіе онаго.*]

Фу-Ги видѣлъ Го-Фу на тѣлѣ коня дракона, изшедшаго изъ нѣдра рѣки Го: случай, давшій ему поводъ составить свои Куаи, которыя первоначальнымъ его расположеніемъ, различными взаимосоотвѣтствіями, новыми присвоеніями смысловъ отъ рода въ родъ болѣе, и чрезъ толкованія сихъ же самыхъ Куаевъ произвели книгу, слывущую нынѣ Ү-Кингъ.

Великій Ю подобно же видѣлъ *Ло*-Шу свой на хребтѣ таинственной черепахи, вышедшей изъ рѣки *Ло*, и подобно же послужило то ему поводомъ сочинить книгу Ученіе Вообщее, которую прозвали Гунг-Фанъ. До нашихъ временъ сохранился только отрывокъ древняго сего сочиненія, и находится въ четвертой части Шу-Кинга. Угодно ли тебѣ, Милостивый Государь! вѣдать по меньшей мѣрѣ вообще, что содержитъ сія книга, то прошу воззрѣть на составъ костей человѣческихъ, или на сочиненіе Іезуита; то

было проименованное отъ него переводъ Шу-Кинга. Я называю переводъ сей составомъ костей Шу-Кинга; ибо не опознаются уже въ немъ красоты ветхаго сего памятника премудрости Китайцевъ; въ составѣ костей изсохшихъ всеконечно не опознается дородство человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ его. Тщаніемъ господина Дегиня, переводъ же знаменитой сей книги нѣсколько ближе подходитъ къ подлиннику. Можетъ быть и уподоблялся бы совершенно, когда бы ученый сей мужъ не имѣлъ вождями своими кромѣ Китайцевъ. Но какъ то ни есть, самый лучшій изъ всѣхъ иныхъ переводовъ Латинскихъ и Французскихъ (*).

Го-Ту и Ло-Шу, сличаемые вмѣстѣ, говорятъ Китайцы, замыкаютъ въ себѣ приступы ко всему тому, что дано человѣчеству знать. Составляютъ одно и тоже изображеніе попеременно. Видны на нихъ числа естественныя нечеткою и четкою, начиная отъ единства до десятка изключительно. [*Смотри Рисунокъ первыйнадесять, чертежъ первый.*]

Числа нечеткою отдѣляются отъ числъ четкою: сложенныя вмѣстѣ учиняютъ двадесять пять. Число небесное, числа четкою раздѣленно, и сложенныя вмѣстѣ, простираются до тридесяти, число земное. [*Смотри Рисунокъ первыйнадесять, чертежъ вторый и третій.*

Какъ

(* Самое большее погрѣшеніе нашихъ переводчиковъ состоитъ въ томъ, что мечтаютъ себѣ, будто бы переводятъ слово въ слово подлинники слова же, непонимаемыя ими, заимствуя изъ Лексиконовъ; а не подумаютъ о томъ, что нѣтъ на свѣтѣ Лексикона, въ которомъ бы могли находить разные смыслы, въ коихъ с[illegible]ится одно и тоже слово. Знать сіе инако не льзя, какъ чрезъ долговременное и самое внимательное чтеніе книгъ на языкахъ чужестранныхъ, или такъ называемыхъ мертвыхъ.)

Какъ Го-Ту и Ло-Шу замыкаютъ въ себѣ существенно всѣ Куаи, и какъ научаютъ одному и тому же самому подъ названіями и расположеніями разными: то многіе писатели думали, что такіе два рода таинственныхъ знаковъ были извѣстны Фу Гію, получившему ихъ съ небесъ для наставленія человѣковъ. Тѣ же писатели пріобщаютъ, что Ло-Шу снова низпосланъ съ небесъ великому Юу, дабы возобновилъ ученіе и нравственность въ человѣкахъ, коими начинали они небрещи. Какъ бы то ни было, два сіи изображенія суть, можетъ быть, самые наидревнѣйшіе памятники изъ всѣхъ иныхъ по лицу земному, остающіеся до нынѣ въ цѣлости; ибо суть таковы точно, каковыми изошли изъ рукъ первыхъ творцевъ своихъ. Не такъ мыслю я о Треугольникѣ, соединяющемъ ихъ, яко вымышленномъ послѣ. Можешь, Милостивый Государь, еще возвести взоры твои на Го-Ту и Ло-Шу; найдешь разность въ частяхъ, ихъ составляющихъ, и въ расположеніи чиселъ четкою и нечеткою. Го-Ту состоитъ изъ десяти частей; Фу-Ги избралъ десятокъ послѣднею степенью щета своего; Ло-Шу имѣетъ токмо девять частей; ибо великій Ю далѣе девяти не простиралъ перемычки въ численіяхъ своихъ. По тому же раздѣлилъ государство на девять областей; велѣлъ вылить девять Танговъ, или чашъ, и на нихъ вырѣзать географическое показаніе сихъ самыхъ областей. Наставленія его къ народу имѣли девять же статей, названныхъ вообще девятью правилами Гунг-Фана, или великаго Образца и проч. Потребны многія листовыя книги къ вразумленію тебя, Милостивый Государь, что во всемъ ономъ находятъ Китайцы чудесъ; чего ради скажу токмо одно слово о содержаніи, толико скучномъ: Гунг-Фаны сочине-

ны сообразно Ло-Шу великимЪ ЮемЪ, или инако, мудрыми мужами, жившими непосредственно во дни его преемниковЪ того же самаго сЪ нимЪ поколѣнія; могутЪ почитаемы быть особеннымЪ У КингомЪ династіи Гіаевой, коея основатель великій Ю.

Династія ШанговЪ, инако же УновЪ, коея родоначальникЪ былЪ Тшенг-ТшангЪ, за тысячу семь сотЪ шестьдесятЪ семь лѣтЪ до рождества Христова, имѣла подобно же свой У-КингЪ, и какЪ бы У-КингЪ особенный, который состоялЪ вЪ наставленіяхЪ мудрыхЪ мужей, Ун-На, Фу-Юэа и Тсу-Кіа. Нѣкоторые отрывки сего У-Кинга помѣщены вЪ третьей части Шу-Кинга.

Около шести столѣтій послѣ Тшенг-Танга, родился славный оный Овен-УангЪ. Китайцы разумѣютЪ его самымЪ искуснѣйшимЪ и паче всѣхЪ добродѣтельнѣйшимЪ мужемЪ времени своего. БылЪ онЪ владѣлецЪ Тшеуской, небольшаго удѣла вЪ округѣ Си-Нган-Фу, вЪ области Шен-Сиской. Великое почтеніе, которое имѣли кЪ нему всѣ самодержавные данники Императора, частію было причиною, что возвели его на верьховнѣйшій Государственный престолЪ; однако же не онЪ, но сынЪ его У-УангЪ именовалЪ себя ИмператоромЪ и учинился родоначальникомЪ третьей династіи, которая называется Тшеускою.

Добродѣтели и науки при Дворѣ Овен-Уанга процвѣтали. Были Астрономы для наблюденія небесныхЪ тѣлЪ и исправленія календарей; были люди любомудрые, которые преподавали нравоученіе и исправляли сердца. Между послѣдними Лу-Я, прозываемый

ный Тан-Кунгъ, или, говоря по Европейски, великій Графъ, безъ прекословія первое занималъ мѣсто. Лу-Я и Овен-Уангъ взялися толковать Фу-Гіевъ Y-Кингъ, сирѣчь Триграммы, превращенныя въ Гексаграммы Шен-Нунгомъ; начали наименованіями каждой Триграммы въ особенности, и приступили по томъ къ сочиненію общаго оныхъ толкованія; но не удалось имъ оное довершить. Наименованіе Триграммъ было Тсеэ, сирѣчь содержаніе, а толкованіе вообще Тоанъ, сирѣчь раскрытіе.

Овен-Уангомъ недоконченное довершилъ сынъ его Тшеу-Кунгъ, который не уступалъ отцу своему въ способности и знаніи. Государь сей также сочинилъ изъясненіе Гексаграммы Яо-Коа, или подражаніе. Такое прибавленіе къ дѣлу рукъ отческихъ слыветъ Яо-Тсеэ.

Миновало между тѣмъ нѣсколько столѣтій, и никто не дерзалъ трудиться надъ Y-Кингомъ. Конфуцій принялся наконецъ за то, и сочинилъ книгу подъ именемъ Шанг-Гіа-Ги-Тсеэ, сирѣчь выполненіе верьха и низа, или инако, дополненіе вышшаго и низшаго; ибо толковалъ и Гексаграммы и дополненія же на оныя, сочиненныя Овен-Уангомъ и Тшеу-Кунгомъ. Въ Шанг-Гіа-Ги-Тсеэ находятъ все существенное къ свѣденію изъ Y-Кинга; по крайней мѣрѣ, какова книга сія нынѣ существуетъ. Прочія же Y-Кинги, Ліен-Шаны и Куи-Тсанги, сирѣчь объясненія Триграммъ Фу-Гіевыхъ и Гексаграммъ Тшен-Нунговыхъ, размѣщіися съ толкованіями же Овен-Уанга, Тшеу-Конга и Конфуція, сожжены со всякими иными древними сочиненіями Тсин-Ше-Гоанг-Тіемъ. Можно думать, что

шаковыя древнія объясненія паче клонилися научать человѣковъ Божіему закону, нравоученію и полишикѣ, нежели Физикѣ и шому подобнымъ наукамъ, надлежащимъ до естества. Тсин-Ше, Гоанг-Ти сшрашился, дабы подобное ученіе не возродило въ мысляхъ подданныхъ его понятія о добродѣшельной древности, коея правила были молчащія; осуждали злодѣйства, коими нечестивый сей мучишель срамилъ себя на престолѣ. „Государь безчеловѣчный, продолжаютъ дополнишели, о „коихъ здѣсь слово, сберегъ Y-Кингъ Овен-Уанговъ „и Тшеу-Кунговъ, шолкованный Конфуціемъ, ради „шого, что большей части Кишайцевъ служилъ гада-„ніемъ о грядущемъ жребіи каждаго.„ Изъ шого заключаютъ: Терять напрасно время и шруды, отыскивая Y-Кинги Ліэн-Шана и Куи-Тсанга. Оширывки „оныхъ, могшіе уцѣлѣть послѣ пожара, или писанные „позднѣе, включены были въ первопоявившіяся по „созженіи книгъ, когда дарована уже пощада ученымъ „людямъ; позволено имъ стало сочинять книги. Y, „Кингъ, остающійся нынѣ у насъ, есть не инакой, „какъ Тшеуской; почему и зовется Тшеу-И.

Не было ни одного ученаго мужа въ превосходной степени, который бы не посвящалъ бдѣнія и трудовъ своихъ, пиша о древнемъ Y-Кингѣ. Одни шаковыя начершанія рукъ ихъ могутъ наполнить пространное книгохранилище; но изъ всѣхъ шокмо Тсен-Тсеэ и Тшу-Ги, въ коихъ господствуетъ гаданіе и вещественности, нынѣ шолкуются по школамъ общенароднымъ. Хотя мало тебѣ нужно, Милостивый Государь, вѣдать объ ученыхъ мужахъ разныхъ столѣтій, которые шолковали Y-Кингъ; однако же назову знашнѣйшихъ, коимъ наипаче иновѣрствуютъ Кишайцы, шакже

же кои и въ наши времяна отлично разумѣются истинными любомудрцами, уважателями древняго ученія. [*Смотри таблицу вторуюнадесять и объясненіе оной*]

Подобно же поступлю я и въ разсужденіи иныхъ памятниковъ, о которыхъ предпріялъ доносить тебѣ, дабы читающимъ мои строки послужило то ясностію сихъ самыхъ моихъ строкъ. Узнаютъ по меньшей мѣрѣ, что почерпалъ я въ самыхъ чистыхъ источникахъ; могутъ справедливо различать, что выбиралъ изъ самыхъ знаменитѣйшихъ сочинителей, и что выдавали за истинну нѣкоторые наши Проповѣдники вѣры, основываясь на весьма маломъ числѣ сочинителей весьма низшей степени, снискавшихъ даже и въ отчизнѣ своей сомнительную славу.

Остается къ желанію, чтобъ пишущіе о Китаѣ научилися предварительно лучше знать самихъ себя, и потомъ уже возвѣщать о другихъ. Избѣжали бы двухъ равно порочныхъ крайностей: клеветъ и чрезмѣрныхъ похвалъ. Но таковъ есть обычай начинателей писать. Едва вступаютъ въ званіе сіе, то уже и разумѣютъ себя проникшими въ самую глубину таинствъ всяческихъ. Установляютъ, или присвояютъ системы, и стараются подпирать оныя. Всякій Китайскій сочинитель, каковъ бы ни былъ, для нихъ изященъ, только бы годился къ защищенію таковыхъ ихъ системъ. Рѣшатъ рѣзко самыя сомнительнѣйшія мѣста, а притомъ и самыя же существеннѣйшія; находятъ глупости въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ, которыя однако же суть плоды глубокой политики; находятъ противорѣчія въ томъ, что не въ силахъ пол-

толковать и понимать; находятъ чудесное въ собственныхъ своихъ вымыслахъ того ради токмо, что вымыслили они!

Но поступимъ далѣе, и разсмотримъ другій памятникъ, намъ представляющійся, сирѣчь Шу Кингъ. [*Рисунокъ третійнадесять со объясненіемъ.*] Шу-Кингъ можетъ нарицаться памятникомъ достопочтительнымъ премудрости древнихъ Китайцевъ. Безъ всякаго противорѣчія по Ү-Кингѣ первое имѣетъ мѣсто, и содержитъ безцѣнные памятники первобытныхъ временъ. Преизящное сочиненіе сіе не бывало никогда сочиненіемъ совоспослѣдующимъ само по себѣ, а того еще меньше, исторія народа, какъ нѣкоторые разумѣютъ въ Европѣ. Обманываемся тотъ, кто думаетъ находить въ ней лѣточисленный порядокъ всѣхъ временъ, чрезъ которыя сочинялся Шу-Кингъ; но есть простое собраніе нѣкоторыхъ правилъ, какъ царствовать, и поведенія человѣческаго, коихъ держалися Императоры, мужи мудрые, вельможи и чиновники искони.

Промежутки, да и самыя ошибки лѣточисленныя въ таковомъ сочиненіи, не умаляютъ цѣны онаго, ниже достовѣрности; потому что Шу-Кингъ сочиняемъ былъ на тотъ только конецъ, чтобъ вперить правила нравственныя, полезныя для поставленныхъ водить человѣковъ, а не извѣщать ихъ о произшествіяхъ, недающихъ существенныхъ пользъ, сообразственно предмету сей книги. Должно прилѣжать къ тому, чтобъ таковыя правила находимы были въ поведеніи древнихъ Государей, приводимыхъ въ примѣръ. Для Государей же не удивительно, что

упо-

упоминаются немногіе таковые; ибо не всѣ Государи могли быть образцами для своихъ преемниковъ, или не имѣли въ себѣ ничего такого, что бы могло послужить наукою потомству.

Всѣ знаменитѣйшіе толкователи Шу-Кинга въ древности единогласно утверждаютъ, что были завсегда неотлучно при особѣ Императора два мужа отличныхъ достоинствъ, отличной премудрости, правоты, благонравія и учености. Должность ихъ состояла, тщательно замѣчать слова и дѣла какъ самаго Государя, такъ и другихъ, относительно къ нему. Долженствовали все оное записывать, свято наблюдая нагую истинну, безъ иносказанія, насильствованія смысла и лести. Тако одинъ записывалъ слова, другой же поступки. Были они особенные Дворскіе Историки. Первой именовался Историкомъ лѣвой стороны, и замѣчалъ дѣла; вторый Историкомъ правой стороны, и замѣчалъ слова. Изъ ихъ-то написаній степенный придворный Историкъ, или Шай-Хе, почерпалъ составъ всеобщей исторіи народа Китайскаго, пріобщая къ тому достойное памяти, случающееся по всему государству.

Какъ не всѣ поступки и дѣла Императора безъ изъятія; какъ не все имъ говоримое заслуживало преподаванія потомству, то и сіи лѣвой и правой Историки выбирали токмо такое, что могло обратиться въ наставленіе. Изъ сего-то составился Шу-Кингъ. Всѣ онаго мѣста пріурочены во времячисліи годами, мѣсяцами и днями.

Представь себѣ, Милостивый Государь! естьли бы кто либо изъ писателей принялся нынѣ сочи-

нить выписку изъ нашихъ исторіи правилъ, по коимъ лучшіе наши Короли перваго, втораго и третьяго поколѣнія владѣли Франціею, что они говаривали, что дѣлывали ко влiянію въ дѣловыхъ своихъ особъ усердія къ должности ихъ, всѣмъ же и каждому любовь къ добродѣтели, повиновеніе къ законамъ. Къ таковой бы выпискѣ пріобщили установленіе Духовенства на разныхъ Соборахъ всего существенно нужнаго для благоустройства Церквей и для исправленія нравовъ; упомянули бы о всѣхъ предложеніяхъ и увѣщаніяхъ, произходившихъ отъ нашихъ судей нашимъ же Государямъ; составился бы изъ того Шу-Кингъ Франціи.

Очевидно, что не нашлися бы въ таковой книгѣ ни обстоятельства въ подробностяхъ любопытныхъ, ни порядокъ лѣточисленный совоспослѣдованія нашихъ Королей, ни пріурочиванія произшествій къ годамъ, мѣсяцамъ и днямъ, ниже иныя статьи пера историческаго; ибо таковое не долженствуетъ имѣть мѣста въ Шу-Кингѣ, яко вещи посторонния.

Шу-Кингъ, переведенный на языкъ Татарскій Императоромъ, названъ Тасан-И-Питге, сирѣчь Книга Правительства. Естьли бы Императоръ переводчикъ, столь же свѣдущій Китайскую ученость, какъ наилучшіе тамошніе ученые мужи, разумѣлъ книгу сію исторіею, то конечно бы наименовалъ ее Су-Ту-Ру-Питге, или книгою историческою. Но сего не учинилъ, зная совершенно разность между исторіи и сочиненія, замыкающаго въ себѣ нѣсколько правилъ нравственныхъ и нѣсколько же изъ исторіи почерпнутыхъ. Въ предсловіи такъ изражается онъ: . . . .
„Пятьдесятъ восемь главъ составляютъ Шу-Кингъ,
„и

„и суть не что иное, какъ искреннее сказаніе о „чувствованіяхъ Императоровъ самой отдаленнѣйшей „древности; о поведеніи ихъ, соотвѣтственно симъ „чувствованіямъ, въ разсужденіи правительства человѣками. . . . Все ученіе преизящной сей книги можетъ замыкаться въ сихъ немногихъ словахъ: Кетерембу, Эму, Обу, Тулимба - Бе - Тшафа; сирѣчь: „очищай, приводи все въ единство, пріемли во всемъ „точную средину. . . . . . Таковыми - то въ самомъ „дѣлѣ правилами разпоряжалися два Тія и три „Уанга. Двумя Тіями должно здѣсь разумѣть Яоа и „Шуна; тремя же Уангами династіи, сирѣчь великаго Юа, родоначальника династіи Гіаэвой; Тшенг - Танга, династіи Шэнговой; Овен - Уанга, Тшеуской. „Къ послѣднему пріобщаютъ двухъ его сыновей: У-„Анга и Тшеу - Уанга. Сихъ - то Императоровъ „особенно предлагаютъ Государямъ своимъ образцами къ подражанію. Писатели Китайскіе упоминаютъ и объ иныхъ, но токмо разумѣя ихъ нѣсколько онымъ уподоблявшимися.„

Дабы еще больше удостовѣриться, что Шу-Кингъ не есть книга историческая, должно обратить вниманіе на предметъ ея, на образъ, какъ сочинена. Предметъ ея есть наставленіе Государей и дѣловыхъ особъ. Образъ сочиненія показуетъ разные пути для тѣхъ и другихъ. Сіи пути:

1. „Тіэны, какъ - то Яо - Тіэнъ и Шун - Тіэнъ. „Слово Тіэнъ обьясняютъ лучшіе толкователи: неповреждаемый, немогущій премѣниться, завсегда „таковый, какъ долженствуетъ; добродѣтель, премудрость, истинна, правосудіе, все свойственное „здравому разуму. Наставленія Государей къ поддан-

 „нымъ;

„нымъ; велѣнія ихъ къ нимъ долженствуютъ быть „таковыми, и таковыя точно преподавалися Яоэмъ „и Шуномъ.„

2. „Мо - И. Тѣ же толкователи изражаютъ слово „Мо: Совѣщанія и разсужденія у Государя съ дѣло„выми, ко изысканію врачевства сообразно съ обстоя„тельствами, для болѣзней Государственныхъ; для „пресѣченія всего вреднаго, вкравшагося въ оное, для „обрѣтенія дѣятельныхъ способовъ, дабы наблюдали„ся законы, и прочая.„ Таковы суть Та - Ю - Мо, Ѵ - Тси - Мо, и прочая.

3. „Гіуны. Слово Гіунъ значитъ всякое увѣ„домленіе къ мѣсту и къ статѣ. Всякое предста„вленіе къ Государю отъ вельможей, на коихъ возло„жены части правительства народнаго, во всякомъ „случаѣ, какъ имъ поступать, установляя что либо, „или отмѣняя, награждая ли кого, или наказуя; сло„вомъ, всякое почтительное напоминаніе Государю, „въ разсужденіи собственныхъ его должностей, и въ раз„сужденіи того, чтобъ не ослабѣвалъ онъ въ добро„дѣтеляхъ.„ Такъ точно изъяснялся мудрый Ѵ - Ѵнъ въ главѣ Ѵ - Гіунъ, и тому подобные.

4. „Каои. Что долженствуетъ дѣлать Госу„дарь при обнародываніи новаго закона, новаго како„ваго либо повелѣнія, новаго учрежденія; о освѣдом„леніяхъ народа же о томъ, что онъ за полезное прі„емлетъ прибавить, или убавить въ образѣ прави„тельства, и тому подобное, какъ читаемъ во гла„вахъ: Тшунг - Го, Эи - Као, Та - Као, Шао - Као и „Тсіэу - Као„ и прочая.

5. „Хей. Когда Государь, или дѣловцы его именемъ, или по его волѣ разсылаютъ велѣнія къ Полководцамъ и воинскимъ чиновникамъ, отряженнымъ противу непріятелей, или для укрощенія мятежниковъ, или для какого либо инаго воинскаго поиска. „Слова, полагаемыя въ таковыя велѣнія Государя, „или дѣловцевъ, именуются Хе въ Шу-Кингѣ, какъ „то въ главахъ Канъ, Тонгъ, Тау, Пи и Тсіэнъ. „Пишемое въ нихъ надлежитъ до ратныхъ людей; „для чего и называются главы сіи Танг-Хе, Таи-„Хе„ и прочая.

6. „Минги. Указы и наставленія всякаго рода, „коихъ предметъ есть благо общее всего народа, „или онаго части, коихъ нарушеніе учиняетъ виновными противу Государя и въ оскорбленіи его. Такіе указы и наставленія отъ него ли идутъ, или „отъ дѣловцевъ, коимъ поручены части самодержавной власти его, сіе доказываютъ главы, гдѣ упоминается о мудрыхъ Государственныхъ дѣловцахъ „Фу-Юэ и Овен-Гэ.„

Вотъ, Милостивый Государь, краткое, но самое вѣрное сказаніе о Шу-Кингѣ Китайцевъ. Таковы суть главнѣйшіе книги сей составы. Подводя всѣ оныя подъ единый ударѣ очей, самъ ты признаешься, что не можетъ разумѣться книгою историческою. Самъ ты выведешь изъ того заключеніе, что искони писана была особенными, такъ сказать, удѣлами, въ которыхъ бы помѣщенъ главныя правила нравоученія и политики двухъ Тіэвъ и трехъ Уанговъ: Яоа, Шуна и родоначальниковъ трехъ первыхъ династій, съ присовокупленіемъ иныхъ трехъ Императоровъ, уподоблявшихся имъ.

Преизящная книга сія искони состояла во стѣ главахъ. Конфуцій уполовинилъ число, выпустивъ несоотвѣтственное нравамъ своего времени, и не весьма достойное занимать Государей и дѣловцевъ ихъ. Льзя вѣрить, что между выпущенными находилось многое такое, хотя не весьма важное само по себѣ, но связующееся съ нѣкоторыми произшествіями, которыя бы могли освѣдомить насъ о первобытныхъ вѣкахъ Китайской монархіи.

Во дни Конфуція исторію Китайскую имѣлъ у себя каждый; была она тогда еще во всей своей цѣлости: не проронено въ ней ни единое произшествіе. Сей знаменитый Философъ не могъ предвидѣть трудностей, каковыя произведены быть могутъ неумѣренно строгими цѣнителями книгъ, чужестранными и самыми Китайцами со временемъ полуучеными противу всего того, чего не находили они въ Шу-Кингѣ. Шу-Кингъ существуетъ даже и до нынѣ почти безъ поврежденія, каковымъ вышелъ на свѣтъ, возникнувъ изъ пепла при Овен-Тіѣ, Императорѣ Ганскаго поколѣнія, съ довольнымъ пространствомъ сочиненный изъ словъ престарѣлаго Фу-Шенга, которую имѣлъ я честь препроводить къ тебѣ, два уже, или три тому года. Не имѣя же, что прибавить къ донесенному мною тогда тебѣ (*), приведу только на память, что Шу-Кингомъ же нарицается Шанг-Шу, или книга высочайшая; потому что вѣщаетъ о временахъ отдаленныхъ; что помѣщена въ комнатномъ книгохранилищѣ Императоровъ, и служитъ наилучшимъ онаго украшеніемъ. Тсаи-

(*) Должностію моею сужу единожды навсегда замѣтить, что пишу я У-Уангъ, Овен-Уангъ, Ю, Яо, а не У-Увангъ, Овен-Овангъ, Иу. Vао.

Тсаи-Тшенъ, ученикъ Тшу-Гіевъ, котораго толкованіе Шу-Кинга въ крайнемъ почтеніи, и по немъ еще нѣкоторые первой учености мужи зовутъ книгу сію Пи-Кингъ, или книга стѣнная; ибо нашли ее закладенную въ стѣнѣ при Императорѣ У-Тіѣ, и для различенія также отъ той, которая составилась пишущими подъ сказаніемъ Фу-Шенга.

Куанг-Уангъ, владѣтель области *Лу*, потомокъ Конфуціевъ, строя вновь домъ сего предка своего, нашелъ между развалинъ старинной каменной стѣны книгу Шу-Кингъ. Сія-то книга по сличеніи со списками съ нее, имѣвшимися уже у ученыхъ, послужила къ подтвержденію, что престарѣлый Фу-Шенгъ сказывалъ праведно и во всемъ сходственно съ найденнымъ Шу-Кингомъ.

Продолжаемъ же неослабно, и со вниманіемъ будемъ разсматривать срѣтаемое нами. Таковый истлѣвшій почти отъ ветхости древесный стебль, который восхотѣли учинить вновь процвѣтшимъ, посредствомъ обряда народнаго надъ изсохшими уже его вѣтвями; обряда, именуемаго у Китайцевъ Тшеу-*Ли*, который производился довольно въ отдаленныхъ временахъ Тшеу-Кунгомъ, У-Уангомъ, родоначальникомъ третьей династіи, за тысячу двѣсти лѣтъ прежде Христіанскаго лѣточисленія.

Тшеу-*Ли* имѣетъ мѣсто непосредственное по Шу-Кингѣ; потому что сохранился до нашего вѣка почти таковымъ, какъ вышелъ отъ пера Тшеу-Кунгова, и было свойственное династіи Тшеуской чиноположеніе самое почтеннѣйшее у Китайцевъ, ради великихъ мужей, жившихъ подъ сею династіею, ссобенно

бенно же Конфуція, преподававшаго ученія древнихъ Китайцевъ во всей чистотѣ своей.

Изъ первыхъ попеченій У-Уанга (*) послѣ, какъ завоевалъ онъ имперіею, было учрежденіе обрядовъ музыки. Брату его Тшеу-Кунгу, меньше его испытанному въ искусствѣ убійственномъ войны, но превосходившему его ученостію, подражателю кроткихъ добродѣтелей мудраго отца ихъ обоихъ, Овен-Уанга, въ правленіи государственныхъ дѣлъ и порядкѣ чиноположеній. Сочинилъ Обрядникъ, раздѣлилъ на шесть Частей, по числу степеней Мандариновъ, учрежденныхъ же имъ облегчать труды Государя подъ бременемъ царствованія его.

Въ первую Часть вошли Тіен-Коан-Тшунг-Тсе, то есть почтенные предсѣдатели надлежащаго до Неба. Должность ихъ состояла относительно ко всему бываемому при жертвоприношеніяхъ и почестяхъ, которыя были различны: Небу, Духамъ и Предкамъ; въ установленіи времени, рѣчей и всего бываемаго при таковыхъ дѣйствіяхъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ предписаніи, что наблюдать должно, когда сынъ Неба (Императоръ) выслушиваетъ допускаемыхъ къ нему данниковъ его и Пословъ чужестранныхъ; что наблюдать должно на общенародныхъ пиршествахъ и сѣтованіяхъ. Тѣ же самыя первой степени Мандарины долженствовали имѣть въ вѣдомствѣ своемъ все относительное къ Императору, всѣ разпоряженія во внутренности чертоговъ его. Наконецъ, подъ ихъ властію вся музыка въ государствѣ; имъ же ввѣрено воспитаніе сыновей Императора и вельможей.

Ман-

(*) Житіе его со многими другими любопытные читать будутъ въ Томахъ Китайскихъ сихъ Записокъ.

Мандарины второй степени именовалися Ти-Коан-Сее-Ту, сирѣчь Чиновники полновластные дѣлъ, надлежащихъ до земли: горы, рѣки, лѣса, рощи, поля, сады, доходы Императора, наложеніе податей, мѣны земныхъ произращеній и продажи; словомъ, все нужное для жизни человѣческой зависѣло отъ нихъ.

Третьей степени Мандарины Тшун-Коан-Тсунгъ-Пе; Мандарины вешніе долженствовали надзирать надъ поведеніемъ, имуществомъ и принадлежащими особами Государю по крови.

Четвертой степени Мандарины вѣдали военныя дѣла. Составляли сію степень Гіа-Коан-Сее-Ма, что толкуется: лѣтніе Мандарины, снабдѣвающіе войско Полководцами. Въ вѣдомствѣ ихъ оружіе, военные и съѣстные запасы, и тому подобное.

Степени пятой удерживаютъ общественный порядокъ народа, судятъ преступниковъ, и за все противное законамъ наказываютъ; именуются же Тсіеу-Коми-Сее-Као, или осенніе Мандарины.

Мандарины шестой степени начальствовали надъ общенародными зданіями и работами, и назывались Тунг-Коан-Сее-Кунгъ, или зимніе Мандарины, учрежденные наполнять упразднившееся и прочее.

Словомъ, шесть таковыхъ степеней главнѣйшаго правительства Чиновники, предсѣдавшіе въ толикихъ же судилищахъ, все, что было наблюдаемо во времена Тшеу-Конга и прочихъ Императоровъ Тшеуской

династіи, суть самое то, что нынѣ шесть великихъ Государственныхъ судилищъ, и что нарицается Тшеу-Ли. Можно сказать, что сіи учрежденія древнѣе еще Тшеуской династіи; потому что тогда выбраны токмо были изъ установленій народныхъ первобытныхъ временъ, особенно же въ княжествѣ Тшеускомъ, коимъ Государи сего поколѣнія владѣли наслѣдственно. По сличеніямъ оныхъ съ таковыми же древнихъ Египтянъ, должно искать сходства между обоихъ народовъ. Розыскъ, коимъ просвѣтившися, узнаемъ, чему вѣрить; по крайней мѣрѣ будемъ въ состояніи выводить, произшелъ ли одинъ отъ другаго, или нѣтъ. Египтяне ли дали Китайцамъ обычаи, нравы, пляски, музыку, обряды и все надлежащее до Политики? Могъ бы я трудящимся въ томъ подать помощь снабдѣніемъ ихъ всемъ, что достигло до временъ нашихъ отъ древней Китайской Географіи; предположилъ бы взорамъ ихъ образы одеждъ, головныхъ уборовъ, нужнѣйшихъ орудій и снастей, которыя употреблялися въ чиноположеніяхъ духовныхъ и гражданскихъ, подъ тремя первыми династіями, до которыхъ пламя, воспаленное Тсиг-Ше-Гоанг-Тіемъ, не простерлось. Существуютъ еще, хотя частію, но въ цѣлости въ сочиненіяхъ собиравшихъ всякаго рода отрывки, пощаженные ѣдкостію временъ, въ книгахъ Конфуція и учениковъ его и другихъ, вѣщающихъ о древностяхъ достовѣрно. Великое множество таковыхъ пособій для предпріемлющаго воздвигнуть, такъ сказать, особенное нѣкое зданіе. Предоставляю тѣмъ, которые будутъ писать послѣ меня по охотѣ и при досугахъ собирать всѣ таковыя пособія и оными возпользоваться. Возвращаюся къ Тшеу-Лію. Неоцѣненная сія часть достопочтенной древности подоб-

добно съ прочими таковыми же осуждена была на сожженіе. Но какъ замыкавшіеся въ ней обычаи отмѣнены были разными Государями, которые подѣлили между собою Имперіи во время вступленія на престолъ Тсина, то и гоненіе на сказанную сію часть меньше было строго, нежели на книги нравоучительныя и историческія; почему и найдены въ свое время почти неповредившимися.

Почти неповредившимися найдены, говорю я; ибо шестая части сей часть Тунг-Коан-Сее-Кунгъ, которая вѣщаетъ о зданіяхъ и работахъ общенародныхъ, должностяхъ предсѣдательствовавшихъ въ семъ родѣ служенія отечеству, потеряна. Тогдашніе ученые почерпнули въ Као-Кунг-Ки, чѣмъ бы замѣнить сію утрату. При Императорахъ Сунгскаго поколѣнія едва не востановленъ былъ Тшеу-*Ли*. Ученые, весьма ставъ уважаемы въ теченіи Сунговой династіи, всячески старалися о томъ, и не единожды настояли; но Государственные дѣловцы и самые мудрые между политиками, съ твердостію противилися тому. Но дабы не раздражить совершенно собора мужей, страшнаго въ тѣ времена, послѣдовало изключительное позволеніе соображаться въ судилищахъ и школахъ съ обрядникомъ Тшеу-Кунга, сирѣчь въ разсужденіи того, какъ поступать имѣющимъ въ вѣдомствѣ своемъ судилища и школы, между собою и въ разсужденіи того еще, что можетъ быть нужно, когда производятся въ чины требователи оныхъ.

Обрядникъ Императоровъ и великихъ Государственныхъ чиновниковъ, начиная со временъ Ганскаго поколѣнія, есть особая книга, подъ названіемъ

Ли-Ки, то есть Записки чиноположеній. Не сопричисляется къ Кингамъ, или Священному Китайскому Писанію; ибо и самъ Конфуцій не таковымъ оныя выдалъ, да и послѣ многое въ нихъ прибавлено и выпущено по разнымъ обстоятельствамъ. Именуется Ки, или Записки; ибо сочинены изъ слышаннаго отъ Конфуція и его учениковъ; однако же содержатъ самые старинные обряды. Премѣна оныхъ и введеніе вновь, показуются съ крайнею точностію, подобно какъ и всѣ иныя классическія сочиненія подъ названіемъ Кинговъ.

Два рода *Ли-Кіевъ*: первый слыветъ Та-Таи-*Ли*-Ки, сирѣчь Чиновникъ древняго Таія; вторый Сіао-Таи-*Ли*-Ки, или Чиновникъ младшаго Таія. Таи, или Таи-Те, есть имя человѣка ученаго, рывшагося въ книгохранилищахъ во времена Ганскаго поколѣнія Государей, дабы замѣнить утрату книгъ, коихъ отыскание поручено ему было. Выбравъ онъ изъ древнихъ рукописей надлежащее до чиноположеній и музыки, сочинилъ книгу и наименовалъ *Ли*-Ки; раздѣлилъ на сто двадцать пять главъ, включивъ въ оныя главнѣйшіе обычаи отъ самой отдаленнѣйшей древности до поколѣнія Тшеускаго. Сколь ни желали Императоры Ганскаго поколѣнія Обрядникъ таковый учинить современнымъ и своей династіи, но не могли въ томъ совершенно успѣть. Миновало довольное число лѣтъ, и ничего положительнаго въ разсужденіи того не принято, а только при случаяхъ соображалися оному Чиновники, опредѣляемые отъ Двора. Въ удовольствіе, елико было можно, любителей древности сокращенъ Обрядникъ Таи-Теевъ, и внесены въ оной тѣ старинныя чиноположенія, которыя могли согласоваться

съ настоящими нравами. Таи-Шенгъ, сынъ старѣйшаго брата Таи-Тея, долженствовалъ исполнить сіе. Взялъ въ помощь къ себѣ первыя степени учености мужей тогдашнихъ, и совокупными силами трудились въ томъ, чего требовали отъ него. Сочиненіе Таи-Теево стѣснилось въ осьмидесяти осьми токмо главахъ. Новый *Ли-Ки* прозванъ Сіао-Таи-*Ли-Ки*; но и еще представился пространенъ. Государственные дѣловцы и придворные люди примыслили, что мѣлочи прежнихъ чиноположеній, уже отмѣненныхъ, не долженствовали входить въ сочиненіе, которое разсуждено сопричислить къ классическимъ, и которому надлежало быть закономъ. Просили Государя, и послѣдовало велѣніе всѣмъ судилищамъ, ученымъ и инымъ, обще трудиться въ установленіи навсегда Обрядника, по коему бы поступать было можно безъ неудобствъ; наипаче же держаться того, чтобъ предписываемое онымъ употреблялося уже въ Имперіи.

Судилищи повиновались съ ревностію, истощали труды съ успѣхомъ. Выбрали изъ сочиненій Таи-Теева и Таи-Шенгова приличнѣйшее, составили Обрядникъ, наложили оному имя *Ли-Ки*, или Записки чиноположительныя. Главъ числомъ вышло сорокъ шесть. Таковый *Ли-Ки* есть тотъ самый, который существуетъ нынѣ, кромѣ трехъ главъ, пріобщенныхъ послѣ для учиненія книги полнѣе. Достовѣрности удостоеваютъ его уваженія, равнаго противу Та-Гіо и Тшунг-Юнга Конфуціева, и полагается на концѣ Кинговъ.

Въ разныя послѣ по томъ времена издаваемы были новыя толкованія и дополненія *Ли-Кіа*; лучшими

же почитаются Тшен-Гоаовъ, которой жилъ подъ династiею Ивеновою. Толкованiя ясныя, окрестненныя и надежныя во всемъ надлежащемъ до почтенной древности. Хощеши ли ты, Милостивой Государь, вѣдать и о другихъ знатнѣйшихъ описывателяхъ обрядовъ и чиноположенiй, воззри на Таблицу четвертуюнадесять, и прочти положенныя на ней строки.

Да не обезохочиваемся впрочемъ, и будемъ смѣло продолжать путешествiе наше; паче же да не забываемъ, что тѣмъ занимаемся мы для собственнаго нашего наставленiя: безъ труда ничего не прiобрѣтается. И тако возвратимся къ Ше-Кингу.

Довольно замѣтить здѣсь особеннѣе всего драгоцѣнный сей остатокъ Китайской древности. [*Смотри Таблицу пятуюнадесять съ объясненiемъ.*]

Ше-Кингъ, книга классическая въ стихахъ; въ стихахъ, а не стихами: ибо состоитъ въ собранiи наилучшихъ произведенiй Пiитовъ, принятыя народомъ симъ за памятникъ премудрости праотцевъ, и яко свидѣтельство искреннее первобытныя простоты нравовъ и обычаевъ.

Стихи четырехъ родовъ:

Рода перваго слывутъ Куэ-Фунгъ, или нравы царствъ: суть пѣсни различныхъ содержанiй.

Прежде, нежели войдемъ въ подробности объ нихъ, прошу тебя припомнить, что Тшеуи, восходя на Императорскiй престолъ, давали удѣлы знатнѣй-

нѣйшимъ Князямъ крови своей, и также крови Государей поколѣнія Шангова: поколѣнія, ими низверженнаго, и коихъ мѣсто заступили они; давали удѣлы же мужамъ мудрымъ, коихъ вспомоществовалися вѣжествомъ и совѣтами; прославившимся на войнѣ, коихъ подвигамъ разумѣли себя должными благодарностію. Такіе удѣлы состояли въ помѣстьяхъ и княжествахъ.

Княжества и помѣстья сіи подчинялися Тію, или Верьховному Самодержцу Имперіи. Исполняли они его велѣнія, являлися въ назначаемыя времена ко Двору свидѣтельствовать ему подданство, отвѣтствовать за поведеніе свое, и внимать его наставленія. Каждый сверьхъ того долженствовалъ привозить съ собою лучшія новыя пѣсни, паче иныхъ поемыя въ ихъ княжествахъ, или помѣстьяхъ; подносилися Сыну Небесъ; Сынъ Небесъ сдавалъ ихъ главному начальнику надъ музыкою и инымъ чиновникамъ, коимъ вѣрено воспитаніе сына его, наслѣдника Государственнаго. Чиновники прочтя и разсмотрѣвъ со вниманіемъ, пріобщаютъ отъ себя дополненія и замѣты; судятъ о добротѣ, или развращеніи нравовъ по странамъ, гдѣ поются сіи пѣсни; доносятъ Императору, ожидаютъ велѣнія его. Императоръ подобно же разсматриваетъ и разсуждаетъ въ полномъ засѣданіи Совѣта при Государственномъ наслѣдникѣ. Предписываетъ сочинить нѣсколько строфъ, которыя бы содержали смыслы пѣсней сихъ въ сокращеніи, хваля ихъ, или порочa, какъ заслуживаютъ. Такія дополнки пріобщены, или особо бывали пѣты нарядвымъ дѣломъ во время, когда Сынъ Неба допускалъ до себя данниковъ своихъ.

Предъ

Предъ тѣмъ, какъ ему возвратиться во внутренные чертоги, изходили изъ устъ его со степенностiю, приличною сану его, важные совѣты Князямъ и Помѣщикамъ; увѣщавалъ, дабы не ослабѣвали благо править подвластными себѣ, въ случаѣ, ежели по пѣснямъ судилъ уже онъ о благонравiи ихъ. Инако же, дабы сами себя исправили, и по томъ подвластныхъ имъ; ибо явствуетъ по общенароднымъ ихъ пѣснямъ вкусъ и наклонности, не соотвѣтствующiя непреложнымъ законамъ и нравоученiю

Вотъ, Милостивый Государь! каковы были Куэ-Фунги; остатки ихъ, до насъ дошедшiе, составляютъ первую часть Ше-Кинга, не что иное, какъ токмо народныя пѣсни, или точнѣе сказать, пѣсни уличныя; однако же служили основанiемъ Феодальнаго правительства подъ династiею Тшеускою.

Судящiе вещи по наружности, знающiе древность по сочиненiямъ новѣйшихъ писателей нѣкоей извѣстной степени, и тѣ, которые порочатъ, или презираютъ несоотвѣтственное собственнымъ ихъ понятiямъ, тому, что сами они видали, или каковыми имъ собственно кажутся предметы; оные напослѣдокъ, кои безсильны постигнуть въ существѣ конецъ намѣренiя читаемаго, видимаго и слышимаго ими, безъ сомнѣнiя смѣяться будутъ, что древнiе законодавцы Монархiи, столь преславной, почитали опорами законодательства уличныя пѣсни. Но кому извѣстенъ Омиръ, кому извѣстны нравы Израильтянъ; Философы не по названiю токмо: не возсмѣются всеконечно обычаю, кажущемуся чуднымъ во столѣтiяхъ, близкихъ къ намъ. Найдутъ въ томъ достойное удивле-

вленію ихъ, почерпнуть правила для себя самихъ въ таковыхъ остаткахъ первобытныя простоты нравовъ.

Скажу больше. Увѣренъ я, что не посмѣшища достойнымъ представится и тебѣ, когда донесу: . . . И нынѣ даже во Франціи можно судить о нравахъ, способностяхъ, вкусѣ и качествахъ сердецъ жителей разныхъ нашихъ областей по пѣснямъ, предпочтительно поемымъ чернью.

Остановлюсь на минуту, и разширю нѣсколько мысль мою; испытаю силъ развернуть ее.

Полагаю, что шутливость и веселый духъ соотечниковъ нашихъ превратился въ степенность Китайцевъ; или, что будетъ то же самое, что жители Франціи изъ весельчаковъ и рѣзвыхъ учинилися задумчивы и сановиты, какъ Китайцы. . . . Невозможности въ томъ не вижу. Человѣки суть таковы, каковыми стали не сами собою, а отъ тѣхъ, кто ихъ вожди. Вѣрю, что съ твердостію и терпѣніемъ льзя ихъ преобразить всячески. Такъ подразумѣвая, наполнившись правилами Ше-Кинга, входя въ разумъ книги сей, представляю я себѣ не тьму Естесловословъ и Алгебраистовъ; не сонмъ ученыхъ Академиковъ, искусныхъ во всѣхъ родахъ наукъ, но нѣкоторое токмо число отборныхъ мужей, степенныхъ и испытавшихся, которые посѣдѣли, обращаяся въ мірѣ, и производя сами собою дѣла нѣкоторыя важности; словомъ, предъ коими наги человѣки вообще.

Представляю себѣ я тѣхъ мужей мудрыхъ, которые удостоиваются отличенія Государей своихъ; удостоиваются ихъ довѣренностей, занимаютъ знат-

ные чины, даютъ нагибъ нравамъ жителей Франціи. Представляю себѣ ихъ съ крайнѣйшимъ тщаніемъ разсматривающими всѣ наши стихи, пѣсни, поемыя по домамъ и по улицамъ во всѣхъ нашихъ областяхъ. Представляю себѣ, что подносятъ оныя Королю Герцоги, Маркизы, Графы, Бароны и знатные Дворяне, Владѣльцы отчинъ, правимыхъ ими. Полагаю себя читающимъ всѣ таковыя бумаги. . . . Нахожу разности въ слогѣ, умовоображеніяхъ, предметахъ, на которые цѣлятъ, и голосахъ ихъ. Вижу, что пѣсни округъ Бреской и *Ліонской* не походятъ на *Лангедокскія* и Прованскія; что Бургонскія пѣсни инаковы, нежели Монсеоскія; что Британцы поютъ инако, нежели *Лотарингцы* и Франш-Конштейцы. Не о нарѣчіяхъ простонародныхъ слово мое, свойственныхъ каждой области. Беру въ смыслѣ, будто бы по всѣмъ краямъ Франціи одно и то же было нарѣчіе; хочу выговорить только то, что всѣ такія пѣсни проявляютъ различіе помѣстное. Пусть содержаніемъ ихъ будетъ что либо святое, что либо нравственное; пусть замыкаютъ въ себѣ язвительныя насмѣшки, иносказанія, хулы, правительства Государственныхъ дѣловыхъ особъ; пусть изражаютъ оплакиванія злыхъ временъ, истинныя ли, или мнимыя; пусть съ горестію описываются въ нихъ бѣдствія праведно, или ложно, жителей сельскихъ, черни вообще; или любовныя и столовыя.

Всѣ таковыя пѣсни, когда искусятъ ихъ мужи глубокомысленные въ горнилѣ, подобно какъ познаютъ доброту металла: то безъ прекословія могутъ судить здраво какъ о сочинителяхъ, такъ и объ утѣшающихся напѣваніями оныхъ. Могутъ, повторяю, не отходя отъ правды, доносить Королю, на примѣръ

мѣръ тако: „Государь! народъ такой-то области „твоей благочестивъ, прилѣженъ во исполненіи должностей своихъ; народъ такой-то твоей другой „области злоязыченъ и навѣтеленъ; такой-то третьей области, не доволенъ; другихъ же, такихъ то, „сладострастенъ и пьянственъ.„

Король, отъинуды уже освѣдомленный о похвальномъ, или хульномъ поведеніи разныхъ помѣстныхъ своихъ Вельможей, повелѣваетъ быть общему собранію Государственныхъ чиновъ, даетъ имъ указы и наставленія, полезныя въ разсужденіи всего того, какъ имъ поступать и въ чемъ себя исправить должно. Скажетъ одному: . . . „До сего времени хранилъ ты „доброй порядокъ на мѣстахъ, тебѣ ввѣренныхъ; „подвластные тебѣ добронравны, ведутъ себя по„хвально: продолжай простираться въ званіи твоемъ „по прежнему. Другому: . . . Есть причины думать, „что ты нелюбимъ отъ подчиненныхъ тебѣ; су„ровъ ты противъ ихъ: осмотрись. Долженствуешь „быть паче для нихъ отцемъ, нежели властелиномъ. „Третьему: . . . Не довольно ты назираешь на под„властныхъ тебѣ: они лѣнивы и тунеядцы; займи „ихъ какою нибудь общественною работою; вели „разпахивать цѣлизны, вели носить тучную землю „на мѣста песчаныя; иногда забавляй ихъ какимъ „нибудь пристойнымъ зрѣлищемъ и наблюдай того, „чтобъ не были никогда безъ дѣла. Четвертому: „. . . Законы слабо у тебя дѣйствуютъ, правосудіе „нарушается; возстанови благоустройство, истреби „злоупотребленіе. Словомъ, каждаго бы мѣстоначальника особенно наставилъ онъ въ соотвѣтственность общей Государственной и частной каждаго жителя пользы.

Прежде, или послѣ таковыхъ увѣщаній Государя, естьли бы наряднымъ дѣломъ въ присутствіи Двора и Вельможей пѣты были пѣсни всякой области съ пріобщенными къ нимъ стихами, кои бы означали качества сердецъ обитающихъ въ нихъ: то безъ сомнѣнія Князи крови и прочіе мѣстоначальники по единому тому подвигу, чтобъ не быть всенародно осмѣянными, стали бы благо правительствовать подвластными себѣ. Дѣйствіе таковое нарядным дѣломъ да возобновлялося бы повсягодно. Король будетъ совершенно освѣдомленъ о всякихъ помѣстныхъ премѣнахъ въ лучшее, или хуждшее, по всей Франціи. Естьли же бы по нѣсколькихъ царствованіяхъ изъ пѣсней таковыхъ составился нѣкій родъ Антологіи, подобный Куэ-Фунгу.... могъ бы именоваться первою частію Ше-Кинга Французскаго.

Вторая и третья часть Ше-Кинга Китайцевъ: обѣ нарицаются Я, съ прилагательными Сіао-Я, или малое Я; То Я, или великое Я. Слово Я значитъ праведное, прямое, пристойное; а сіе даетъ понятіе важное и выспренное о вещи, изображенной величественно. Малое и великое Я содержитъ въ себѣ вещи паче возвышенныя, нежели простыя; Куэ-Фунги, описываемые степеннѣе, поемые сановитѣе. Пристойность и степенность суть какъ бы душа; а благоговѣніе къ законной власти и ко всякимъ Государственнымъ чиноположеніямъ, любовь къ добродѣтели, омерзѣніе къ порокамъ, ревность въ исполненіи даже и малѣйшихъ должностей, главнѣйшіе предметы.

Содержаніе, составляющее малое и великое Я, есть инакое, нежели въ Куэ-Фунгахъ, сирѣчь не простонародныя пѣсни по домамъ и на улицахъ, цѣ-

цѣлящія на предметы по произволу сочинителей своихъ; но пѣемыя въ честь дарованій великихъ мужей, доблестей ихъ, дѣяній преславныхъ. Сочинителями оныхъ были не простые частные люди, коихъ не извѣстны имена, ниже доставленныя Вельможами данниками изъ краевъ пребыванія ихъ, какъ Куэ-Фунги; но Государственными дѣлоцами, по велѣніямъ нарочнымъ Сына Небесъ. Статьи того и другаго Я положены на голосъ Государственнымъ же музыкальнымъ собраніемъ. Статьи малаго Я, составляющія вторую часть Ше-Кинга, пѣваемы были, первое, при торжественныхъ встрѣчахъ въ столицу Князей данниковъ; второе, чрезъ нѣсколько дней по торжественномъ семъ вшествіи ихъ, препровождая во Дворецъ для допуска къ Государю; третіе, препровождая же ихъ обратно изъ Дворца; четвертое, при таковыхъ же срѣтеніяхъ и проводахъ чужестранныхъ Пословъ; пятое, когда Князи и Вельможи для какого либо чрезвычайнаго случая допускаются къ Государю совѣтовать о важныхъ дѣлахъ.

Стихи третьей части Ше-Кинга, или великій Я, пѣваемы бывали при собраніи въ допускной палатѣ Князей данниковъ, чужестранныхъ Пословъ, Вельможей, первѣйшихъ Государственныхъ чиновниковъ и Членовъ судилищъ, ожидающихъ увидѣть очи Государя; пѣвалися же, когда пріуготовляютъ все нужное для каковаго либо торжественнаго пиршества; а въ продолженіе онаго при всякой перемѣнѣ блюдъ, и когда столъ отойдетъ; предъ тѣмъ, когда Императоръ отходитъ во внутренніе чертоги. Пѣсни сіи не сопричислялися къ большей музыкѣ и пляскамъ. Большія музыки и пляски составляютъ особую статью въ девяти частяхъ, то есть во всякой промежутокъ осьмикратной перемѣны блюдъ.

Напослѣдокъ четвертая часть стихотворства сего рода Ше-Кинга называется Сунгъ. Сунгъ значитъ прославленіе, похвалы, одобренія какого либо лица, или какой либо вещи, напѣваемыя въ стихахъ. Сунги Ше-Кинги свойственно суть пѣсни въ честь Небу, праотцамъ и великимъ мужамъ доблественной древности.

Первыя пѣваемы были, когда Императоръ приноситъ жертву на Танѣ, въ Кіаоэ, въ честь Шанг-Тію, или Тіэну.

Вторыя въ палатѣ Праотцевъ, когда онъ воздаетъ почести тѣмъ изъ нихъ, отъ которыхъ происходитъ въ прямой потомственной чертѣ.

Послѣднія, когда Императоръ въ сопутствіи Двора своего, Князей, Данниковъ и чужестранныхъ Пословъ, свидѣтельствуетъ почести же на мѣстѣ, особо назначенномъ, всѣмъ древнимъ Государямъ вообще и каждому великому мужу въ особенности, которые и которой послужили орудіями славы народа Китайскаго.

Сунги раздѣляются на три степени: Тшеу-Сунги, сирѣчь пѣсни, въ честь Родоначальниковъ поколѣнія Тшеускаго. Лу-Сунги такъ названы потому, что пѣваемы были въ царствѣ Лускомъ, бывшемъ подъ владѣніемъ потомковъ Тшеу-Кунга, получившаго оное себѣ въ удѣлъ, когда братъ его У-Уангъ завоевалъ Китай. Оными же славятся и предки сего поколѣнія. Къ тому со временемъ присовокупили Шанг-Сунги, или пѣсни въ честь первыхъ Императоровъ династіи Шанговой, за коею слѣдовала Тшеуская. Пер-

Первыя пѣсни сіи были древнія; ибо пѣвалися на стихахъ за тысячу четыреста и сорокъ лѣтъ до рождества Христова, сирѣчь за триста лѣтъ прежде, нежели Тшеуи въ Китаѣ воцарилися. Вторыя изъ почтенія къ памяти Тшенг-Танга, котораго доблестямъ часто слышны въ нихъ похвалы. Третіи, въ различіе произшедшихъ отъ великаго сего мужа съ потомками же иныхъ малыхъ владѣльцевъ, не отъ крови Императоровъ.

Нынѣшній Ше-Кингъ у Китайцевъ далеко не таковый, какимъ былъ искони. Конфуцій много сократилъ сіе сочиненіе: изъ трехъ тысячь стиховъ оставилъ онъ только триста одиннатцать; прочіе же нашелъ неважными, непристойными пѣть юношеству, иносказательными, коихъ смыслъ разумѣть уже было не можно; описывающими частныя поведенія людей, давно уже забытыхъ. Въ собраніи Яэвъ и Сунговъ, каковы существовали до Конфуція, надобно, чтобъ было много одно и тоже самое въ себѣ содержащихъ: слѣдовательно и не заслуживали достиженія къ позднымъ потомкамъ. Сверьхъ того колико имѣли въ себѣ намѣканій обычаевъ, весьма давно истребившихся и уже неразумѣваемыхъ, или учинившихся уже вилыми отъ многихъ премѣнъ, одна за другою во нравахъ народа. Конфуцій въ сокращеніе свое помѣстилъ токмо понятнѣйшіе и лучшіе; но и тѣ по нѣсколькихъ столѣтіяхъ вразумительны стали только учащимся особенно древностямъ. Послѣ должно было составить нарочный Словарь, съ помощію коего бы находить смыслъ въ Ше-Кингѣ. По Конфуціѣ и истребленіи Тшеускаго поколѣнія мучитель Тсин-Ше-Гоангъ воздвигъ гоненіе на ученыхъ людей. Книга Ще-Кингъ сожжена съ прочими; однако же

часть

часть ея отъискана во времена Ганскаго поколѣнія Государей. Нѣкто, именемъ Мао-Тшангъ, извлекъ книгу сію, можно сказать, изъ посреди пепла, и издалъ въ народъ почти такою точно, какъ находимъ ее нынѣ. Въ знакъ благодарности, прозвана отъ нѣкоторыхъ Мао-Ше, сирѣчь стихотворенія, собранныя Маоэмъ.

Прежде много писывали, и до сего дня пишутъ о классическихъ Китайскихъ книгахъ. Каждый открываетъ въ нихъ новыя красоты. [*Смотри Таблицу пятуюнадесять съ объясненіемъ.*] Тамъ показуются имена лучшихъ писателей о Ше-Кингѣ.

Дадимъ себѣ, Милостивый Государь! отдохновеніе, не поступая далѣе, и повторимъ кратко собесѣдованіе наше.

Первый предметъ во мрачномъ ономъ лѣсѣ древности, внутри коего самое трудное мѣсто, которое проходили, есть Ѵ-Кингъ, книга загадочная, предпоставившая намъ къ разсужденію Триграммы Законодавца Китайской Имперіи. Безъ сомнѣнія былъ то Фу-Ги, жившій около трехъ тысячь лѣтъ прежде лѣточисленія Христіанскаго. Во времена Гоанг-Тія Триграммы разумѣлися вещьми весьма уже старинными; а Гоанг-Ти, за двѣ тысячи шесть сотъ тритцать семь лѣтъ до рождества Христова, началъ вмѣсто оныхъ употреблять знаки, или буквы, вымышленныя Тсанг-Кіэмъ, данникомъ своимъ, или дѣловцемъ Государственнымъ. При Уэн-Уангѣ, около тысячи двухъ сотъ лѣтъ до воплощенія Христова, были уже Триграммы темны; онъ ихъ толковалъ. Послѣ Уэн-Уанга доднесь несомнѣнно пріемлются наи-

наидревнѣйшимъ памятникомъ, или по крайней мѣрѣ древнѣе его не знаютъ человѣки.

Нѣкоторые изъ нашихъ Проповѣдниковъ вѣры мыслятъ, что Фу-Гія никогда не бывало въ Китаѣ; что имя сіе значитъ единаго изъ праотцевъ до всемірнаго Потопа; а Коаи будто бы была книга, такъ сказать, ручная сыновей и внучатъ Адамовыхъ. Другіе еще отважнѣе утверждаютъ, что книга сія была ручная же Патріарха, или праотца Еноха, доказывая натяжными намѣканіями и выводя еще наипаче насильственныя заключенія изъ нѣкоторыхъ древнихъ книгъ. . . . Однако же нигдѣ, никогда, ниже одинъ Европеецъ изъ упражнявшихся во всемъ надлежащемъ до Китая, сколько бы ни былъ упрежденъ противу древности народа сего, не опровергалъ древности же Ѵ-Кинга. Самые дерзновенные лучше восхотѣли, вѣщая глупости, доказывать бытіе Ѵ-Кинга, нежели оное отметать далѣе.

Шестнадесять Таблица представляетъ намъ Тшун-Тсіэу Конфуціевъ; тамъ же видимъ рядъ именъ толкователей сочиненія сего въ теченіи разныхъ династій. Сказавъ я Тшун-Тсіэу Конфуціевъ, не разумѣю, чтобы были и другія какія либо сочиненія подъ названіемъ Тсин-Тсіэу. Весьма не рѣдко говорится: Тшун-Тсіэу Тсохеевъ, Тшун-Тсіэу Кунъ-Янговъ, и прочее; но чрезъ оныя разумѣются только толковники Конфуціева Тшун-Тсіэуа.

Книга чудная, отзываются Китайцы; верьхъ красоты Исторической, образецъ для всѣхъ знаменитыхъ писателей; да и таковою достойна быть для всѣхъ вообще писателей по лицу земному.

Чрезмѣрную похвалу стѣсняя надлежащими предѣлами, довольно уравнивать сіе сочиненіе Тшун-Тсіэу съ сочиненіемъ же Предсѣдателя Генота; разность только та, что каждая Китайская буква есть картина: каждая буква изражаетъ иногда болѣе, нежели цѣлыя перемычки слога на языкахъ Европейскихъ.

Тшун-Тсіэу упоминаетъ токмо о случившемся въ теченіи двухъ сотъ сорока двухъ лѣтъ въ царствѣ Лускомъ, что нынѣ область Шан-Тонгская. Царство Луское было только часть Имперіи, зависящая отъ нея, подобно какъ и другія: то и произшествія общія всего Китая описываются же въ сочиненіи семъ, или ради особенной нѣкакой важности ихъ, или по связи съ царствомъ сего имени.

Конфуцій начинаетъ писать Тшун-Тсіэу въ первое лѣто владѣнія Ѵн-Кунга, то есть на сорокъ девятомъ году владѣнія же всемъ Китаемъ Пинг-Уанга, третіягонадесять Императора династіи Тшеуской; а сіе происходило противу ста двадцати втораго лѣта до воплощенія Христова. Съ великою точностію и ясностію описуетъ онъ достойнѣйшее незабвенія подъ дванадесятью Царями Лускими: Ѵн-Кунгѣ, Гоан-Кингѣ, Тшоанг-Кунгѣ, Мин-Кунгѣ, Ги-Кунгѣ, Овен-Кунгѣ, Сивен-Кунгѣ, Тшен-Кунгѣ, Сіанг-Кунгѣ, Тшао-Кунгѣ, Тинг-Кунгѣ, Нгаи-Кунгѣ. Особенно замѣчаетъ солнечныя затмѣнія, предсказыванныя завременно въ теченіи двухъ сотъ сорока двухъ лѣтъ царствованій Государей сихъ, коихъ было числомъ тридесять пять: годы, мѣсяцы, дни и часы означаетъ во всемъ сходственно съ Европейскими Астрономами.

Первое

Первое таковое явленіе было въ третіе лѣто Лускаго Царя Ун-Кунга, въ пятьдесятъ первое и послѣднее жизни Императора Пинг-Уанга, за семь сотъ двадцать лѣтъ прежде лѣточисленія Христіанскаго. Годъ примѣчательный впрочемъ и въ Священномъ Писаніи, раззореніемъ Израильскаго царства и десяти Израильскихъ же колѣнъ отъ Салманасара Царя Ассирійскаго: замѣта во времячисліи, достойная быть всеобщею Исторіи вселенской. Можетъ же служить намъ къ установленію междувремія отъ кончины Императора Пинг-Уанга, и шестаго лѣта царствованія предшественника его Уэу-Уанга; а сіе шестое лѣто царствованія послѣдняго само по себѣ установляется другимъ солнечнымъ затмѣніемъ, по случаю коего сочинилъ Сіао Я слѣдующую прекрасную пѣсню, и включилъ ее въ Ше-Кингъ:

Ше-Юэ-Тше-Кіао

Шу-Ге, Син-Мао

Ге-Уэу-Ше-Тше, и прочее.

Сирѣчь, въ соитіе десятыя *Луны*, перваго дня, названнаго Син-Мао, было солнечное затмѣніе, и такъ далѣе.

Затмѣніе сіе по разуму пѣсни случилось въ день Син-Мао десятыя *Луны*, какъ толкуютъ всѣ Переводчики и Историки; въ нѣкоторое лѣто царствованія У-Эу-Уанга, и не можетъ быть иное, кромѣ случившагося Сентября шестаго, семь сотъ семьдесятъ шестаго года до рождества Христова. Былъ то шестый годъ царствованія сказаннаго Императора.

Симъ же годомъ начинаются въ древней Европейской Исторіи Олимпіады, и достовѣрность лѣточисленная Исторіи Греческой и иныхъ народовъ; почему и можемъ Исторію Китайскую помѣщать непосредственно за Священнымъ нашимъ Писаніемъ, то есть древнѣе всякихъ иныхъ языческихъ Исторій во вселенной, которымъ послужитъ свѣтильникомъ сквозь мраки первобытныхъ временъ; послужитъ же и намъ самимъ вмѣсто вождя даже до источника, отъ коего проистекли всѣ народы.

Пойдемъ далѣе; но не уподобляяся слѣпымъ. Ввѣримся такому вождю; но прежде возмемъ предосторожности, дабы не обманулъ насъ. Испытуемъ, довольно ли извѣстенъ и самому ему предпріемлемый путь. Лучшее, кажется мнѣ, средство прочесть опять со вниманіемъ предварительное мое вступленіе въ Китайскую лѣточисленность.

Прочитывая Исторію Китая и другія книги знаменитаго государства сего, сказалъ уже я нѣчто подобное. Находимъ множество дѣяній, совоспослѣдованіе произшествій и обстоятельствъ, которыя повѣрять взаимно и особенно самихъ по себѣ не можемъ; ибо Исторія Китайская не вяжется ни съ каковою иною намъ знакомою; книги Китайскія вообще молчатъ о всякихъ иныхъ народахъ: то и не имѣемъ совершенно ничего, обо что бы намъ опереться, узнать истинну, или открыть ложь, когда сіи дѣянія, сіи обстоятельства, сіи произшествія, возможныя токмо естественно; впрочемъ же не ударяютъ ни на что чрезвычайное въ теченіи Естества. Естьли же находимъ въ сцѣпленіи таковыхъ дѣяній, обстоятельствъ и произшествій подходящія подъ розыски

наши, всеконечно не долженствуемъ пропускать безъ строгой критики.

И такъ приступимъ къ разсматриванію сего рода, будемъ розыскивать со тщаніемъ, да не отстращиваетъ насъ угрюмое званіе немилосердыхъ цѣнителей книгъ. Когда по истощеніи силъ нашихъ, чего требуетъ отъ насъ таковый трудъ, достигнемъ до уличенія самихъ себя, что Историки и иные писатели Китайскіе никогда и ничѣмъ не повреждали истинны; когда увѣримся, что они равно вездѣ вѣщали основательно; что не имѣли никогда намѣренія насильственно заставить себя вѣрить; особенно же, когда ощутимъ, что перо ихъ никогда же и ни для чего не водимо было корыстолюбіемъ, или пристрастіемъ; пріимемъ, что все повѣствовали они отъ искренности по попавшимся въ руки ихъ древнимъ запискамъ, уцѣлѣвшимъ отъ всесожженія Тсин-Ши-Гоанга, или возникшимъ изъ пепла послѣ пожара сего. Единожды ставъ мы удостовѣрены, да удаляется отъ насъ всякое къ тому сомнѣніе, и да престанемъ взыскивать доказательствъ, каковыхъ не взыскуется ни отъ какого инаго народа, и каковыхъ, какъ и сами видимъ, дать оные намъ не могутъ; инако же учинилися бы мы злоязычными Зоилами паче, нежели просвѣщенными цѣнителями сочиненій.

Далѣе не простираю разсужденія моего, дабы преждевременно не начать повѣствованія объ Исторіяхъ; удовольствуюсь на сей разъ внимательнымъ разсматриваніемъ нѣкакихъ вышесказанныхъ дѣяній, которыя нашелся я самъ въ силахъ повѣрить, и противу которыхъ никто и ничего сказать мнѣ не можетъ. Избираю явленія небесныя; прежде всего ищу, не внесены ли въ Китайскую Исторію и другія

Кинги послѣ уже событія своего; или подлинно взяты изъ древнихъ сочиненій, писанныхъ людьми, самовидцами сихъ явленій.

По многихъ розыскахъ открываю: 1) Китайская Исторія и Кинги, осужденныя на всесожженіе Тсин-Ше Гоанг-Тіемъ, возникли не прежде полустолѣтія послѣ. 2) Увидѣли ихъ съ самаго начала изувѣченными и безобразными, нецѣлыми, но въ отрывкахъ, не меньше же поврежденныхъ. Таковыми безъ всякаго поправленія и придатковъ поднесены Правительству учеными мужами, коимъ поручено было отысканіе сихъ памятниковъ. 3) Дождавшися временъ, въ которыя возвращены почести ученымъ людямъ, не было еще человѣка, способнаго исправить погрѣшности разныхъ родовъ, наполнить пустыя мѣста на лоскуткахъ листовъ, оторвавшихся отъ книгъ, коихъ нѣкогда бывали частію; паче же повѣрить надлежащее до Астрономіи, какъ-то различныя взаимостоянія планетъ въ разсужденіи солнца и звѣздъ неподвижныхъ; ибо мѣста оныхъ были иныя за множество столѣтій, нежели нынѣ: то и никто не находился въ состояніи безъ присовокупленія наибольшихъ погрѣшностей означать мѣста поворотовъ и затмѣній солнечныхъ. Не извѣстны еще тогда были существенныя пособія при наблюденіяхъ сего рода, а имѣли токмо средства малонадежныя, таблицы невѣрныя, да и не умѣли въ точности пользоваться. Словомъ, знаніе первыхъ сихъ возстановителей учености состояло въ разбираніи древнихъ буквъ, въ сочиненіи Календаря, употребительнаго въ обычайной гражданской жизни, на нѣкоторое небольшее число лѣтъ. Потомъ же долженствовали исправлять таковый Календарь, изъемля погрѣшности, по мнѣнію своему усо-

усовершенствывая оный, также по своему благоразсужденію.

Изъ всего того заключаю, что по сожженіи Книгъ Тсин-Ше-Гоангомъ, первые оныхъ воскресители не способны были сами отъ себя что либо въ нихъ прибавить; инако же такіе придатки обнажили бы предъ нами невѣжества ихъ и слѣды лжей. Съ другой стороны удостовѣренъ я, что пишемое въ Исторіи и Кингахъ объ Астрономіи, не внесено по возстановленіи учености; ибо доказано мнѣ, что сочиненія Конфуціевы и Сеэ-Ма-Тсіеновы существуютъ по днесь таковыми, какъ вышли отъ пера ихъ. Сими-то послѣдними повѣряю я явленія Астрономическія. Начинаю Тшун-Тсіеэуемъ, сирѣчь произшествіемъ, описываемымъ въ Тсин-Тсіеуэ, яко сочиненіи не столь далекомъ отъ нашихъ временъ, лучше прочихъ окрестненномъ, слѣдовательно и удобнѣйшемъ для справокъ. По Тшун-Тсіеэуэ возмуся за Кинги; по Кингамъ чертою Исторіи достигну до столѣтій, сосѣдственныхъ Потопу вселенскому.

И тако разкрываю то мѣсто въ лѣтописяхъ царства *Лускаго*, гдѣ упоминается о тритцати пяти затмѣніяхъ солнечныхъ, случившихся въ теченіи двухъ сотъ сорока двухъ лѣтъ. Первыя слова, положенныя въ заглавіи перваго же листа, читаю такъ: . . Ун-Кунгъ, Увен-Ніенъ. Сирѣчь: . . . Первый годъ Ун-Кунга. Далѣе: . . Ун-Кунгъ именовался Си-Ку: былъ онъ сынъ Гоэи-Кунга, и наслѣдовалъ по немъ лѣта Ки-Уэи.

Познаю чрезъ оное: 1) Ун-Кунгъ есть первый изъ дванадесяти Царей *Лускихъ*, коего жизнь опи-

описываетъ Конфуцій въ своемъ Тшун-Тсіэу; 2) что начинаетъ такое описаніе первымъ годомъ царствованія его; 3) что первый сей годъ имѣлъ круголѣтіемъ своимъ знакъ Ки-Уэи. Остается свѣдать, по крайности вообще, въ какой точно странѣ было Луское царство, имѣвшее между Царей своихъ Ун-Кунга, и противу коего года нашего лѣточисленія пріурочить царствованіе его, означенное знакомъ круголѣтія Ки-Уэи.

Беру прибѣжище ко всеобщей Исторіи Китайскаго государства, и нахожу: 1) около тысячи ста двадцати двухъ лѣтъ прежде воплощенія Христова У-Уангъ, родоначальникъ династіи Тшеуской, подвергнувъ самодержавію своему весь Китай, по кончинѣ Тшеу-Сина, двадесять осьмаго и послѣдняго Императора поколѣнія Шанговъ, далъ въ удѣлъ брату своему Тшеу-Кунгу ту часть государства, которая отъ сѣвера межуетъ съ областію, нынѣ называемою Петше-Ли; отъ сѣвера областьми же Кіанг-Си и Кіанг-Нанъ, отъ запада Го-Нанскою, отъ востока моремъ. 2) Что сія часть Китая почтена именемъ Лускаго царства; 3) что потомки Тшеу-Кунга издавали законы до временъ Конфуціевыхъ; 4) что Царь Ун-Кунгъ, коимъ Конфуцій начинаетъ Исторію свою, возшелъ на престолъ на сорокъ девятомъ году владычества Пинг-Уанга, третьяго надесять Императора въ поколѣніи Тшеускомъ, коего долговременное владычество означалося знакомъ круголѣтія Ки-Уэи.

Снабдившися предварительными таковыми свѣденіями, легко могу возходить и снижаться во временахъ прежде и послѣ воплощенія Христова, и находить годъ,

годъ, соотвѣтствующій сорокъ девятому владычества Пинг-Уанга. Примуся за лѣточисленную таблицу всѣхъ Императоровъ, когда либо бывшихъ въ Китаѣ, отъ Гоанг-Тіа до нынѣшняго Богдыхана Кіэн-Лонга. [Таблицу таковую послалъ я въ 1770, совсѣмъ переведенную, въ книгохранилище Его Величества Короля: любопытный можетъ съ нею справляться.] Начну 1775 годомъ отъ рождества Христова, четвертымъ преславнаго владычества Кіэн-Лонга, которое означается круголѣтіемъ Y-Уэи. Раздѣлю сцѣпленіе всѣхъ круголѣтій, буду выводить предъ глаза мои всѣхъ Императоровъ годъ за годомъ, и дойду такимъ образомъ до Пинг-Уанга. Усугубляю вниманіе, возъищу годъ подъ круголѣтіемъ Ки-Уэи; найду, что то есть сорокъ девятый владѣнія Государя сего, и что въ точности соотвѣтствуетъ седмь сотъ двадесять второму году до рождества Христова.

Обрѣвъ начатокъ Тсин-Тши-Эуа, подобно же обрящу и окончаніе, прочитавъ, что на четвертомъ надесять году Нгаи-Кунга, *Лускаго* Царя, окончаваетъ Конфуцій сочиненіе свое. Тѣмъ же самымъ образомъ откроется, что сіе четвертоенадесять лѣто царствованія Нгаи-Кунга, означаемое круголѣтіемъ Кэнг-Шенъ, въ точности же соотвѣтствуетъ тридесять девятому году владычества Кинг-Уанга, двадесять пятаго Императора между Тшеусцами; до воплощенія же четыре ста восемьдесятъ первому году. И тако тридесять пять солнечныхъ затмѣній, разсматриваемыя мною, замыкаются въ теченіи времени отъ 728 года до рождества Христова, по 481 годъ нашего лѣточисленія; видимы были на ширинахъ мѣстъ сѣверныхъ 36°, $40^{\prime}$, на длинахъ же отъ первой до седьмой степени къ востоку отъ Пекинга; ибо та-

ково было пространство царства Лускаго, или нынѣшней Китайской области Шанг-Тонгъ.

Продолжаю чтеніе Тшун-Тсіэуа; на третьемъ году царствованія Ун-Кунга нахожу слова: . . Ун-Кунгъ Сан-Ніэнъ, Тшун-Уангъ, Эульг-Юэ, Ки-Сеэ, Ге-Еу-Ше-Тши; сирѣчь: . . . при Ун-Кунгѣ третьяго лѣта весною, во вторую луну, въ день Ки-Сеэ, было солнечное затмѣніе. Увѣрился уже я прежде, что первое лѣто царствованія Ун-Кунга соотвѣтствуетъ сорокъ девятому владычества Пинг-Уанга и 722 му году прежде Христова рождества. Слѣдовательно третіе лѣто царствованія Ун-Кунга соотвѣтствуетъ пятьдесятъ первому Пин-Уанга; а пятьдесятъ первый Пинг-Уанга семь сотъ пятьдесятъ первому году до Христа.

Взгляну теперь на Астрономическія мои таблицы, и приступлю къ вычетамъ. По онымъ выходитъ, что дѣйствительно на семь сотъ двадесятомъ году прежде Христіанскаго лѣточисленія было солнечное затмѣніе въ царствѣ Лускомъ, и точно въ сказанное время года, 22 Февраля: солнце и луна нашлися на прямой отъ насъ чертѣ между дватцать шестою и дватцать седьмою степенью Зодіаческаго знака Водолива. Заключаю, что сіе солнечное затмѣніе очевидно есть то, о которомъ упоминается въ Тшин-Тсеэу; ибо другаго солнечнаго затмѣнія того года не было.

Болѣе нужно мнѣ не сомнѣваться объ искренности писателя, нежели въ повѣркахъ Астрономическихъ вычетовъ: то и остановлюсь на первомъ. Не буду терять времяни, стараясь согласить 22 Февраля съ днемъ Ки-Сеэ, вторыя луны, какъ стоитъ въ подлин-

подлинникъ. Всѣ предпринимавшіе подобное не избѣгли заблужденія, истощили часы, которые бы могли употребить лучше: на примѣръ Іезуитъ Гобиль, сообразно со многими Китайскими Астрономами, на коихъ ссылается, утверждаетъ, будто бы во второй лунѣ, или второмъ мѣсяцѣ третьяго лѣта царствованія Ун-Кунга, не было вовсе дня Ки-Сеэ; а будто день Ки-Сеэ есть первый третьей луны, или мѣсяца, по разуму Тшин-Тсіэуа.

Гобиль могъ бы быть правъ, естьли бы Тшеускіе Календари никогда не имѣли въ себѣ погрѣшностей; естьли бы тѣ, кому ихъ сочинять поручалось, прибавляли высокосные дни къ мѣсту и къ статѣ, или бы въ таковомъ прибавленіи непремѣнно всегда слѣдовали единожды установленному порядку; естьли бы сцѣпленіе круголѣтій никогда не прерывалось, лунныя явленія означаемы были по точному теченію свѣтила сего, соотвѣтственно годовымъ временамъ, ими означаемымъ. Ибо въ Лускихъ Календаряхъ первая, вторая и третія луна, или мѣсяцы, составляли весну; четвертая, пятая и шестая лѣто; седьмая, осьмая и девятая осень; десятая, первая и втораянадесять зиму. Сверьхъ того достовѣрно извѣстно, что во время, о коемъ здѣсь слово, внѣшнія войны и внутренніе раздоры почти все разстроили въ Китаѣ. Добрый порядокъ, установленный мудрыми родоначальниками династій, искаженъ: ослабло повиновеніе законамъ, своевольствомъ заразились всѣ Государственные чины и степени; древніе общественные обряды вышли изъ почтенія; Календарь особенный не могъ никогда, и не можетъ нынѣ быть паче поврежденъ; тѣ же, кому поручалось исправленіе онаго, были безъ способностей къ тому....„ Едва обычаи, коихъ описаніе состав-

ляетЪ многія статьи Ше-Кинга, начинали приходить вЪ небреженіе, говоритЪ Монг-Сеэ: государство увидѣло себя клонящимся кЪ паденію; ибо Императоры не исполняли должностей званія своего: подражали имЪ подобно же Князи данники, Судіи и общественные Чиновники. ВЪ такое-то смутное время, время, когда прервалось продолженіе Ше-Кинга, Конфуцій началЪ сочинять свой Тшун-Тсіэу.„

ВЪ доказательство пишемаго мною, не имѣю нужды выпускать изЪ рукЪ Тшун-Тсіэуа, ниже отступать отЪ третьяго года царствованія Ун-Кунга. ПодЪ симЪ годомЪ читаю: . . . Во вторую луну, вЪ день Ки-Сеэ, затмилось солнце, и прочее. ВЪ третью луну, вЪ день Кинг-Си, скончался ИмператорЪ Пинг-УангЪ, и прочее.„ Оба сіи произшествія сличаю; ищу, единогласитЪ ли общая Китайская Исторія сЪ Исторіею же частною царства Лускаго. ВЪ той и другой нахожу точное сходство вЪ порядкѣ кругол ѣтія. День Ки-Сеэ есть шестый, а Кинг-Сіу, или Кинг-Си, сорокЪ седьмый, слѣдовательно промежутокЪ между ими сорокодневный: слѣдовательно оба произшествія не могли случиться вЪ теченіи одного мѣсяца; ибо долгота обычайнаго мѣсяца не превосходитЪ тритцати дней. По сему обманываются почитающіе солнечное сіе затмѣніе вЪ первый день третьей луны.

СтанемЪ держаться точныхЪ словЪ разсматриваемой нами книги. БудемЪ вѣрить, что поминаемое здѣсь затмѣніе случилось такЪ, какЪ означается знаками круголѣтія; но не отважимся пріурочить оное кЪ такому-то именно дню, такой-то точно лунѣ, когда оное вЪ подлинникѣ не ясно. Полагать можемЪ,

можемъ, да и не безосновательно, что Конфуцій, выбирая изъ двухъ родовъ записокъ, то есть Лускихъ и Тшеускихъ, ставилъ числа то бывшія въ употребленіи въ томъ, то въ другомъ царствѣ, не провидѣвъ замѣшательства, какое произойти могло отъ двухъ разныхъ образовъ времячислія. Подобно сему въ минувшемъ столѣтіи, когда исправленный Григоріанскій календарь не всѣми еще принятъ былъ Европейцами, Агличане и Французы, однѣ и тѣ же затмѣнія небесныхъ свѣтилъ замѣчали разными числами. Станется и нынѣ, что писатель первыя степени учености, но только не Астрономъ, упоминая о затмѣніяхъ, будетъ ихъ пріурочивать по числамъ то того, то другаго народа.

Сказать кратко: въ разсужденіи древности столь отдаленной, довольно для насъ повѣрять годы токмо, по крайности же годовыя времена затмѣній небесныхъ свѣтилъ. Не могутъ погрѣшать столь грубо писатели, и не Астрономы, размѣщая великое число затмѣній, однако же дѣйствительно бывшихъ, не въ тѣхъ точно годахъ, въ которые случилися. Станется, что ошибалися нѣкогда и въ томъ; на оное скажемъ: . . „Въ обычаѣ тогда было, чтобъ „вычислители затмѣній сообщали такіе свои выче„ты за нѣсколько дней предъ таковымъ небеснымъ „явленіемъ, дабы дать время пріуготовиться къ обря„ду, употребительному въ сихъ случаяхъ. За недо„статкомъ исправныхъ таблицъ ложное учиняли „предсказаніе Исторіографамъ; а сіи приняли за „истинну, по причинѣ ли мрачнаго въ тотъ день „неба, или по небреженію, или забыли вычернить „въ спискѣ солнечныхъ, или лунныхъ затмѣній, пред„сказыванное ложно.„

Не хочу болѣе скучать тебѣ розысками безполезными. Но дабы привесть всѣхъ Европейскихъ Астрономовъ въ состоянiе съ помощiю исправнѣйшихъ таблицъ, нежели каковыя имѣю я у себя, повѣрять заmмѣнiя, случившiяся въ древности: для сего возьму точныя слова изъ подлинника, прiобщу переводъ оныхъ, означу годы, соотвѣтствующiе нашему лѣточислiю. [*Смотри Таблицы шестуюнадесять, и слѣдующiя до двадцать осьмой.*]

На сей разъ довольно, что я увѣренъ: . . . третьяго лѣта Ун-Кунга, Лускаго Царя, случилось самое отдаленнѣйшее заmмѣнiе солнца, о которомъ упоминаетъ Конфуцiй въ своемъ Тшун-Тсiэу; что сiе третiе лѣто соотвѣтствуетъ пятьдесятъ первому владычества Императора Пинг-Уанга; нашего же времячислiя седмь сотъ двадесятому, прежде воплощенiя Христова.

Тшун-Тсiэу не можетъ уже далѣе углубляться въ древность, служа мнѣ вождемъ. Прибѣгну къ книгамъ классическимъ, начну съ того года, коимъ оканчается сочиненiе Конфуцiя: избираю Ше-Кингъ. Прочитывая книгу сiю, достигаю до стихотворенiй Сiа-Яэвыхъ; вижу оду въ осьми строфахъ: первая строфа возвѣщаетъ мнѣ о заmмѣнiи солнца. Усугубляю вниманiе, разсматривая слѣдующiе стихи:

Ше - Юэ - Тше - Кiао :

Шо - Геу - Син - Мао

Ге - Еу - Ше - Тше, и прочая.

Сирѣчь

Сирѣчь, въ соитіе десятыя луны перваго дня, именуемаго Син-Мао, затмилось солнце.

По таковомъ вступленіи стихотворецъ дѣлаетъ настановленіе владѣтельнымъ особамъ и дѣловцамъ ихъ. [*Смотри Таблицу двадесять шестую съ объясненіемъ, переведеннымъ мною на Французскій языкъ.*]

Обмысливъ все оное, сказалъ я самъ себѣ: . . . Читаемое мною не можетъ быть выдумано. Стихотворецъ сочинилъ оду свою всеконечно по случаю дѣйствительнаго затмѣнія. Существенныя замѣты во времячисліи доказываютъ истинное того событіе десятыя луны въ первый день, который имѣлъ знакъ кругольтія Син-Мао.

Вѣдаю впрочемъ несомнѣнно, что ода Ше-Юэ-Тше-Кіао, и такъ далѣе, сочинена при Императорѣ Іэу-Уангѣ. Всѣ Историки, всѣ толкователи, всѣ дополнители, словомъ, весь народъ Китайскій въ томъ меня удостовѣряетъ: слѣдовательно солнечное сіе затмѣніе случилось во дни того Императора. Справляюся съ исправленными лѣточисленными таблицами, недавно изданными подъ именемъ владѣющаго нынѣ Богдыхана Кіэн-Лонга, посланными уже мною въ Королевское книгохранилище съ Французскимъ моимъ переводомъ, и нахожу, что Іэу-Уангъ былъ непосредственный преемникъ Пинг-Уанга, владычествовавшій въ Китаѣ одиннатцать лѣтъ. Свожу Китайское сіе лѣточисленіе съ нашимъ, и получаю удобность единымъ ударомъ очей увидѣть, когда возшелъ Іэу-Уангъ на престолъ и когда скончался: вижу, что царствованіе его продолжалось отъ семь сотъ семьдесятъ перваго года по семь сотъ восемьдесятъ

пер-

первый годъ прежде рождества Христова. Надобно теперь вычислять, было ли видимо затмѣніе солнечное въ сіе междовреміе тамъ, гдѣ находился Дворъ Китайскій, сирѣчь въ окрестностяхъ области, нынѣ называемой Си- Нган-Фу.

Си-Нган-Фу сопричисляется къ области же Шен-Си, подъ шириною мѣста 34° $15^{\prime}$ $36^{\prime\prime}$ на длинѣ 7°, $34^{\prime}$, $30^{\prime\prime}$, къ западу отъ Пекина: Меридіанъ сей столицы беру я за первый. Поступаю далѣе. Достигнувъ до 776 года прежде воплощенія Христова, обрѣтаю искомое, сирѣчь солнечное затмѣніе, въ шестый день Сентября видѣнное на мѣстахъ пребыванія Императора Іэу-Уанга, гдѣ по случаю того затмѣнія пѣта была ода, подающая столь нравоучительныя наставленія для его самаго и его сотрудниковъ въ народоправленіи. Заключаю изъ того, что сіе затмѣніе случилось въ началѣ Сентября. Точно то же подтверждаетъ Ше-Кингъ: солнце и луна находилися на прямой чертѣ за знакомъ Зодіаческимъ Дѣвы, въ десятую луну шестаго лѣта владычества Іэу-Уанга, вторагонадесять Императора поколѣнія Тшеускаго.

Не стану разбирать, что день Син-Мэо подлинно ли означалъ первое число десятыя луны; довольно вѣдать, что въ теченіи одиннатцатилѣтняго владычества Императора сего не было инаго солнечнаго затмѣнія. И тако оное есть точно то, о коемъ упоминается въ Ше-Кингѣ.

Теперь увѣрилися мы, что Китайскіе писатели не обманываютъ насъ повѣствованіями о произшедшемъ за седмь сотъ семьдесятъ пять лѣтъ до воплощенія Христова; вѣдаемъ, что Китайцы имѣли уже

уже тогда Астрономовъ, Стихотворцевъ, Историковъ. За малость вмѣнять онаго не можно. Пойдемъ далѣе въ древность, не збиваяся съ пути, по коему достигли доселѣ. Должно возвратиться опять къ Ше - Кингу, и посреди развалинъ первобытныхъ временъ искать увѣрителей.

Въ главѣ Ун - Тшенгъ четвертой, вторыя части, читаемъ незабвенія достойныя слова: Нан - Ки, Тсіэу - Уэ, Шот - Шенъ, Фу - Ки, Ю - Фангъ, и прочее. Въ переводѣ значатъ: . . . Въ первый день послѣднія осенния луны солнце и сіе свѣтило находилися на прямой чертѣ; противу созвѣздія Фанга было солнечное затмѣніе, и такъ далѣе. Смотри Таблицу двадесять седмую съ объясненіемъ.

Хотя не имѣю, что бы еще пріобщить къ положенному мною въ первомъ моемъ къ тебѣ письмѣ, въ разсужденіи сего затмѣнія, однако сокращенно скажу въ двухъ словахъ, что доказываетъ достовѣрность сего письма. Затмѣніе солнечное, о которомъ здѣсь слово, было въ первый день послѣднія осенія луны, на прямой чертѣ солнца и сего свѣтила, противу созвѣздія Фанга. Такъ вѣщаетъ Историкъ, или нравоучитель Китайскій, не повѣствуя о затмѣніи собственно, но какъ о поводѣ, подавшемъ ему случай повѣствовать: ибо тогда возстановленъ законъ, осуждающій на смертную казнь Астрономовъ, напрасно пугающихъ народъ прорицаніями солнечныхъ затмѣній, которыя во всѣ времена и вѣки разумѣлися Китайцами злоключительными предвозвѣстниками.

Сей Историкъ, или сей нравоучитель, имѣя два таковые предмета, взаимно связующіеся, не бывъ

вЪ состояніи вычислять время затмѣнія, писалЪ обЪ ономЪ по запискамЪ времени своего; время же сіе есть, когда Тшунг-КангЪ, четвертый ИмператорЪ Гіавой династіи, издалЪ законы Китаю. Должно мнѣ повѣрить самому, затмѣвалося ли солнце во дни Тшунг-Канга. Естьли бы подлинно затмѣвалось, то, сличая сЪ Шу-КингомЪ, нахожу, что было самое то, о коемЪ пишется вЪ книгѣ сей.

ИзслѣдовавЪ, 1) когда точно владычествовалЪ ИмператорЪ Тшунг-КангЪ, 2) гдѣ созвѣздіе Фанга, 3) какЪ пріурочить время сіе кЪ нашему лѣточислію, 4) гдѣ точно было тогдашнее мѣсто пребыванія Двора Китайскаго, нахожу, что Тшунг-КангЪ взошелЪ на престолЪ за двѣ тысячи сто пятьдесятЪ девять лѣтЪ до воплощенія Христова, и правилЪ ГосударствомЪ тринатцать лѣтЪ. ВовторыхЪ нахожу, что послѣдняя осенняя луна послѣдуетЪ нашему Октябрю мѣсяцу. ВтретьихЪ наконецЪ, что созвѣздіе ФангЪ есть промежутокЪ отЪ лба до сердца Скорпіона. Знаю сЪ другой стороны, что мѣсто пребыванія Двора Тшунг-Канга было кЪ западу отЪ Пекина по чертѣ длины, отЪ Пекинскаго же Меридіана на дванадесять минутЪ пути.

НадлежитЪ окончательно обрѣсти, могло ли быть видимо солнечное затмѣніе во дни Тшунг-Канга, сирѣчь за двѣ тысячи сто сорокЪ седьмь лѣтЪ до рождества Христова, на мѣстѣ пребыванія Государя сего. ВыходитЪ по моимЪ вычетамЪ 12 число Октября, года за двѣ тысячи сто пятьдесятЪ пять лѣтЪ до нашего лѣточислія, было дѣйствительно затмѣніе солнечное, и точно упоминается обЪ ономЪ вЪ Шу-Кингѣ. И такЪ случилось сіе затмѣніе при Тшунг-

Кан-

Кангъ въ пятое лѣто владычества его, въ первый день послѣднія осенніа луны.... Прошу тебя, милостивый государь, когда либо въ досужные часы прочесть первое мое письмо (*).

Достигаемъ мы теперь ко временамъ Патріарха Іосифа, бывъ токмо путеводимы Китайскими памятниками. Классическія ихъ книги Тсин-Тшеу, Ше-Кингъ, Шу Кингъ, не обманули насъ; ибо подпираютъ истинну сказанія своего солнечными затмѣніями, которыя нашли уже мы случившимися точно тогда, какъ свидѣтельствуютъ сіи книги. И тако ввѣримся вождямъ симъ и во всемъ прочемъ. Буйство то будетъ и несправедливость, естьли почтемъ ихъ лживыми по тому единому, что доказательства ихъ, понятныя Китайцамъ, не понятны намъ.

Должны мы согласоваться съ писателями сего народа, самыми знаменитыми, когда удостовѣряютъ, что рывшися они во всѣхъ древнихъ отрывкахъ когда либо бывавшихъ сочиненій, сличая взаимно между собою первобытные обычаи, справляяся со всякими родами памятниковъ, истощевая всѣ свои способности и просвѣщаяся всею возможною критикою, стали напослѣдокъ уличены отъ самихъ себя, что во времена Яоа, начавшаго владычествовать за двѣ тысячи триста пятьдесятъ седмь лѣтъ до воплощенія Христова, были уже въ Китаѣ Астрономы; поручалося уже имъ сочиненіе Календарей въ наставленіе народа; что исправляли уже они времячисліе; что лунныя коло-

(*) Въ заглавіи сокращеннаго лѣточислія всеобщія Китайскія Исторіи, доказательства сего затмѣнія солнечнаго описаны въ подробностяхъ.

вращенія, числомЪ дней вЪ порядкѢ общественныя жизни, не могли вонЪ изЪ мѢры не соотвѢтствовать поворотамЪ солнца и равноденствіямЪ, такЪ что три луны, или мѢсяца, означающіе единое изЪ четырехЪ годовыхЪ временЪ, почти всегда наставали вЪ одну пору; что сіи Астрономы установляли точки вЪ теченіи годоваго времени по поворотамЪ солнца и равноденствіямЪ сообразно мѢстамЪ, гдѢ находилося тогда солнце, гдѢ находилися тогда нѢкоторыя извѢстныя созвѢздія. Все то разверстывая сЪ числомЪ лунныхЪ коловращеній, яко мѢры гражданскаго года, выводили дни придаточные, или высокосные; а таковымЪ посредствомЪ годы ихЪ, учинившись лунносолнечными, удобны стали безЪ замѢшательства установлять порядокЪ Астрономическаго и гражданскаго времячислія; тѢ же самые Астрономы вѢдали уже, что такое нами называемое, годы Іуліанскіе, сирѢчь три года сряду по триста шестидесяти пяти дней, четвертый же вЪ трехЪ стахЪ шестидесяти шести; что помощію послѢдняго свѢденія легко имЪ было установлять непреложно двадесять четыре Тсіэ-Ти, или части года солнечнаго; легко имЪ было установлять теченіе и мѢру годовЪ лунныхЪ, прибавляя кЪ стамЪ и ко времени третью надесять луну, или третійнадесять мѢсяцЪ кЪ числу обычайному каждаго года двенатцати мѢсяцамЪ. Смотри Шу-КингЪ главу Яэ-ТіэнЪ.

Должны мы вѢрить, повторяю, знаменитымЪ ученымЪ мужамЪ мудраго Китая, когда вѢщаютЪ, что непосредственные преемники Яэвы имѢли уже Астрономическіе и Оптическіе инструменты; наблюдали движенія планетЪ, вѢдали нужду кЪ усовершенствованію Астрономіи вЪ примѢчаніи прехожденія звѢздЪ чрезЪ

Мери-

Меридіанъ, или часовъ утра и вечера, въ равномъ разстояніи отъ Меридіана; что равноденственная черта и кругъ Зодіаческій дѣлили уже они на триста шестьдесятъ степеней, составляли уже изъ того такъ именуемые двенадцать небесныхъ домовъ, двадесять восемь созвѣздій и двадесять четыре Тсеэ-Кіа, къ ознаменованію зримыя небесныя обширности, къ измѣренію въ точности годовъ, мѣсяцовъ и дней для земнородныхъ.

Должны подобно же вѣрить имъ, что въ толико далекія отъ насъ столѣтія были уже изящныя правила нравственныя и правительства, сочиненныя древними ихъ Государями; были дѣловыя особы и чиновники въ разныхъ государственныхъ дѣлахъ, были храбрые воины, искусные полководцы, неумытные судіи, ученые мужи, стихотворцы, художники въ ремеслахъ какъ пріятныхъ, такъ и полезныхъ. Вѣсъ и мѣра были установлены искони, и къ общему служили употребленію; была музыка въ правилахъ, къ которой припрягалися правила же Астрономическія и обычаи общественные (*); совершалися общенародные обряды въ учрежденное время на году; приносилися жертвы Шанг-Тію; воздавалися почести Духамъ и Праотцамъ, чиноположеніями, весьма за долго предъ тѣмъ учрежденными; что Китайскіе Императоры имѣли уже подъ собою данниками самодержа-

 вныхъ

(*) Сего года послалъ я въ книгохранилище Королевское сокращеніе о музыкѣ Китайцевъ: можно справляться съ онымъ благонадежнѣе, нежели съ ссылкою Господина Рамо на особое сочиненіе о Китайской музыкѣ, препровожденное же мною къ Господину Букенвлю.

вныхъ Владѣльцовъ, которые являлися ко Двору его въ назначенное время свидѣтельствовать зависимость и платить легкую дань (*).

Не меньше вѣрить же имъ мы должны, что, бывъ они обязаны толковать древніе памятники, рыться въ книгахъ старинныхъ и новѣйшихъ, совопрошаться съ мужами мудрыми, испытавшимися во всякомъ родѣ учености; сличать и сносить ихъ мнѣнія взаимно, разбирать защищаемое и опровергаемое ими, вникать во всѣ трудности, какія бы и въ чемъ бы ни находили; со вниманіемъ слушать и читать отвѣты ихъ; все то вѣся съ крайнѣйшею точностію, дознали совершенно, что Китайское времячисліе безъ примѣтныхъ ошибокъ восходитъ до шестьдесятъ перваго лѣта владычествованія Гоанг-Тія, сирѣчь за двѣ тысячи шесть сотъ тритцать семь лѣтъ до воплощенія Христова. (**) Оста-

(*) Между вещьми, подносимыми въ дань Императору Яоу, были три куска шелковыхъ тканій: слѣдовательно неправедно думаютъ нѣкоторые и нынѣ въ Пекинѣ, будто бы шелкъ не былъ извѣстенъ въ Китаѣ прежде Тшеуской династіи. Ясно то, что не читывали никогда Шу-Кинга, не читывали никогда и особаго тогда новѣйшаго писателя, который говоритъ: шелковые одежды стали употребительнѣе подъ Тшеуями. Какъ же инако разумѣть, ежели не то, что подъ Тшеуями умножилась роскошь въ Китаѣ? Имѣю причину подобно же вѣрить противно симъ людямъ и сочинителю, на коемъ утверждаешся о прививаніи оспы. Прививаютъ оспу во Дворцѣ Императора и въ большей части домовъ знатныхъ. Императоръ Канг-Ги въ особомъ сочиненіи подъ собственнымъ своимъименемъ, выдаетъ себя вводителемъ обычая у Монжусцевъ прививать оспу, находя оное благодѣяніемъ своимъ къ нимъ.

(**) Сіе лѣточисленіе, обнародованное по велѣнію и подъ именемъ нынѣ владѣющаго Кіен-Лонга взято изъ записокъ, толкуемыхъ и просматриваемыхъ со временъ Канг-Гія по днесь, сирѣчь, болѣе нежели чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, отъ всѣхъ ученыхъ мужей соединенными силами.

Остается ли еще нѣкоторое въ насъ сомнѣніе о повѣствованномъ Китайскими писателями до Шу-Кинга, то есть до временъ Яоевыхъ? ..... Есть въ исторіи Астрономическая замѣта, которая насъ увѣритъ, или и совсѣмъ уличитъ.

Читаемъ въ Китайской Исторіи, что въ нѣкоторое лѣто владычества Тшоан-Гіуа, внука Гоанг-Тіева, сына Тшанг-Іэва, сирѣчь около ста лѣтъ прежде Яоа, между двухъ тысячь пяти сотъ третьягонадесять и двухъ тысячь четыреста тридесять пятаго года до Христіанскаго лѣточисленія, пять неподвижныхъ звѣздъ на небѣ были въ близости одна отъ другой на кругѣ Зодіаческомъ; вмѣщалися въ созвѣздіи, Китайцами зовомомъ Ше, которое есть въ нашей Астрономической сферѣ промежутокъ отъ крыльевъ Пегаса до правой руки Андромеды: слѣдовательно не подалеку отъ Зодіаческаго знака Рыбъ, подъ которымъ знакомъ господа Миллеръ, Кирхъ и Виньоль нашли по вычетамъ своимъ, что такое соитіе планетъ дѣйствительно быть могло за двѣ тысячи четыреста сорокъ девять лѣтъ до рождества Христова. Двѣ тысячи четыреста сорокъ девять лѣтъ до рождества Христова соотвѣтствуютъ въ Китайскомъ времячисліи шестьдесятъ пятому году владычества Тшоан-Гіуа (*). И такъ доказано, что Китайскій Историкъ вѣщалъ истинну.

Всякій просвѣщенный ученіемъ человѣкъ, но безъ предразсудковъ, не имѣющій особаго каковаго либо собственнаго умствованія ко введенію, или незащищающій

(*) Имя Императора Тшоан-Гіуа произносится различно, соотвѣтственно правописаніямъ разныхъ Европейскихъ народовъ. Италіанцы, Португальцы и Германцы пишутъ и выговариваютъ Тшуен-Гіо, Французы же Тшуан-Гіу.

щающій чье либо постороннее умствованіе предпочтительно всѣмъ прочимъ, не легко усумнится, чтобъ древніе Китайцы не въ самой вещи производили сіе наблюденіе, о коемъ здѣсь слово, когда размыслитъ со вниманіемъ, что недостаточествовали въ пособіяхъ вѣрныхъ къ таковымъ наблюденіямъ небесныхъ свѣтилъ, ниже о таблицахъ, означающихъ въ точности движенія планетъ, помощію которыхъ могли бы восходить въ первобытныя времена, и сочинять вычеты послѣ уже событія..... Удивительно бы было, говоритъ - Монтукла въ Математической своей Исторіи, томѣ первомъ, второй части, книгѣ второй же, на листѣ 383; удивительно бы было, чтобъ по слѣпому случаю описали Китайцы мнимое явленіе небесное, и пріурочили оное ко времени, въ которое дѣйствительно збылось.

Пріобщу къ тому:.... Крайнѣ бы было удивительно, чтобъ таковый же слѣпый случай поблагодѣтельствовалъ имъ описать солнечное затмѣніе въ Шу-Кингѣ при Императорѣ Тшунг-Кангѣ; другое находимое въ Ше-Кингѣ при Императорѣ Іэу-Уангѣ, и еще многія солнечныя же затмѣнія, значущіяся въ Тшун-Тсіэуѣ, при двенадцати Лускихъ Царяхъ.

Въ удовольствіе твое, Милостивый Государь, и въ облегченіе Астрономовъ нашихъ, приведу здѣсь точныя слова подлинника Китайскаго, съ Французскимъ моимъ посильнымъ переводомъ [*Смотри Рисунокъ двадесять осьмой и объясненіе онаго.*]

Прошу тебя простить мнѣ, что можетъ быть навелъ тебѣ скуку и утомилъ, водя по шароховатому

тому пути, извиняюсь, что спокойнѣе для тебя не нашелъ. Далѣе путешествовать намъ съ тобою до конца меты нашей не столь уже будетъ трудно; возъимѣемъ досуги отдыхать; возъимѣемъ ловкости разсуждать вообще о достойномъ вниманія нашего. Удастся, можетъ быть, намъ безъ изнуренія силъ все нами видѣнное предпоставить подъ одинъ ударъ очей, и по томъ всякой разъ напоминать оное, когда найдемъ нужду.

Обрѣли уже мы по мѣрѣ шествія нашего впередъ потребныя объясненія, дабы могли выразумѣть первую таковую картину. Способствуясь тѣмъ, замѣтили, что понятія Китайцевъ объ естествѣ вещей, о созданіи міра, о наукахъ, художествахъ, нравоученіи, правительствѣ и о всемъ вообще, составляющемъ предметъ познаній и трудовъ человѣческихъ здѣсь на землѣ, разкрываются имъ однимъ свойственнымъ образомъ совсѣмъ инако, нежели древними же прочими народами. Изъ сего преклоняемся мы заключать, не Китайскій ли народъ есть первобытный изъ всѣхъ иныхъ, составившійся скоро по вторичномъ населеніи лица земнаго первыми выходцами съ равнинъ Сенаарскихъ?

Имовѣрнѣе то стало намъ чрезъ священные оные Памятники; восемь оныхъ Триграмъ, или троесловій, знаковъ препростыхъ, но проявляющихъ намъ таинственные слѣды первобытныхъ преданій сей малой части на земной поверхности, вымышленныя чрезъ немногія столѣтія послѣ всемірнаго Потопа. Разсуждали мы съ тобою, какъ преданія сіи текли отъ рода въ родъ, начиная Фу-Гіемъ до Гоанг-Тіа, отъ Гоанг-Тія до великаго Юа; отъ Юа, до Тшеуской династіи, слѣдовательно и временъ Конфуціевыхъ.

Пойдемъ шагъ за шагомъ въ слѣдъ Китайцевъ. Видѣли мы ихъ сначала стоплляющимися подъ одного главнаго надъ собою, образующими народъ; потомъ видѣли же, какъ просвѣщалися подъ мудрымъ Законодавцемъ, который научалъ ихъ трудить я взаимными силами, взаимно доставлять другъ друга потребностьми къ благосостоянію, всѣми способами ко учиненію ихъ общежитія безпрерывнымъ навсегда; далъ имъ законы, установилъ обычаи, заставилъ ихъ упражняться въ наукахъ и художествахъ. Далѣе, видѣли мы Китайцевъ избирающими особыя мѣста, учреждающими обряды и чиноположенія разныхъ родовъ, во славу Шанг-Тію, въ честь горьнимъ Духамъ и добродѣтельнымъ Предкамъ.

Порукою за вѣрность нашихъ розысковъ, точность нашихъ примѣчаній, избрали мы книгу Ѵ-Кингъ, о содержаніи которыя упомянули мы сокращенно, заимствуяся толкованіями самыхъ искуснѣйшихъ мужей, современныхъ намъ, и постепенно даже до втораго-надесять столѣтія прежде воплощенія Христова, когда Овен Уангъ, и сынъ его Тшеу-Кунгъ, возобновили память вещей, почти уже загладившуюся и почти уже погасшую.

Послѣ Ѵ-Кинга снизошли мы къ Шу-Кингу, и какъ бы разнимая ее на части, заключили, что когда правила нравственныя и политическія, замыкающіяся въ ней; когда основанія наукъ и художествъ, ею возвѣщаемыя, были уже извѣстны во времена Яоты: то слѣдуетъ, что прежде Яоа Китайцы были народъ освѣдомленный о всемъ томъ, что нужно вѣдать человѣку, дабы быть ему полезну въ общежитіи. Хотя бы не имѣли мы иныхъ доводовъ к стори,

ріи, сказуемой намъ о законодательствѣ Гоанг-Тіа; о всѣхъ изобрѣтеніяхъ, ему присвояемыхъ: то, читая токмо Шу-Кингъ, увѣримся въ ономъ.

По Шу-Кингѣ занималися мы книгами одною за другою: Тшеу-Ліемъ, Ли-Кіемъ, Ше-Кингомъ и Тшун-Тсіэуэмъ. Онѣ казали намъ Китай нравственной и политической въ разныя времена. Также точно могли бы мы себя освѣдомить и о Физическомъ Китаѣ подъ различными воззрѣніями на сіе Государство и въ разныя же времена, естьли бы нѣсколько минутъ обратили мы на просмотреніе онаго Топографіи. Чего нами не учинено, то еще учинить можемъ, и не пошедъ вспять по слѣдамъ нашимъ. Единый ударъ очей [смотри на Рисунокъ двадесять девятой, тридесятой и тридесять первой] достаточно вразумитъ насъ о надлежащемъ до того. Двадесять девятой Рисунокъ предположитъ предъ насъ Имперію, раздѣленную великимъ Юемъ на девять Тшеуевъ. Самъ ли сочинялъ ее, или нѣкто изъ Императоровъ трехъ первыхъ династій, или еще новѣе подъ Гонами, или и еще послѣ; но то не сомнѣнно, что вмѣщаетъ въ себѣ все описыванное въ Шу-Кингѣ; всѣ труды великаго Юа на сей конецъ; болѣе же и вѣдать намъ не нужно. Видимъ, каковъ былъ Китай, когда начиналось сочиненіе книги Шу-Кинга.

Смотри, Рисунокъ тридесятой кажетъ намъ состояніе Китая подъ Императорами Тшеускаго поколѣнія, сирѣчь, когда раздѣленъ былъ на многія самодержавныя владѣнія, различными наименованіями, но зависящими отъ одного верьховнаго Государя. Какъ Владѣльцы данники долженствовали являться ко Двору послѣдняго въ реченныя времена, свидѣтельствовать ему свою зависимость; какъ учреждены обряды и обычаи, чрезъ

которые вразумлялися, что они суть, въ чемъ состояли ихъ обязанности при воспріятіи достоинствъ, данныхъ имъ; дабы всѣ совокупно могли быть наполнены благоговѣніемъ къ Сыну Неба; дабы могла вперяться въ нихъ любовь ко всякому благоустройству; дабы шли непреклонно по пути должности своей къ нему; чтобъ видѣли во всемъ величіе Императора и имперіи; предъ собравшимися ими всѣми пѣваемы были нарочно сочиненные стихи, сохраненные до нашихъ временъ въ Куэ-Фунгахъ и Ше-Кингѣ. Куэ-Фунги упоминаютъ о нравахъ и обычаяхъ трехнадесять царствъ.

Второй степени Вельможи, имѣвшіе за собою помѣстья, наставлялися инако; пѣсни, теперь сказанныя, не надлежали до нихъ непосредственно.

Таковая замѣта во времячисліи трехъ первыхъ столѣтій, подъ Императорами поколѣнія Тшеускаго, зовется замѣтою Ше-Кинга; въ оные-то дни Китайское Государство было въ самомъ наичистѣйшемъ сіяніи своемъ; тогда-то достигло до самой высоты славы; тогда-то наконецъ, зрѣлися нѣкоторые слѣды нравовъ Египтянъ, естьли вѣрить, что Египтяне просвѣтили Китай, дали ему бытіе политическое и общежительное подъ Тшеуями. Милостивый Государь! возъимѣвъ ты когда либо подъ руками переводъ книги Ше-Кинга, благоволи сличать нравы населявшихъ тринадесять царствъ, за три тысячи лѣтъ предъ симъ, съ нынѣшними Китайцами по разнымъ областямъ Имперіи сей.

Послѣ замѣты Ше-Кинговой грядетъ замѣта же Тшун-Тсіэусская, сирѣчь, когда восколебано было Госу-

Государство смятеніями; когда Князи данники начали свергать съ себя иго зависимости. Сею-то эпохою, или замѣтою во времячисліи, можно разумѣть скончаніе древняго Китая. Послѣдовавшее за тѣмъ не причиняетъ уже намъ затрудненій. [Смотри на Рисунокъ тридесять первой.] Льзя имѣть намъ нѣкоторое понятіе о положеніи четырехнадесяти царствъ, на которыя раздѣленъ сталъ Китай.

Дабы утвердить, сколько возможемъ, достовѣрность всѣхъ тѣхъ Памятниковъ, которые видѣли глаза наши, примыслимъ легчайшій способъ, то есть брать ихъ по нѣкоторому извѣстному числу рода, подходящаго подъ розыски наши и критику. Взяли мы солнечныя затмѣнія, о коихъ повѣствуютъ Шу-Кингъ, Ше-Кингъ и Тшун-Тсіэу; остонавливалися разсужденіемъ о взаимостояніи планетъ въ царствованіе Тшоан-Гіуа, какъ свидѣтельствуетъ Исторія; нашедъ истинну оныхъ, истинну, которую могутъ и другіе за нами повѣрить, вывели мы заключеніе, неподлежащее опроверженію отъ каждаго любителя чистой правды. Сказали мы, что писавшіе о сихъ взаимостояніяхъ планетъ, суть тѣ же самые ученые мужи древняго Китая, кои повѣствуютъ и объ иныхъ знаменитыхъ произшествіяхъ. Образъ преподаванія того и другаго, есть одинъ и тотъ же самый, сирѣчь простый, естественный, безпристрастный, чуждый предубѣжденія и предразсудковъ. По чему же бы осмѣлилися мы выговорить, что писали, не столь держася правды, первые противу послѣднихъ? По чему усомнимся объ искренности ихъ? Повѣствовали о вещахъ обычайныхъ въ теченіи природы, да и мы сами оное повѣряли. Не справедливы были бы мы, судя ихъ со строгостію ради сего токмо, что не всѣ описыванныя ими произшествія повѣрить мы въ силахъ.

Таковое разсужденіе, основательное само по себѣ, нашли мы неопровергаемымъ, увидѣвъ, что утверждается на толикомъ множествѣ мѣлкихъ опоръ, которыя совокупно составляютъ примѣченное нами прочное основаніе. Да и льзя ли сказать инако съ нами мыслящимъ, когда цѣлый народъ, трудившійся, какъ извѣстно намъ, для самаго токмо себя, не цѣля ни на какіе иные народы, отъ коихъ не требовалъ никогда одобренія учености своей, удостовѣряетъ насъ устами мудрыхъ своихъ мужей, что коренныя его книги и записки, послужившія къ составленію Исторіи, преходили въ теченіи двухъ тысячь лѣтъ чрезъ толикія и толь строгія разсмотренія, что выдавано въ свѣтъ; искушенное токмо таковыми розысками; что все прочее выдано за сомнительное, хотя и проявляетъ само по себѣ очевидную нравственную истинну, или, по меньшей мѣрѣ, сильное правдѣподобіе. Напослѣдокъ, отринута всякая смѣсь мрачностей, произшествія вымышленныя, или поврежденно писанныя, подробности баснословныя нѣкіихъ легковѣрныхъ и не довольно просвѣщенныхъ сочинителей, вкравшихся въ древнія книги по преданіямъ народнымъ безъ доказательствъ. Долженствуемъ вѣрить, повторяю, народу; развѣ обнажитъ кто намъ, что самъ онъ себя, безъ всякой впрочемъ пользы, обманывалъ, безъ всякой надежды снисканія славы, ниже прибытка.

Остановимся на семъ мѣстѣ, обратимъ вниманіе къ Памятнику, который, по видимому, замыкаетъ въ себѣ другіе всѣ, и котораго верьхъ хотя нѣсколько поврежденной ѣдкостію временъ, однако же столь взаимно соотвѣтствуетъ прочимъ своимъ частямъ; столь удобопознаваемъ, что совокупно съ прочими

прочими своими частьми составляетъ чудесную цѣлость крайняго совершенства въ родѣ своемъ. Подобнаго ему не находимъ во вселенной. . . . Такова есть Исторія Китайская: кореннымъ основаніемъ своимъ имѣетъ Кинги, или сочиненія Классическія, о коихъ недавно мы упоминали; опорами же несмѣтное множество иныхъ Памятниковъ, яко отрывки древнихъ книгъ и записокъ, ударяющіе на предметы познаній человѣческихъ во всѣхъ временахъ и вѣкахъ. Каждая изъ таковыхъ опоръ, признаюся, не поддерживаетъ сама собою Исторію, но на всѣхъ совокупно можетъ почить зданіе несравненно еще тягостнѣйшее. И тако, собирая все описанное до сожженія книгъ Тсин-Шен-Гоанг-Тіемъ, объ Астрономіи, Музыкѣ, Географіи, Политикѣ, Наукѣ Военной и Врачебной, о Прорицаніяхъ и различныхъ Художествахъ, найдемъ мы пособій болѣе, нежели нужно къ застроенію проломовъ древняго таковаго зданія; можемъ воздвигнуть вновь во всей цѣлости и по первобытному начертанію мысленное сіе древнее зданіе.

Въ отъискиваніи разкиданныхъ далеко одинъ отъ другаго отломкахъ таковаго зданія, истощали силы свои болѣе двухъ тысячь лѣтъ сряду ученые мужи просвѣщеннаго науками уже народа. Долженствовали прежде опознавать сіи обломки, послѣ утверждать достовѣрность ихъ, многоразлично сличать одни съ другими взаимно, и потомъ уже класть каждый отломокъ въ надлежащее ему мѣсто.

Сочиненіе безсмертное! начато по всеконечномъ истребленіи поколѣнія Тсин-Ше-Гоанг-Тіа, сирѣчь подъ владычествомъ Гановъ, коихъ преславный родоначальникъ покорилъ единовластію своему весь Китай

тай за двѣсти два года до рождества Христова, по одиннатцати лѣтахъ отъ сожженія книгъ.

Ліэу - Пангъ, инако же Ган - Тай - Тсу-Као - Гоанг-Ти, въ царствованіе свое успѣлъ токмо ободрить подданныхъ своихъ въ прилѣжаніи къ наукамъ, взыскивая отличностями успѣвающихъ въ оныхъ. Имѣлъ при Дворѣ своемъ нѣсколько мудрыхъ мужей, которые были его собственные и дѣтей его наставники; воздавалися имъ почести наровнѣ съ особами первой знатности; а сіе возродило науки, почти уже совсѣмъ истребившіяся между Китайцами. Но искры пламени, крыющагося подъ пепломъ чрезъ двадцать еще лѣтъ, и по томъ едва токмо сверкали. Во дни Уэн - Тіа при свѣтѣ ихъ можно уже стало различать во мракѣ предметы. Со временъ Уэн - Тіа по днесь пламя сіе увеличивается, бывъ поджигаемо удобосгараемыми вещами всякаго рода въ одно столѣтіе за другимъ. Наконецъ, при свѣтѣ отъ пламени сего простерлися взоры человѣковъ даже сквозь тьму самой далекой древности.

Первымъ Историкомъ, тщательно принявшимся составлять оную, былъ Сеэ Ма - Танъ, прославившійся науками, произшедшій отъ предковъ отмѣнныхъ достоинствъ. Имѣлъ сына, приносившаго ему подобно же честь: плодъ трудовъ своихъ издалъ подъ его именемъ. Когда успѣхи соотвѣтствовать начали воспитанію его; когда нашелъ сына въ силахъ продолжать начатое имъ сочиненіе, отпустилъ его странствовать по разнымъ областямъ, подъ названіемъ Царствъ при Тшеуяхъ; понеже имѣли особенныхъ своихъ самодержавныхъ Владѣльцовъ.

Сынъ

Сынъ Сее-Ма-Тана именовался Сее-Ма-Тсіенъ. Понялъ онъ въ точности намѣреніе отеческое: путешествовалъ вездѣ и всему научался; вездѣ спознавался съ учеными, вопрошалъ ихъ, требовалъ объясненій, рылся въ книгохранилищахъ ихъ, просилъ, чтобъ водили его къ любопытнымъ людямъ, хранящимъ какіе либо остатки, уцѣлѣвшіе отъ всесожженія книгъ, отъ опустошеній военныхъ и отъ ѣдкости временъ. Ничто, могшее способствовать ему въ сочиненіи общенародной Исторіи, не избѣгло отъ него. Таковыя странствованія повторялъ многажды; возвратился къ отцу и сообщилъ ему о сысканныхъ имъ познаніяхъ; но сей не воспользовался тѣмъ: ибо скоро послѣ того скончался. Сее-Ма-Тсіенъ, отческіе труды принявъ за основанія, началъ сочинять Исторію: срѣталъ трудности почти на всякомъ шагѣ.

Императоръ, поощряя его, пожаловалъ чиномъ Таи-Ше, или Великимъ Исторіографомъ Государственнымъ. Учинилъ болѣе: разослалъ велѣнія по всѣмъ городамъ обширнаго своего владычества, дабы отпускали къ нему всякія книги, всякія рукописи, могущія просвѣтить его. Сее-Ма-Тсіенъ удостоился особенной милости Государя; удостоился сыскать славу, каковой токмо можетъ пожелать мужъ ученый, продолжалъ безмятежно сочиненіе свое; но случаемъ незапнымъ принудился прервать оное.

Нѣкто изъ Государственныхъ Полководцевъ, оставя служеніе законному своему Самодержцу, предался Татарамъ, съ коими воевалъ тогда Китай. Императоръ, праведно прогнѣванный вѣроломствомъ подданнаго сего, осудилъ на смерть не токмо его, но и всѣхъ родственниковъ. Повелѣлъ строго изыскать,

кто имѣлъ съ нимъ какую либо связь. Сее-Ма-Тсіенъ былъ его другомъ. Представляется Государю; откровенно признаетъ себя таковымъ, когда всѣ и каждый славилися тѣмъ, что измѣнникъ имъ не знакомъ. Естьли бы Сее-Ма-Тсіенъ не учинилъ еще болѣе, всеконечно не принятъ бы былъ за злодѣя: отважился оправдывать друга; оправдывая же нарушилъ должное почтеніе Государю. Послѣдовалъ смертный ему приговоръ, и совершился бы, естьли бы весь Дворъ, всѣ превосходные ученостію мужи не подступили къ престолу съ прошеніемъ помилованія. И такъ не отнята жизнь у Сее-Ма-Тсіена, но велѣно было его оскопить: казнь, еще тогда не отмѣненная въ Китаѣ за нѣкоторыя извѣстныя уголовныя вины.

Государственный Историографъ, тако поруганный и изувѣченный, запертъ въ нѣкоемъ изъ Дворцовъ Императорскихъ; возбранено ему было всякое иное упражненіе, кромѣ только того, для котораго оставленъ жить на свѣтѣ. Присылки пособія къ Исторіи продолжались по прежнему; умилостивилось сердце Государя: возвращены ему чины и почести.

Народъ Китайскій между тѣмъ вообще нетерпѣливно ожидая Исторіи своей, не преставалъ требовать проявленія оной. Не нужно, говорили со всѣхъ сторонъ, чтобъ далъ онъ ее намъ въ послѣднемъ совершенствѣ; а только хотя сокращеніе Исторіи нашей; мы довольны. Бывъ убѣждаемъ всѣми Сее-Ма-Тсіенъ, издалъ наконецъ свой Ше-Ки, или всеобщую Исторію Китая, до временъ родоначальника Ганскаго поколѣнія; сказать же точнѣе, одинъ токмо остовъ Исторіи всеобщей, въ намѣреніи обложить его со временемъ

всѣми потребными придатками, дабы составилось цѣлое тѣло историческое. Недоставало ему еще многаго къ изслѣдованію, многаго къ вычисленію, многіе Памятники къ изобрѣтенію, записки къ сличенію, кажущееся противорѣчіями ко свѣренію, многія справки съ древними книгами. Должно ему еще было узнать безчисленное почти количество обычаевъ, и иныя статьи, которыя суть необходимые предметы Бытейскаго сказанія. Обязанъ ли бы былъ сочинять токмо простую повѣсть, легко бы успѣлъ; но надлежало находить истинны, обнажать ихъ, извлекать изъ тьмы лжей, заблужденій, писаннаго на удачу, обманчивыхъ правдѣподобій, которыя кажутся иногда истиннами и самымъ разборчивымъ умамъ. Потребно ему было долгое время, но нетерпѣливость общества нудила его издать труды свои. Преклонился удовлетворить желанію онаго: издалъ сочиненіе, каковое видимъ нынѣ. Источники, въ коихъ почерпалъ; книги и рукописи, доставленныя къ нему, положены на вѣчное храненіе въ Судилищѣ Историческомъ, коего онъ былъ глава. Самое сіе Судилище, обогащаемое столѣтіе за столѣтіемъ всѣми въ теченіи временъ обрѣтаемыми Памятниками, толкованіями ихъ отъ ученыхъ и трудами сихъ послѣднихъ, произвело наконецъ полную Китайскую Исторію, вообще и частно, на основаніяхъ различныхъ.

Хощешь ли, Милостивый Государь! по крайности вѣдать имена знатнѣйшихъ сочинителей, начиная Сее-Ма-Тсіеномъ, до владычествующаго нынѣ Императора Кіен Лонга: благоволи воззрѣть на таблицу тридесять вторую, тридесять третью и тридесять четвертую, и прочесть сочиненныя мною обьясненія. Увѣренъ я, согласно со мною заключишь, что Исторія,

 читан-

читанная, просматриванная, исправленная, толкованная, дополненная чрезъ столь многія столѣтія и столь преславными мужами, есть книга, заслуживающая совершенную довѣренность; достойная помѣщенія между прочими вселенскими Исторіями, превосходя оныя достовѣрностію своею.

Весьма знаю, что не всѣ и каждый такъ объ ней мыслитъ. Не утаевается отъ меня ниже одно, или почти ниже одно возраженіе, стремящееся уравнить Исторію Китайскую съ прочими Исторіями народовъ. Возраженія конечно не суть непреодолѣваемыя. Покажетъ то послѣдующее мое къ тебѣ слово.

На три части дѣлю я критиковъ Китайскихъ лѣтописей: къ первой сопричислю нѣкоторыхъ Христіанскихъ Проповѣдниковъ вѣры, которые, хотя бывъ довольно искусны въ языкѣ Китайскомъ, недостаточествовали однако же во многихъ пріобрѣтаемыхъ познаніяхъ, и въ тѣхъ необходимо нужныхъ способностяхъ, безъ которыхъ не могутъ обойтися здравомыслящіе критики. Ко второй, проповѣдниковъ же Христіанскихъ, инакаго рода, которые къ свѣденію языка пріобщаютъ глубокое и прилѣжное ученіе, а притомъ и имѣютъ качества, недостающія первымъ; но къ нещастію зараженныхъ умоначертаніями нелѣпыми, къ чему и припрягаютъ объясняемое ими; слѣдовательно отмещутъ все, не соотвѣтствующее ихъ умствованіямъ.

Сочиненія тѣхъ и другихъ, презрѣнныя предшественниками моими въ настоящемъ дѣлѣ, достигли Европы, нашли приверженцевъ, издававшихъ то лоскутками, которые тщетно усиливалися снискать общую довѣренность.

КЪ

Къ третьей части сопричисляю ученыхъ Европейцевъ, неразумѣющихъ Китайскаго языка, судящихъ же по однимъ переводамъ.

Такіе-то три рода критиковъ предпоставляютъ возраженія свои противу лѣтописей сего народа. Доказывая несправедливость всѣхъ, составилось бы сочиненіе неизмѣримаго пространства, а притомъ безъ всякой существенной пользы. По меньшей мѣрѣ, не того ты требуешь Милостивый Государь! желательно тебѣ прочести отвѣты основательные и удовлетворительные на записки Господина Гиня, особы, предпочтительнѣйшей предъ всѣми иными въ Европѣ, могущей разсуждать благоразумно о надлежащемъ до Китая. Вотъ мои предѣлы, которые и не преступлю, отвѣтствуя на критическій розыскъ Китайскихъ лѣтописей, или на записки о неизвѣстности дванадесяти первыхъ столѣтій лѣточисленія Китайскаго, сочиненныя Господиномъ Гинемъ.

1. Господинъ Гинь находитъ, что двенатцать первыхъ столѣтій Китайскихъ не столь пространно списаны, какъ столѣтія послѣдующія. Таковыми же нахожу и я. Исторія Китайская съ сей стороны уподобляется всѣмъ прочимъ народнымъ Исторіямъ, въ коихъ не дополняются баснями неизвѣстныя творцамъ оныхъ мѣста во времена мрачной древности. А сіе неравенство произшествій заставляетъ думать полезно сочинителямъ; заставляетъ вѣрить немногому повѣствованію ихъ о первыхъ двѣнатцати столѣтіяхъ. Естьли въ немногихъ словахъ сочинителя Китайской Исторіи обрѣтаю я освѣдомленіе о богослуженіи, нравахъ, законахъ, обычаяхъ, обрядахъ, правилахъ правительства и общенароднаго благочинія, еще младенчествующихъ: естьли по немногимъ его

словамъ могу заключать и заключать съ очевидностію, что Китайцы въ самыя отдаленныя времена имѣли судилищи, имѣли ратниковъ къ удержанію въ порядкѣ внутренности страны своея, къ защищенію оной извнѣ; имѣли способныхъ людей писать Исторію; мудрыхъ наставниковъ жительствовать; Математиковъ и Астрономовъ къ вычисленію затмѣній солнечныхъ и къ разозначенію годовыхъ временъ; художниковъ и ремесленниковъ для всего нужнаго и пріятнаго человѣку: чего же еще желать мнѣ болѣе? Описанія, кучею наваленныя однѣ на другихъ, произшествій общихъ всѣмъ народамъ, обычайныхъ во всякія времена; подробности побоищъ и тому подобное, всеконечно не учинили бы меня болѣе знающимъ. Такія подробности не совсѣмъ однако же не имѣютъ мѣста въ двенатцати первыхъ столѣтіяхъ; но срѣтаются, когда нужно объяснять оными какіе либо случаи знаменитые. Что я говорю правду, могу подтвердить сотнями примѣровъ; но сіе заведетъ меня далеко. Прочти, Милостивый Государь! Шу-Кингъ, и будешь моего мнѣнія. Прошу тебя, взгляни на сочиненное мною, касательно до лѣточислительной таблицы Императора Кіен - Лонга.

2. Г. Гинь сомнѣвается о солнечномъ затмѣніи, явствуемомъ въ Шу - Кингѣ, и говоритъ:..... Разсуждая по неутвердительности и мрачнымъ выраженіямъ, не льзя основаться въ установленіи эпохи, или времячисленной замѣты; не каждый Астрономъ согласится съ нимъ. Но понеже упоминалъ я о затмѣніи семъ, пріурочилъ достовѣрно существованіе его точно во время, назначаемое Шу - Кингомъ, то и не скажу болѣе ни слова. Прибавлю токмо нѣчто для успокоенія Господина Гиня, относительно къ Астрономамъ Гіевымъ и

и Гоевымъ, на которыхъ чудится онъ взирая, наблюдающими небо въ теченіи династіи Гасэвой, и на наказуемыхъ чрезъ двѣсти по томъ лѣтъ, при ИмператорѢ Тшун Кангѣ, за неисправность своихъ наблюденій.

Сомнѣніе писателя сего подобно сомнѣнію же Китайца, которой бы говорилъ : . . . . . „Во Французскихъ „вашихъ книгахъ читалъ я, что нѣкто Биньонъ „пріемлется превосходнѣйшаго разума человѣкомъ между современниками въ царствованіе Генриха IV; „что по справедливости Великій сей Государь „опредѣлилъ его къ сыну и наслѣднику своему въ число „ближнихъ благородныхъ отроковъ; что Биньонъ „вѣжливостію, непринужденными и осанистыми „поступками, достохвальными качествами ума и „сердца заставилъ любить себя и чтить всѣхъ придворныхъ; что былъ онъ попремѣнно главный „Стряпчій въ великомъ Государственномъ Совѣтѣ, „Думнымъ Дворяниномъ; главнымъ же Стряпчимъ въ „Парламентѣ Парижскомъ; а въ тысяча шесть сотъ „сорокъ второмъ году увидѣли уже его Книгохранителемъ Королевскимъ. Читалъ я въ вашихъ же „Французскихъ книгахъ, что до тысяча шесть сотъ „девяноста девятаго года, Людовикъ XIV „убѣдилъ Кассинія прибыть къ себѣ, и удостоилъ его званія Астронома своего. Еще я читалъ „въ вашихъ же книгахъ, что въ тысяча семь сотъ „семьдесятъ третьемъ другой Баньонъ, Книгохранитель Короля нашего, имѣлъ честь казать книги „Королевскія нѣкоторой Великой Государынѣ, завлеченной къ нему любопытствомъ видѣть сіе обильное ваше собраніе учености. Читалъ же я, что не „за долго прежде, или скоро послѣ, Кассиній въ присутствіи самаго Короля, или, чтобъ не обмануться мнѣ,

„ мнѣ, во Дворцѣ его, наблюдалъ солнечное затмѣніе....
„ Не понимаю, какъ все сіе произходило. „

Господинъ Гинь не замѣшается въ отвѣтѣ Китайцу сему, и разрѣшитъ недоумѣніе его. Его въ семъ случаѣ словами отвѣчаю самому ему въ разсужденіи Астрономовъ Гіевыхъ и Гоевыхъ.

3. Гинь является мыслящимъ, что Китайскіе ученые люди отмещутъ, яко баснословіе, всѣ царствованія до Яоа и Шуна..... Не сомнѣвается никто, вѣщаетъ онъ, что дѣйствительно царствовали Яо и Шунъ; что со временъ Государя сего (вѣроятно Яоа) Исторія Китайская начинаетъ быть истинною.

Но ученые Китайцы никогда не разумѣли баснословными царствованія Фу-Гіево, Гоанг-Тіево и преемниковъ ихъ даже до Яоа; ниже одинъ не сомнѣвался, чтобъ Фу-Ги не былъ основатель, а Гоанг-Ти законодавецъ монархіи Китайской. Правда, многіе изъ нихъ не согласны между собою въ пріурочиваніи времени, когда точно жили сіи Государи, паче же Фу-Ги, за недостаткомъ неподвижныхъ эпохъ, по коимъ бы льзя имъ было расположить круголѣтія; по мѣрѣ же, какъ находимы стали отрывки древнихъ книгъ, Памятники, каменосѣчныя надписи; по мѣрѣ, какъ навыкли соображать разныя таковыя книги съ науками и художествами, оставшимися послѣ гоненія Тсин-Ше-Гоанг-Тіа; по мѣрѣ, какъ усовершенствовалося ученіе; по мѣрѣ, сказать кратко, умножающагося просвѣщенія, умножающагося же обилія въ пособіяхъ, возмогли, явилися способны установить, естьли не съ самою крайнею точностію, то немногими годами послѣ, или прежде, истинное основаніе монархіи Фу-Гіемъ; а еще того вѣрнѣе, законодательство Гоанг-Тіа.

4.

4. Не вѣдаю, на что опираяся Господинъ Гинь, удостовѣряетъ, что первые и самые знаменитѣйшіе Историки, Сее-Ма-Тсіенъ, Пан-Ку и еще нѣкоторые, восходятъ токмо до временъ Яоэвыхъ. Разкроемъ книгу Ше-Ки, сочиненную Сее-Ма-Тсіеномъ; собственные наши глаза увидятъ, что начинается оная Гоанг-Тіемъ. Таи-Ше-Кунгъ (почетное имя Сее-Ма-Тсіена), по свидѣтельству Тшанг-Шеуа, Сее-Ма-Тшенга и Пеи-Vна, толкователей Ше-Кіа, начинаетъ сію книгу Гоанг-Тіемъ; по томъ простирается далѣе о Као-Янгѣ, Као-Синѣ, Танг-Яоѣ, Ю-Шунѣ; династіяхъ: Гіаевой, Vновой, Тшеуской, Тсиновой, Гановой, даже до четвертаго лѣта Тіен-Ганъ, сирѣчь чрезъ двѣ тысячи четыре ста тритцать лѣтъ(*).

Къ уваженію вычета таковаго надобно вѣдать: 1) четвертое изъ годовъ, нарицаемыхъ Тіен-Ганъ, есть сорокъ четвертое владычества Императора У-Тіа; что сорокъ четвертое сіе лѣто въ точности соотвѣтствуетъ девяносто седьмому до Христа. И такъ когда пріобщимъ девяносто семь лѣтъ къ двумъ тысячамъ четыремъ стамъ тремнадесяти годамъ, выдетъ валовый щетъ въ двухъ тысячахъ пяти стахъ десяти годахъ, по свидѣтельству Сее-Ма-Тсіена, протекшихъ отъ Гоанг-Тіа до начатка Христіанскаго лѣточисленія.

Надобно вѣдать: 2) выводимое Сее-Ма-Тсіеномъ есть не что иное, какъ почти основывающееся на сихъ славахъ Монг-Тсея: . . Со временъ Яоэвыхъ

(*) Текстъ ссылки сей Монг-Тсея, и слѣдующія затѣмъ Китайскія буквы въ рукописи, присланныя въ Пекинъ.

и Шуновыхъ до Танга, родоначальника династіи Шанговъ, протекло болѣе пяти сотъ лѣтъ; отъ Танга до Уен-Уанга, отца У-Уанга, родоначальника же династіи Тшеускія, протекло болѣе пяти сотъ лѣтъ; отъ Уен-Уанга до Кунг-Тсея болѣе пяти сотъ лѣтъ.

Не нужно замѣчать, что таковые вычеты имѣютъ опорою своею только слова, ни чего точно не утверждающія, одного изъ нравоучителей; слѣдовательно и суть вычеты, на которыхъ полагаться не можно. Однако же подобнымъ сему вычетомъ, частію послѣ сожженія книгъ отъ Тсин-Ше-Гоанга, первые ученые люди, и самъ Сее-Ма-Тсіенъ, установили лѣточисленный порядокъ царствованія древнихъ Государей.

Свидѣтельство Монг-Тсеа хотя не довольно важно, однако не льзя же и совсѣмъ отметать оное. Слова его надлежитъ принимать по вѣсу ихъ, разумѣть въ прямомъ ихъ смыслѣ, сличать съ прочими Памятниками: то и послужатъ обьясненіемъ, или подтвержденіемъ пишемаго. Можно, на примѣръ, дать болѣе вѣса троекратно повтореннымъ отъ него словамъ, *пяти сотъ лѣтъ и болѣе.* Можетъ быть чрезъ то освѣдомляетъ насъ, что таковы бывали Эпохи, или замѣты во времячисліи. Можно чрезъ соединеніе его Шуна съ Яоэмъ понимать, что счисленіе свое начинаетъ отъ того года, какъ Шунъ и Яо начинали царствовать совокупно; а сіе производитъ уже разности семьдесятъ два года, между начатками царствованія же одного Яоа, совоцарившаго себѣ Шуна, чрезъ семьдесятъ два года послѣ.

Надоб-

Надобно вѣдать 3), что Сее-Ма Тсіенъ, исчисляя лѣта древнихъ царствованій, полагаетъ токмо *около*. Самъ онъ такъ изъясняется въ одномъ изъ предсловій своихъ; да хотя бы и молчалъ, то каждый внимательный читатель заключитъ оное очевидно по разположенію частей Исторіи его, по образу, какъ онъ всякую изъ нихъ сочинялъ. Скажу нѣчто, дабы было вразумительнѣе.

Сее-Ма-Тсіенъ начинаетъ сочиненіе Ше-Кіа весьма краткою повѣстью, весьма вскользь упоминая о пяти Шіяхъ, которые суть, по мнѣнію его, Гоанг-Ти, Тшоан-Гіу, Ти-Ку, Яо и Шунъ. Первую сію часть Исторіи своей зоветъ У-Ти-Пен-Ки, сирѣчь повѣсть особенная о пяти превосходнѣйшихъ Императорахъ. Да и есть то первое отдѣленіе первой же части, состоящей въ двенатцати отдѣленіяхъ, въ коихъ вмѣщаетъ всѣ царствованія отъ Гоанг-Тіа до четвертаго лѣта, нарицаемаго Тіен-Ганъ, при владычествѣ Императора У-Тіа, подъ коимъ и сочинялъ Исторію свою. Первая часть состоитъ въ двенатцати Пен-Кіяхъ, или повѣстяхъ частныхъ: подражательно говоритъ онъ двенатцати лунным коловращеніямъ, составляющимъ простый годъ. Къ сей части Исторіи своей, которая есть повѣствовательная, пріобщаетъ другую лѣточисленную, именуя Ніен-Піао, какъ бы кто хотѣлъ сказать, образъ совоспослѣдованія годовъ; дѣлитъ на десять перемычекъ, подражательно Канг-Эуямъ: сильному и слабому, совершенному и несовершенному, четкѣ и нечеткѣ; словомъ, Уну и Янгу. Гаданіе по числамъ, основывающееся на У-Кингѣ, означаетъ число сіе десятидневное.

За десятью Ніен-Піао, или отдѣленіями лѣточисленными, полагаетъ Па-Шу, или восемь новыхъ

отдѣленій о разныхъ весьма содержаніяхъ, которыя суть обычаи вообще. Люи, или способы имѣть въ порядкѣ музыку, правительство, обряды и чиноположенія, Астрономію, жертвоприношенія, горы, рѣки, мѣры и вѣсы; такія восемь отдѣленій въ Исторіи его соотвѣтствуютъ осьми же великимъ Тсіе-Кіамъ, раздѣляющимъ каждой годъ. Чрезъ Тсіе-Кіи разумѣетъ онъ два солнечные поворота; два равноденствія и четыре годовыя времена.

Далѣе поступаетъ къ родословіямъ, нарицая то Ше-Кіа, или родословныя повѣсти данниковъ государства, самодержавныхъ Владѣтелей особыхъ областей. Таковыхъ повѣстей числомъ тридесять: соотвѣтственно, говоритъ Сее-Ма-Тсіенъ, тридесяти днямъ луннаго коловращенія.

Напослѣдокъ оканчиваетъ сочиненіе седьмьюдесятьми похвалами великихъ мужей, подъ названіемъ Тси-Ше-Ліе-Тшо, подражательно Гингу; Гингъ же есть дополненіе года астрологическаго, именуемаго Суи, въ трехъ стахъ шестидесяти дняхъ. Но подражательно Гингу, должно бы было Сее-Ма-Тсіену сочинить семьдесятъ двѣ похвалы; ибо Гингъ состоитъ изъ семидесяти двухъ Геуэвъ; Геу же въ пяти дняхъ. Число семьдесятъ два, умноженное пятью, производитъ три ста шестьдесятъ; а семьдесятъ, умноженное пятью же, три ста пятьдесятъ. Но съ намѣреніемъ и послѣ глубокихъ размышленій, поставилъ онъ число семьдесятъ числомъ своимъ послѣднимъ. Надобно ему было сто тридесять отдѣленій для цѣлаго своего Ше-Кіа; однако къ лучшему бы соотвѣтствованію частямъ года, должно бы ему было оставить въ запасѣ нѣсколь-

сколько числъ для дополненія полныхъ коловращеній луны. . . . (Слова одного изъ толкователей Ше-Кіа.)

Не для чего замѣчать тебѣ, Милостивый Государь, что Историку, полагающему таковыя преграды самому себѣ, не легко сводить пишемыя имъ истинны съ системою своею. Сверьхъ изрядства въ подобномъ расположеніи содержаній, выходитъ нѣчто уничижительное для важности Исторіи.

Все, что я доселѣ ни сказалъ, конечно было не съ тѣмъ, дабы критиковать мнѣ главу Историка Китайскаго, а только хотѣлъ узнать вѣсъ сочиненія его, и представить тебѣ таковымъ, каковъ есть. Ученые Китайцы недавно пустили въ свѣтъ подъ именемъ самаго Императора новое изданіе Ше-Кіа, съ поправками, прибавленіями, примѣчаніями, учинившими книгу сію вдвое больше прежняго. Дадимъ здѣсь мѣсто прошенію ихъ къ Императору, чтобъ поправленной такимъ образомъ Ше-Ки позволилъ выдать подъ своимъ именемъ.

„Потомство превозноситъ великими похвалами „Сее-Ма-Тсіена: нарицаетъ его Праотцемъ писателей „(Пи-Тсу). Не намъ опровергать всеобщій гласъ на-„рода твоего; не намъ лишать его титла, коимъ поль-„зуется память его чрезъ толикія уже столѣтія, но „надобно воздавать должное истиннѣ: и тако скажемъ, „что Сее-Ма-Тсіенъ не всегда былъ безошибоченъ; не „рѣдко противорѣчилъ и самому себѣ. Жаркое его „умоноображеніе совлекало иногда его съ надлежащаго „пути. Увеличиваетъ похвальное, увеличиваетъ хуль-„ное, по пристрастію; касается иногда весьма слегка „нѣкоторымъ вещамъ, а о другихъ чрезмѣрно плодо-

„словитЪ. Сказать кратко, самЪ онЪ на разсужденія „свои о древности не всегда полагается. Кунг-Тсе „вѣщаетЪ: . . . НашелсЯ бы я вЪ силахЪ пріобщить нѣчто, „и нѣчто отмѣнить вЪ Исторіи, но не поступлю на сіе. „Опишу злое и благое, каковыми найду; отрину вся-„кіе предразсудки, буду описывать вещи сЪ точно-„стію искренно; крайнѣ буду воздерженЪ, естьли гдѣ „надобно судить предковЪ нашихЪ, и прочее.

„Сее-Ма-Тсіену совѣтовали бы мы воспользо-„ваться таковымЪ наставленіемЪ Кунг-Тсея. . . . „Высказать надобно все: Сее-Ма-ТсіенЪ жилЪ во вре-„мена при обстоятельствахЪ, когда не было возмож-„ности избѣгнуть отЪ погрѣшенія, коими укоряемЪ „его. . . . Доколѣ имѣлЪ вождемЪ своимЪ Тшун-Тсіеуа, „доколѣ могЪ почерпать вЪ книгахЪ: былЪ точенЪ; „но когда вЪ сихЪ пособіяхЪ возЪимѣлЪ недостатокЪ, „то да не удивляемся, что иногда скользилЪ.

„Полуученые, или лучше сказать невѣжды, ви-„нятЪ его лжами; ибо достохвальное токмо писалЪ „о династіи Гановой. Естьли бы злоязычники сіи „вѣдали о его нещастіяхЪ, вѣдали бы и то, что „страшно ему было прогнѣвить Императора У-Тіа, „подЪ владѣніемЪ котораго сочинялЪ онЪ Исторію. „КакЪ писать бы ему оскорбительно о предкахЪ сего „Государя безЪ подверженія себя гибели? Умалчивать „о злодѣяніяхЪ, упоминать о благодѣяніяхЪ коего „либо изЪ предковЪ нашихЪ, не есть ложь, а недо-„статокЪ истинны, лесть, притворство, боязнь, „и тому подобное.

„Мы же, не имѣя цѣлію, кромѣ истинны, во „всѣхЪ ученыхЪ нашихЪ упражненіяхЪ; мы, совер-

„ шенно вѣдая, что самъ ты Государь ищешь истиннъ „ между древнихъ Памятниковъ; что истинны суть „ наилучшее въ жизни услажденіе твое; мы, толико- „ кратно наставленные и наставляемые изъ устъ тво- „ ихъ; мы, которыхъ удостоиваешь ты приглашеніями „ вспомоществовать всѣми силами нашими ревности „ твоей, съ каковою трудишся о благѣ подданныхъ, „ о благѣ частномъ посвятившихъ дни свои наукамъ; „ мы тщательно разсматривали Ше-Ки, дополненія „ и толкованія онаго; сличали статьи съ статьями, „ содержанія съ содержаніями; сносили съ мѣстами, „ единогласящими прочихъ писателей, древнихъ и „ новыхъ; находя разности, добиралися до причинъ, „ произведшихъ разности сіи. Внутренно не рѣши- „ лись защищать, или опровергать что либо, развѣ „ бывъ заставляемы очевидностію; и тогда уже по- „ ступали на то, или другое. Но дабы оставить „ полную свободу читателямъ судить, прежде враз- „ умившися довольно, что судятъ они предлагае- „ мую имъ книгу Ше-Ки, какова была въ преж- „ нихъ до сего изданіяхъ; найдутъ въ ней такъ „ же точно сначала: 1) валовое содержаніе книги „ вкратцѣ; 2) Со-Ѵн-Сее Ма-Тшенговъ; 3) „ Ки-Ке-Пеи-Ѵновъ; 4) Тшенг-Ѵ, Тшанг-Шеуевъ, „ сирѣчь два толкованія, и по томъ выводимое заклю- „ ченіе. Примѣчанія наши означены двумя буквами „ Као-Тшенгъ. Найдутся ли погрѣшности въ трудѣ „ нашемъ, да исправятъ по насъ рождающіеся, подоб- „ но какъ исправляемъ мы погрѣшенія предковъ. „

Привожу я сіе въ показаніе, что равно неправы и презиравшіе и презирающіе, и чрезмѣрно высоко цѣнящіе сочиненіе сіе Сее-Ма-Тсіена. Пріемля за наилучшую исторію; ибо писана прежде всѣхъ иныхъ книгъ по извѣстномъ сожженіи, обманываются. Не-

Неимѣющіе почтенія къ сочиненію Сее-Ма-Тсіена и непризнающіе важнымъ, ибо имѣетъ погрѣшности, обманываются же. Исторія Сее-Ма-Тсіена есть то же самое, что и исторіи иныхъ народовъ. Есть мѣста изящныя, есть и плохія. Но какъ же разпознавать ихъ? Сколь многое читать должно, дабы понять токмо вещи, о коихъ сказуетъ! Жизни человѣческой, какъ бы была ни долговременна, недостанетъ къ тому; да и не одному человѣку поручилъ Императоръ все разсмотрѣть, все разобрать, все взвѣсить вѣсами истинны: сіе препоручилъ цѣлому обществу ученыхъ людей въ государствѣ. Невозможное частному человѣку учинилося возможнымъ множеству частныхъ человѣковъ.

Читая послѣднее изданіе Ши-Кіа, увидимъ, въ чемъ первый ея сочинитель и главнѣйшіе толкователи, даже до нашихъ дней, ошиблися въ разсужденіи временъ, мѣстъ, лицъ, обычаевъ и всего прочаго. Препровождаю къ тебѣ, Милостивый Государь, преизящное сіе сочиненіе. (дай прочести, естьли угодно тебѣ, Господину Гиню; можетъ, онъ досуги свои обратитъ на то и воспользуется.] Къ облегченію читателей и къ сокращенію времени, пріобщилъ я у каждаго тома на обоихъ языкахъ, Китайскомъ и Французскомъ, оглавленія содержаній. Должно вѣдать, что сочинители новаго Ше-Кіа не выдаютъ великую сію книгу за исторію полную государства Китайскаго отъ Фу-Гіа до Гана. Конецъ намѣренія ихъ есть токмо тотъ, чтобъ исправленъ былъ Ше-Ки во всѣхъ частяхъ своихъ.

5. Сказуемое Гинемъ есть праведно о Пан-Куѣ и нѣкоторыхъ другихъ, которые, стараяся составлять си-

систему лѣтосчисленную на возможностяхъ токмо Астрономическихъ, нашлися весьма далеко отъ истинны и возъимѣли разныя мнѣнія. Сіе утверждаетъ, что таковыя ихъ возможности не были одинаковы, или недоставало имъ точности, или наконецъ не довольно знали Астрономію. То же еще утверждаетъ, что всякая Астрономическая возможность, сколько бы ни основательная, не можетъ служить опорою лѣтосчисленію. Невтонъ, великій Невтонъ, симъ образомъ преткнулся. Истинное лѣтосчисленіе не вяжется ни съ какою системою. Можетъ иногда служить за основаніе нѣкіимъ системамъ; но никакая не можетъ быть ей основаніемъ прочнымъ. Происшествія, памятники, исторія, взаимо-соотвѣтствіе обстоятельствъ: вотъ самый нижній рядъ камней зданія лѣтосчисленнаго.

Доколѣ Китайцы употребляли Астрономовъ своихъ къ установленію порядка во временахъ исторіи, необходимо долженствовали не одинаково мыслить; ибо за недостаткомъ вѣрныхъ правилъ въ разозначеніяхъ эпохъ Астрономическихъ весьма далекой древности, Астрономы сіи или ихъ къ себѣ приближали, или отходили отъ нихъ далѣе, разсуждая по правиламъ, коихъ держалися въ вычетахъ своихъ. Но когда Историки явленія Астрономическія пріемлютъ происшествіями простыми, пріемлютъ ихъ, какъ и всякія иныя, запасами къ сочиненіямъ своимъ: то нечувствительно сближаются одни съ другими, а напослѣдокъ, по преодолѣніи трудностей и препятствъ, видятъ себя на одномъ пути. Паче же въ наши времяна ученые люди и упражняющіеся въ наукахъ, поощряются, заохочиваются, возбуждаются Великимъ Государемъ, для котораго не низко раз-

разумѣть себя сотоварищемъ ихъ, трудиться съ ними обще. Такъ соединяются познанія всѣхъ, получаютъ силу проникать посреди наигустѣйшихъ мраковъ самой ветхой древности, даже до шестьдесятъ перьваго лѣта царствованія Гоанг-Тіа, пріемлемаго ими первоначальною эпохою лѣточисленія ихъ. Шестьдесятъ первое лѣто царствованія Гоанг-Тіа, есть то же самое, что и двѣ тысячи шесть сотъ тритцать семь лѣтъ до воплощенія Христова. Начиная сею эпохою, шествуютъ они величественно равными шагами даже до настоящаго тысяча семь сотъ семьдесятъ пятаго года, и будутъ тако продолжать, доколѣ Китай не оскудѣетъ въ мужахъ, прилѣжащихъ къ наукамъ.

6. О родословіяхъ настоитъ также Г. Гинь, находя по справедливости многія безъ надлежащаго совоспослѣдованія. Но Китайцы сами, паче же почтеннѣйшіе изъ тѣхъ, кои старалися возстановить исторію по сожженіи книгъ, прежде его отзывались. Пан-Ку въ сочиненіи своемъ *Лу-Ли-Тше* пишетъ: ... „По пяти колѣнахъ послѣ Тшоан-Гіуа родился „Куенъ [отецъ Великаго Юа]. Упоминается о „немъ именно, ибо былъ употребляемъ на государ„ственныя служенія Яоемъ и Шуномъ. Прибавлю я къ „тому, что не были записываемы по порядку предки, „начиная Тшоан-Гіуемъ; ибо ничего достойнаго па„мяти не учинили для государства. Шунъ, продолжаетъ „Пан-Ку, также потомокъ Шоан-Гіуа въ шестомъ ко„лѣнѣ. Тоже читаемъ въ Со-Унѣ; а Мао-Хе гово„ритъ, что стороннія записки, по которымъ тру„дилися наполнять пустыя мѣста въ книгахъ, до„толѣ были неполны; всего же болѣе являлися не„достатки во многихъ родословіяхъ.„

Все

Все сіе доказываетъ мнѣ искренность Китайскихъ писателей и тщательное ихъ вниманіе, съ коимъ читали старинныя записки, каковыми находили, не смѣя ничего прибавить отъ себя. По тому-то еще наиболѣе вѣрю я ихъ родословіямъ. Господинъ Гинь издалъ онсе въ Шу-Кингѣ, переведенномъ отъ него по Французски и обнародованномъ; однако же предположу и я предъ глаза твои, Милостивый Государь! съ лучшею ясностію. Смотри доски, тридесять пятую, тридесять шестую, тридесять седмую, и тридесять осьмую.

7. „Династіи Гіаева и Шангова, по мнѣнію Ги-„ня, вмѣщаютъ царствованія многія, различно про-„должавшіяся; слѣдовательно и время всѣхъ сихъ „династій съ вѣрностію установить трудно.„ Такъ будетъ всегда, доколѣ Историки не единообразно начинаютъ и оканчиваютъ описывать каждое царствованіе порознь, и означать порядокъ лѣтъ по цѣлымъ династіямъ; на примѣръ, одни начинаютъ династію Гіаеву, коея основателемъ былъ Ю, тридесять вторымъ годомъ царствованія Шуна, сирѣчь когда онъ усотовариществованъ Яоемъ; другіе сорокъ осьмымъ, то есть годомъ смерти Шуна; третьи чрезъ три года и того послѣ, сирѣчь когда Ю согласился вступить на престолъ, сберегая оный одному изъ сыновей Шуна. Подобно же одни оканчиваютъ династію Шангову тридесять шестымъ лѣтомъ Кіе-Куеи, въ которое Тшенг-Тангъ, родоначальникъ второй династіи, убѣжденъ Вельможами и народомъ воцариться вмѣсто Государя, чудовища разпутства и лютости; другіе пятьдесятъ вторымъ годомъ владычества Куе-Куеіа; ибо тогда токмо Тшенг-Тангъ учинился прямымъ Владыкою Имперіи по кончинѣ послѣдняго Импе-

ратора изъ поколѣнія Шанговъ. Что же надлежитъ до междоцарствій, сіи начинаютъ численіе лѣтъ ранѣе, другіе позднѣе; ибо не сопричисляютъ къ тому трехлѣтняго времени всеобщаго сѣтованія для каждаго вновь возшедшаго на престолъ, въ честь памяти предшественника его. Есть и еще многіе другіе доводы, которые подобно объясняя, наскучимъ сами себѣ и читателямъ; да и вразумительны они токмо знающимъ совершенно Китайскую исторію. Тако разумѣю о всѣхъ династіяхъ вообще.

Способъ самый простый доказать истинну словъ моихъ, не читая древнюю Китайскую исторію, ниже толкованія и дополненія, оную объясняющія: что и не возможно Европейцу, неисходно провождающему жизнь въ отечествѣ своемъ. Способъ сей есть разсмотрѣть таблицу лѣточисленную нынѣ владѣющаго Императора. Прошу тебя, Милостивый Государь, принять на себя трудъ сей при досугахъ. Французскій мой переводъ страница противу страницы подлинника разноцвѣтныя краски, положенныя мною на каждомъ четвероугольникѣ сошнія двухъ царствъ въ одно время, истинное начало и конецъ всякой династіи, всякаго царствованія, подобно же разозначенныя мною отмѣнными красками, открываютъ предъ тобою справедливые источники мнимаго сего различія, находимаго между многими Китайскими лѣтосчислителями.

8. Паче всѣхъ иныхъ ополчается Г. Гинь на третію династію. Намѣреніе его видно, какъ ни скрываетъ, желается ему обрѣсти въ У-Уангѣ чужестраннаго завоевателя; въ Полководцахъ же его помогшихъ ему овладѣть Китаемъ, Полководцевъ Египетскихъ.

скихъ. Для сего-то частію тако изражается онъ:... ,,Великое число Полководцевъ, сопутствовавшихъ новому императору [У-Уану], раздѣлили по себѣ всѣ области, и учинилися зависящими отъ него владѣльцами самодержавными.,, Такъ точно поступили полководцы по кончинѣ Александра Великаго. Но воевавшіе подъ У-Уангомъ были совсѣмъ инаковы: одни и до того были уже Князьями, данниками Императора; содѣйствовали же ему сходственно съ Царями Греческими, составившими союзъ противу города Трои; другіе родственники, или подданные побѣдителя сего, получили отъ него въ награжденіе земли въ самодержавное владѣніе. Да прочтетъ Г. Гинь главу У-Тшангъ въ Шу-Кингѣ, изданномъ имъ самимъ; да прочтетъ же и Сее-Ма-Тсіена о началахъ разныхъ царствъ, о совоспослѣдованіи Царей, и всѣ тѣ нужныя подробности, чрезъ которыя частныя исторіи царствъ сихъ вяжутся со всеобщею Китайскою исторіею, хотя и входятъ въ оную косвенно токмо. Читать сочиненіе Сее-Ма-Тсіена, надобно читать оное все, дабы узнать пишимое имъ о какой либо особенной части Китая; на примѣръ, чтобъ получить совершенное понятіе о царствахъ, на которыя раздѣлялся Китай, или объ одномъ токмо изъ нихъ, должно читать 1.] двянадесять Пен-Кіевъ, или частныхъ исторій объ Императорахъ; инако же не льзя узнать о каждомъ особенно. 2] Десять Ніен-Пізоевъ, дабы узнать годы, мѣсяцы и числа, или, словомъ сказать, лѣточисленіе. 3] Тридесять Ше-Кіаевъ, дабы свѣдать исторію родословія правившихъ оныя Царей, и прочее. Прочитывая токмо Пен-Кіи, или Ніен-Пізои, или Ше-Кіаи, не иное что будутъ находить, какъ токмо утомляющее вниманіе, пропуски и отвратительную пустоту произшествій. Но естьли кто

 возметъ

возметъ терпѣніе выписывать изъ разныхъ сихъ частей надлежащее до желаемаго имъ царства, всеконечно снабдится давольными запасами къ достаточной объ немъ исторіи, да и не безъ подробностей.

Между царствами, о коихъ здѣсь слово, многія восходятъ въ древность весьма далѣе родоначальника династіи Тшеускія; многія же чрезъ долгое время послѣ. Нѣкоторыя мало продолжались; истребилися образами, описанными въ подробностяхъ исторіи Китайской; иныя завоеваны, или отняты насильственно отъ сосѣдей; иныя учинилися независимыми, и не восхотѣли никогда быть въ зависимости; не восхотѣли признавать Тіа, или Императора, владыкою своимъ. Все сіе зрится въ исторіи Китайской, съ означеніемъ годовъ, мѣсяцовъ и чиселъ, съ означеніемъ главнѣйшихъ обстоятельствъ. Исторія Китайская молчитъ о нѣкоторыхъ разныхъ царствахъ, не сопринадлежащихъ къ составу имперіи или по тому, что были уже истреблены, или по тому, что свергнули сами съ себя законное иго и подчинилися какой нибудь чужестранной державѣ. Къ таковымъ царствамъ не касается Китайская исторія; естьли же и упоминаетъ гдѣ либо, то точно такъ, какъ о народахъ сосѣдственныхъ, относительно до Китая. Вотъ истинная причина, или одна изъ причинъ молчанія исторіи о нѣкіихъ царствахъ. Промежутки сіи однако же можно наполнить, внимательно прочитывая всю исторію съ начала и до конца; ибо недостающее въ одномъ мѣстѣ поставлено въ другомъ къ слову. Признаемся, что исторія Китайская не легко вразумительна желающему знать ее основательно отъ самаго начала. Наука то претрудная и для самихъ Китайцевъ; что же для чужеземца, который едва

токмо

токмо можетъ нѣмотствовать по дѣтски языкомъ Китайскимъ; который разбираетъ буквы ихъ ощупью; который никогда не сравнится, какъ бы ни прилѣжалъ и сколько бы ни долговременно, ниже съ получеными сего народа? Не проникнетъ совершенно въ иносказанія, намеканія, различныя образы израженія, обычаи, нравы, роды письмоводствъ и предразсудковъ. Должно вѣдать предразсудки народа, дабы разумѣть говоримое и пишемое имъ во многихъ случаяхъ. Не могу удержаться и не укорять Г. Гиня, что не подумалъ онъ прежде, нежели началъ заимствоваться сочиненіемъ Iезуита Премора, о первыхъ столѣтіяхъ Китайской исторіи. Правда, сказалъ онъ нѣгдѣ, что Преморъ имѣлъ цѣлію уважать нѣкоторую странную систему, къ которой припрягалъ онъ все; но того не довольно, а надлежало бы положить ему въ заглавіи книги, толико важной, какова Шу-Кингъ, сыски сего Iезуита о временахъ, предшествовавшихъ сочиненію Шу-Кинга; и конечно бы нашелъ, что сіи сыски сомнительны, что творцами ихъ были по большей части безславные писатели, подозрительные или и презрѣнные въ народѣ. Надлежало бы ему пріобщить, что Преморъ хотя искусный Грамматикъ, хотя довольно свѣдущій, сколько можетъ быть свѣдущъ Европеецъ языкъ Китайскій; но которой не воспомнилъ тогда о стихѣ Горація: . . . Quid valeant humeri, quid ferre recusent. — Принявшися преподавать то, къ чему необходимо нужны познанія, не поверьхностныя токмо. Великое множество ссылокъ, въ разсужденіи временъ, предшествовавшихъ Шу-Кингу, коимъ преисполнена книга сія, приведетъ въ недоумѣніе обычайнаго читателя; но человѣкъ степени учености Г. Гиня единымъ ударомъ очей долженъ разпознать, что два, или три мѣлкіе сочинители составили сіи ссыл-

ссылки. Долженъ онъ увидѣть, что никакъ не можно получить точнаго понятія о первой части Китайской исторіи изъ сочиненія Премора. Но можно цѣнить драмматическихъ стихотвореній знатнѣйшихъ нашихъ творцевъ по непристойнымъ преображеніямъ оныхъ, каковыя иногда у насъ выходятъ на свѣтъ. Писанное Преморомъ осуждено къ вѣчному забвенію: не избавили отъ того труды его усердствовавшіе къ нему въ Парижѣ и Пекинѣ; да и не достойны помѣщаться въ числѣ полезныхъ сочиненій.

9. Остается сказать мнѣ одно слово о разныхъ таблицахъ, которыя сличая Г. Гинь, доказываетъ несходство между Китайскихъ лѣтописцевъ. Въ примѣръ приводитъ только четырехъ, а могъ бы приводить не только сорокъ, но и четыре ста. Предпріемлющій сличать сочинителей, долженъ, наблюдая по крайней мѣрѣ благопристойность, избирать такихъ сочинителей, которые равно уважаются. Сличать лѣточисленныя таблицы Тсу-Шуэвы, Ма-Туан-Линовы и подобныхъ имъ, съ Кан-Муэвыми просмотренными и свѣренными Кингами отъ мужей первыя степени учености, есть сравненіе золота съ свинцомъ.

Тсу-Шу извѣстенъ сталъ въ Европѣ чрезъ хитрость нѣкоторыхъ нашихъ проповѣдниковъ, которые, находя виды свои повредить истинну въ начаткахъ исторіи и лѣточисленіяхъ Китайскихъ, дабы установить нѣкоторую собственную ихъ Систему, всячески постарались на меньшей конецъ вмѣстить Тсу-Шу посреди памятниковъ Китайскія учености. Тсу-Шу есть книга ничего незначущая: весьма немногіе читаютъ ее и въ Пекинѣ; но и для того

толь-

только, чтобъ вычернивать ее изъ росписи полезныхъ книгъ, и чтобъ можно было сказать: мы ее читали. Брошена бы была и забыта по самомъ найденіи своемъ въ нѣкоторой развалившейся отъ ветхости гробницѣ, естьли бы тогда царствовавшій Государь не имѣлъ собственноличной пользы пустить ее на свѣтъ. Сей великій Государь былъ У-Ти, первый Императоръ изъ Тсиновъ западныхъ, возведенный на престолъ двѣсти шестьдесятъ пятаго года по рождествѣ Христовѣ. Повелѣлъ онъ ученымъ людямъ пользоваться, какъ могутъ, кучею дщицъ, составляющихъ книгу сію, наполненныхъ различными знаками, или буквами.

Ученые люди, чая обрѣсти что либо нужное къ свѣденію, повиновалися волѣ У-Тіа; стали съ ревностію разбирать сіи знаки, частію до половины сгладившіеся уже, другою поврежденные отъ времени; а всѣ совокупно нашли неясными. Изображены они были почеркомъ Ко-Теу-Уенъ, сирѣчь буквами, похожими на мѣлкихъ лягушекъ, или водяныхъ саламандровъ: образъ письма самаго стариннаго. Вышло нѣчто похожее на лѣтопись, почти вездѣ невѣрную, несогласную съ достовѣрными памятниками, особливо же съ Кингами, кои суть книги священныя Китайцевъ. Торжественнымъ они приговоромъ заключили, что Тсу-Шу не только сочиненіе безполезное, но и могущее неискусныхъ людей вводить въ заблужденіе.

У-Ти, на сіе не взирая, принудилъ ихъ поправить сію книгу и издать; дополнить недостающіе смыслы; словомъ, составилася книга и проявлена съ обрядами, достойными Покровителя своего.

Но не такова уже нынѣ, каковою издана была тогда. Столѣтіе за столѣтіемъ поправлялась вновь, дабы меньше ей быть плохою. Изъ почтенія къ древности токмо ея, касающейся временъ Тшеуевъ, то есть далѣе сожженія книгъ, сохраняютъ ее; однако же презираема для того не меньше.

Ма-Туан-Линъ и иные сочинители лѣточисленныхъ таблицъ, разнящихся съ тѣми, которыя единогласно приняты учеными Китайцами, подобно же не заслуживаютъ уваженія иностранцевъ, просвѣщенныхъ науками. Сказывалъ уже я тому причины, но повторю и теперь. Вопервыхъ, Европеецъ, сколько бы ни былъ ученъ, не въ состояніи судить о доводахъ, утверждающихъ и опровергающихъ оное; не въ состояніи цѣнить и прикидывать, такъ сказать, на вѣсы критическія. Вовторыхъ, предубѣжденія владѣютъ большею частію человѣковъ, когда великое число просвѣщенныхъ ученіемъ подпираютъ мнѣніе безпримѣтнаго пристрастія, паче одно, нежели другое противное. Пріобщаю къ тому: такое предубѣжденіе становится сильнѣе и пріемлетъ видъ нравственной истины, когда множество ученыхъ людей единогласно что либо утверждаютъ; когда составляютъ они собою знаменитыя училища, уважаемыя въ государствѣ; училища, въ которыя Членами пріемлются токмо мужи отличныхъ свѣдѣній; мужи, ознаменовавшіеся уже сочиненіями; мужи, единымъ словомъ, въ почтеніи у самаго Государя своего.

Положимъ, что Государь, нынѣ царствующій [illegible] надъ народомъ самымъ просвѣщеннымъ въ Европѣ, возшедъ на престолъ, принялъ бы за главное свое попеченіе, чтобъ сочинена была наилучшимъ образомъ

разумъ Французская Исторія, или бы усовершенствована сочиненная уже до него. Повелѣлъ бы онъ Сорбонской Академіи разсмотрѣть и очистить все надлежащее до Христіянской вѣры; Академіи Надписей учинить розыскъ о всѣхъ памятникахъ, и сличить оные съ рукописьми старинными; Академіи Наукъ тщательно вникнуть во все надлежащее же до наукъ и художествъ; Французской Академіи наконецъ выбрать лучшихъ писателей, исправить слоги, дабы сходствовали съ лучшимъ новѣйшимъ слогомъ. Такая Исторія, тако исправленная, прибавленная, усовершенствованная, на самомъ дѣлѣ была издана четырьмя упомянутыми Академіями, подъ покровительствомъ Французскаго Короля, и принята съ общимъ удовольствіемъ.

Ты, Милостивый Государь! благодѣянія къ благодѣяніямъ прилагая, прислалъ ко мнѣ напечатанную уже сію Исторію. Скоро послѣ того нѣкоторые ученые Китайцы, посѣтивъ меня, вопрошали о новизнахъ изъ моего отечества. „Вотъ одна, отвѣчалъ я „имъ, указавъ на книгу. Сіе есть Французская наша „Исторія, недавно вышедшая изъ тисненія; должно „признаться, что она полна. Лѣточисленный спи„сокъ именъ Государей нашихъ явствуется въ ней, „начиная Кловисомъ до Лудовика XVI. Найти въ „ней можно все относительное къ вѣрѣ Христі„янской, законамъ, нравамъ, обычаямъ, завоева„ніямъ, наукамъ и художествамъ предковъ нашихъ. „Кажется, что не имѣетъ ни малѣйшаго каковаго „либо недостатка. Со всемъ тѣмъ не могу умолчать, „что во многомъ противорѣчитъ Григорію Турскому, „Гайлану, Мезерею, Даніилу и многимъ другимъ „писателямъ, стариннымъ и новѣйшимъ. Стану я не„спѣшно сличать „..... Гости мои, не давъ мнѣ

 гово-

говоришь далѣе, вопросили:....„ Развѣ сочинители „сей Исторiи не читывали никогда Григорiя Турскаго, „Гайлона и прочихъ Историковъ? .... Не льзя въ томъ „сомнѣваться; но не нарушая моего почтенiя, хочу „свѣрять ихъ трудъ съ оными, и искать, не имѣли „ли основательныхъ причинъ разногласить съ помянутыми Историками.„ Китайцы посмотрѣли другъ на друга, и помолчавъ нѣсколько, паче другихъ со мною дружный, зная, что никакая истинна не оскорбляетъ меня, произнесъ:.....„ Предпрiемлешь ты „то же самое, что нѣкоторые изъ нашихъ полу„ученыхъ, не имѣя у себя книгъ классическихъ, ниже „другихъ пособiй просвѣтиться, однако же хотятъ „быть судiями книгъ, сочиненныхъ цѣлыми Собра„нiями знаменитыхъ мужей въ учености. Имѣешь „ли ты всѣ рукописи, всѣ памятники, всѣ книги, „перебывавшiя въ рукахъ Академиковъ Парижскихъ? „Есть ли у тебя на жалованьѣ способные переписчики, „которые бы могли объяснять, разбирать, очищать „все то, что ты разсматривать намѣреваешься? Из„вѣстны ли тебѣ источники, въ коихъ тебѣ нужное „почерпать будетъ надобно? Достанетъ ли тебѣ „времени ходить черпать изъ нихъ, для наполненiя „малаго твоего водоема? Повѣрь мнѣ, когда Француз„ская сiя Исторiя, сказываешь ты, не давно обнаро„дованная, есть плодъ трудовъ Собранiя ученнѣйшихъ „вашихъ мужей, то не можешь лучше поступить, „какъ согласоваться съ ними. Трудилися, по словамъ „твоимъ, пятьдесятъ лѣтъ, развѣ для того только, „чтобъ насказать потомству тьму лжей и заблуж„денiй, и чтобъ стать предметомъ презрѣнiя со„отечниковъ своихъ въ роды и роды?„

Окончаваю, мысленно проходя писанное мною досюдѣ, и потомъ заключаю

I)

1) Китайскія лѣтописи паче достойны уваженія, нежели памятники историческіе всѣхъ иныхъ народовъ; бывъ болѣе очищены отъ басней, бывъ древнѣе оныхъ, лучше совоспослѣдуются, обильнѣе произшествіями, и прочее.

2) Заслуживаютъ полную довѣренность; ибо эпохи, или замѣты времячисленныя, установляются наблюденіями Астрономическими; ибо сіи Астрономическія наблюденія совокупно съ памятниками всякаго рода, коими изобилуютъ, взаимно доказуются; взаимно служатъ однѣ другимъ опорами; взаимно обнаруживаютъ искренность писателей, соблюдшихъ все оное даже до временъ нашихъ, и прочее.

3) Достойны вниманія всѣхъ ученыхъ людей; ибо помоществуютъ имъ благонадежно достигать до временъ, въ которыя вновь населился кругъ земный, яко-то чрезъ шестидесятигодовыя круголѣтія свои, недавно расположенныя круголѣтіями тройными, коихъ первобытная эпоха есть за двѣ тысячи шесть сотъ тритцать семь лѣтъ до Рождества; въ шестидесятое же лѣто царствованія Гоанг-Тіа родословія первыхъ Китайскихъ Государей, проявляющія сами собою истинну въ небольшихъ пропускахъ, которые по днесь никто еще не посмѣлъ наполнить; таблицы лѣточисленныя, показующія съ крайнею вѣрностію совоспослѣдованіе безпрерывное Китайскихъ Государей чрезъ четыре тысячи лѣтъ, и прочее.

4) Лѣтописи сіи суть ученыя сочиненія, коихъ важнѣе и древнѣе нѣтъ нигдѣ; ибо нѣтъ на поверхности земной народа, въ которомъ бы лѣтописи сочинялися чрезъ осьмнатцать столѣтій сряду, и бы-

ли безпрестанно разсматриваемы, поправляемы, прибавляемы, по мѣрѣ новыхъ изобрѣтеній, Собраніями множества ученыхъ мужей, съ воли и одобренія Правительства, снабденными всякими возможными пособіями.

Заключительно скажу: ополчалися противу лѣтописей Китайскихъ одни, такъ назвать, ябеднически; другіе, неосновательное имѣя о нихъ понятіе, судили по показаніямъ постороннимъ; третьи немногіе, дабы на развалинахъ сихъ лѣтописей соорудить имъ собственныя свои системы; прочій же весь остатокъ, дабы имѣть удовольствіе противорѣчить, понижая славу народа, чрезмѣрно, какъ имъ мечталось, хвалимаго, и прочее.

Ты, Милостивый Государь! самъ собою извлечешь еще иныя многія заключенія, о которыхъ я напомянуть тебѣ не смѣю. Острота и безошибочность ума твоего, твое безпристрастіе, обѣщаваютъ мнѣ праведное твое сужденіе, котораго и ожидаю, дабы сообразоваться оному со всею возможною послушливостію и чистосердечіемъ.

Станется, что въ толикомъ числѣ вещей, о коихъ я съ тобою изъяснялся, приняты мною были нѣкоторыя въ неточномъ ихъ видѣ; что, бесѣдуя столь откровенно съ тобою, выговорилъ слова не къ стати и не къ мѣсту: таковыя мои погрѣшенія и всякаго инаго рода, учиненныя мною безъ намѣренія, по единой неосмотрительности, прости мнѣ великодушно. Возражая противу мнѣній, которыя казалися мнѣ заблуждательными, не мыслилъ я никого оскорблять. Защищая казавшееся мнѣ истиннами, стараяся

рался только угодить любителямъ оныхъ. Предпринялъ труды, предвидя, что будутъ долговременны скучны и тягостны; одну только имѣлъ я цѣль: явиться полезнымъ; не отвращиваяся препятствіями, которыя преодолѣвать мнѣ надлежало; вооружаясь бодростію, усиліями и терпѣніемъ, исторгалъ я терніе, срѣтаемое мною одно за другимъ почти на всякомъ шагѣ Единою моею опорою была надежда, что подамъ опыты несомнѣнные тебѣ глубокаго моего высокопочитанія, съ которымъ есмь,

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!
Вашъ всепокорный и всепослушный слуга
АМІОТЪ, бывшій Iезуитъ

Въ Пекинѣ, Сентября 15 дня,
1775 года, въ четвертое лѣто
царствованія Кіен-Лонга.

Приписка: Забылъ просить прощенія у тебя, что въ семъ посланіи моемъ къ тебѣ есть строки черненныя, есть мѣста замаранныя, особливо подъ конецъ. Кому переписывать на бѣло, я не имѣю; самому же мнѣ то дѣлать нѣтъ досуговъ. Еще возобновляю прозьбу мою: отмѣни, Милостивый Государь, и выбрось, что тебѣ за благо разсудится. Я писалъ открытою душею, какъ бы имѣлъ честь говорить съ тобою на единѣ, въ совершенной вѣрѣ, что могу высказывать все, не оставляя непріятныхъ слѣдовъ. Въ проповѣди, или всякомъ иномъ поучительномъ словѣ, болѣе бы былъ остороженъ.

Не могъ лишить удовольствія ученаго моего Китайца, и не дать ему собственноручно здѣсь означить главные источники, въ которыхъ мы съ нимъ

р.

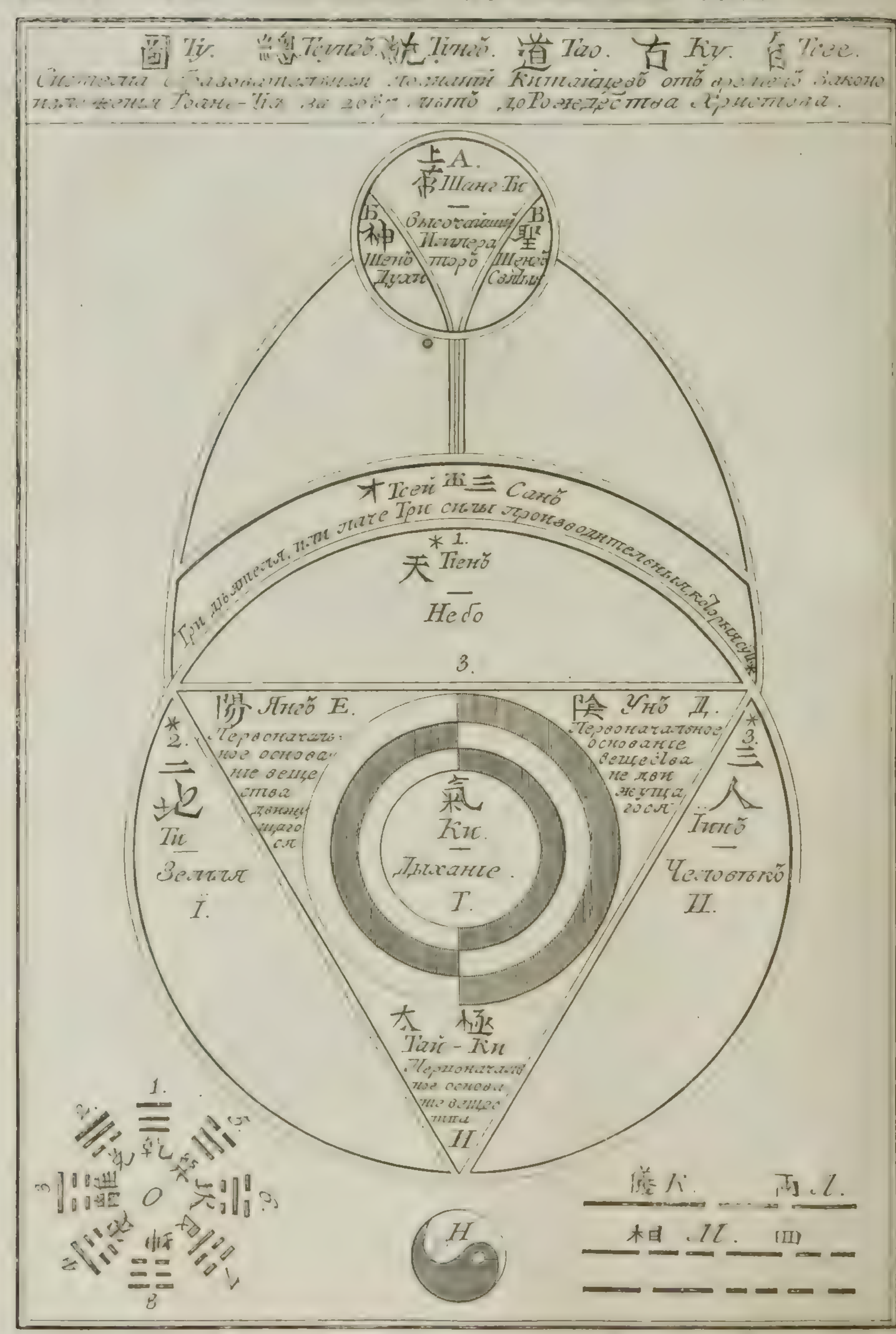
почерпали донесенное тебѣ о соотечественникахъ его. . . „ Не безполезно сіе (слова его), естьли со „ временемъ нѣкій знаменитый Вельможа неоцѣненныя „ твоей отчизны , столь же просвѣщенный , и такъ „ же любящій Китай , какъ знаменитая дѣловая осо- „ ба, съ которою ты въ перепискѣ , похощетъ об- „ стоятельнѣйшихъ обьясненій въ разсужденіи книгъ, „ нами съ тобою читанныхъ: можетъ онъ именовать „ каждую , изражаяся , какъ изражаемся мы, съ тѣми, „ съ коими вопрошаться будетъ. „ Могъ бы еще Китаецъ мой прибавить , что не лишнія бы были и для Господина Гкня таковыя справки , въ ожиданіи лучшихъ.

Источники вышесказанные суть:

Тсинг - Тинг - Ше - Ки , Сан - Ивен - Кіа - Тсеэ, Таи - Тсинг - Тсуэн - Шу , Шу - Ше - Тунг - Као , Канг - Му - Сан - Піэнъ, Канг - Кіэн - Та - Тсуэнъ, Ліэу - Кинг - Ту - Шуэ , Тшун - Тсіэу - Кинг - Кіэ , Шенг - Мен - Ли - Ю - Тунгъ , Синг - Ли - Тсинг - Ѵ , Ку - Ше, Тсанг - Шу, и прочее.

Теперь слѣдуетъ толкованіе буквъ Китайскихъ:

Книги, заимствованныя нами, суть самыя достопочтеннѣйшія въ Китайской Имперіи , сочиненныя , или просматриванныя Членами Ган - Лина и другихъ ученыхъ Собраній, по особому велѣнію Императора, слѣдовательно заслуживающія полную довѣренность, яко не вмѣщая въ себѣ ничего инаго , кромѣ разсматриваннаго съ крайнимъ тщаніемъ мужами первѣйшей учености.

圖 Ту. 道 Тао. 古 Ку.
上帝 А. Шанг Ти
Высочайшій Императоръ
Б. 神 Шенъ Духъ
В. 聖 Шенъ Святый
才 Тсей 三 Санъ
Три силы производительныя
天 Тіенъ
Небо
3.
陽 Янъ Е.
陰 Унъ Д.
Первоначальное основаніе вещества не движущагося
氣 Ки.
Дыханіе.
Т.
二 地 Ти
Земля
I.
三 人
Человѣкъ
II.
太 極 Тай - Ки
乾
О
Н

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ и ТАБЛИЦЪ.

Рисунокъ второй.

Рисунокъ сей именуется Система иносказательная познаній Китайцевъ. Изобразилъ я здѣсь въ точности, каковъ есть, дабы представлялъ совокупно твердыя и истинныя свои основанія, на коихъ почіетъ чистое ученіе древнихъ; и Системы же злочестивыя и глупыя равно новѣйшихъ Философовъ, паче же временъ Сунговыхъ (въ девятое, десятое и первоенадесять столѣтіе по рождествѣ Христовѣ).

Имѣя тѣ и другія подъ глазами, легко можно понять, коимъ образомъ народъ, столь мудрый впрочемъ, завлеченъ въ заблужденіе толико глупое и толико противное истиннамъ, коихъ научали основатели Китая и оныхъ праотцы.

Прежде всѣхъ тако заблудили мнимые Философы, напыщенные суемудріемъ своимъ. Восхотѣли стать превыше первобытной простоты предковъ; восхотѣли доказывать все, все толковать непостигаемое ими. Удалилися отъ пути, указуемаго имъ здравымъ разумомъ и собственною ихъ совѣстію; низринулися въ бездну лжей и призраковъ. Нашли удивляющихся себѣ, возъимѣли учениковъ, дали нагибъ образу мыслей народа; а народъ не остерегся, и попустилъ себя развратить. Но тѣмъ не былъ еще доволенъ: избралъ ихъ наставниками своими; и по днесь мыслитъ, какъ они мыслить его заставили. Посмотримъ въ валовомъ семъ чертежѣ, какъ мнимые сіи Философы начали разрушать чистое ученіе древнихъ.

Кругъ А, который какъ бы вѣнецъ въ чертежѣ семъ, есть по толкованію древнихъ слабое таинственное изображеніе Шанг-Тіа, или всевышняго Обладателя. Двѣ части сего чертежа, Б и В, въ кругѣ, означаютъ мѣста водворенія Шеновъ и Шенговъ, сирѣчь духовъ высочайшихъ всякаго рода и душъ добродѣтельныхъ людей, предстоящихъ лицу Шанг-Тіа, помощію котораго Таи-Ки, или первобытное начало вещества, или первобытное вещество, приведено въ движеніе и произвело два начала, содѣйствующія Унъ и Янгъ, которые прешли одинъ за другимъ попремѣнно изъ состоянія неключимости въ коловращеніе, изъ состоянія мертваго въ состояніе жизненное и совершенное. Таи-Ки совокупно съ ними учинился первобытнымъ источникомъ Физическимъ и всеобщимъ всѣхъ бытствующихъ тѣлесъ во вселенной источникомъ; который однако же самъ собою ничего не производитъ, естьли Ки, или вдохновеніе всемогущаго Шанг-Тіа, не сообщаетъ ему безпрерывно производительныя силы, съ помощію коея учиняется плодоноснымъ.

Тотъ же самый Ки, или вдохновеніе всемогущее Шанг-Тіа, даровало бытіе Сан Тсаіямъ, сирѣчь тремъ Дѣятелямъ въ превосходствѣ, или инако, тремъ Силамъ производительнымъ, изъ коихъ первая, З, есть Небо вещественное, нарицаемое также Тіэнъ; вторая I, Земля, зовется Ти; третія И, Человѣкъ, по Китайски именуется Унъ. Истолкую подобно ученіе, замыкающееся подъ Сан-Тсаіами, въ слѣдующихъ Рисункахъ, гдѣ предложу, что разумѣютъ Китайцы чрезъ каждый Тсаи въ особенности. Поступимъ далѣе толковать валовый чертежъ.

За произведеніемъ трехъ дѣятелей въ превосходствѣ и всего отъ нихъ зависимаго, всего имъ подчиненнаго, проявился Мужъ святый [Шенг-Ўинъ], сирѣчь Фу-Ги, который, объясняя всевысочайшее ученіе Шанг-Тіа и дѣйствія естества, употребилъ два первобытныя правила [Леанг-Ў], или двѣ черты И-Ки, одна цѣлая, другая ломаная; изъ нихъ составилъ четыре взаимственныя [Сеэ-Тсіангъ], сирѣчь чертежъ первой, что есть ничто иное, какъ разныя изображенія двухъ чертъ, цѣлой и ломаной. Черты сіи сначала отродили каждая подобную себѣ, а обѣ совокупно четыре черты взаимственныя, или, какъ зовется инако, четыре образа; ибо каждая изображаетъ нѣчто особливое.

Сими четырьмя изображеніями составились восемь висящихъ знаковъ [Па-Коа], сирѣчь восемь Триграммъ, или проесловій, въ которыхъ таинственно разумѣются буквы и науки, и все позволенное понимать человѣку.

„Два первобытныя основанія, четыре взаим„ственныя, восемь Триграммъ, показаны Мужу свя„тому на тѣлѣ таинственнаго животнаго, земно„воднаго, частію подобнаго коню, другою же дракону. „Небеса извели сего коня-дракона изъ нѣдръ рѣки Го-„Шуи [нынѣ зовомой Гоанг-Го, или желтой рѣки]; „раскрылось понятіе Фу-Гіа. Шанг-Ти даровалъ ему „разумѣть всѣ чудеса, замыкающіяся въ удивитель„ныхъ таковыхъ знакахъ, дабы могъ объяснить оныя „народу, коимъ избранъ править и научать оный.

Фу-Ги, пользуяся сими знаками, составилъ способъ ученія; съ помощію того не только возможно ему стало, но и легко сообщать другимъ собствен-

ныя свои понятія. Способъ сей состоялъ въ различной принаровкѣ осьми Триграммъ, или троесловій, которыя располагалъ такъ, чтобъ число почерковъ каждаго знака было попремѣнно четкою и нечеткою, и каждый бы одинъ къ другому обращался лицемъ. Истолкую оное пространнѣе, пиша о Y - Кингѣ.

Таковый есть коренный разумъ первобытнаго и первоначальнаго ученія древнихъ Китайцевъ. Да разсматриваютъ безъ предубѣжденія исторію ихъ и Кинги, и найдутъ сказуемое здѣсь мною. Тщаніями Господина Гиня можетъ нынѣ каждый читать книгу Шу-Кингъ; естьли же бы принялъ онъ на себя трудъ преложить на Французскій языкъ и другія Кинги, то вся бы Франція приведена была въ состояніе разумѣть древнюю Китайскую ученость. Въ ожиданіи того, дополню таковый недостатокъ толкованіями достопочтенныхъ сихъ памятниковъ. Предварительно надлежитъ вѣдать, какъ новѣйшіе Китайцы, пріемля преподаемое симъ ученіемъ, повредили образъ толкованія онаго; присвоили веществу силу и дѣйствія, не данныя ему. Не постигая естества Кіа, означаемаго изображеніемъ Г, которое есть не что иное, какъ всемогущее вдохновеніе Шанг-Тіа, нѣкогда древними называнное Таи-Ки, или великое Начало, смѣшали съ первобытнымъ же воздухомъ, подвергли дѣятельности слѣпой другаго нѣкоего Таи-Кіа, принявъ за вещество первобытное и сѣмя всѣхъ веществъ возможныхъ.

Въ сходственность глупаго таковаго умоначертанія, изрекли они Таи-Ки, или первое вещественное Начало, Н, приведенное въ движеніе Ліемъ, или внутреннею его силою; разкрылось и произвело два

вторыя Начала, Унъ и Янгъ, Д и Е, которыя средоточіемъ своимъ имѣютъ Ки, или воздухъ первобытный, Г. Сей Тан-Ки, съ двумя вторыми Началами, своими содѣйственниками, приведенные въ движеніе Ліемъ, или таковою внутреннею ихъ силою, которая общая есть съ нимъ совокупно, произвели по безчисленномъ множествѣ превращеній, по неисчетныхъ прехожденіяхъ изъ состоянія неключимаго въ двигающееся, изъ состоянія мертваго въ жизненное и совершенное; произвели, повторяю, наконецъ Сан-Тсаи, или трехъ Дѣятелей въ превосходствѣ, Небо, Землю и Человѣка, а съ ними вмѣстѣ и все извѣстное намъ въ природѣ. Впрочемъ, изражаются они сходственно съ древними; и тако, когда упоминаютъ о Сан-Тсаіахъ, или трехъ всеобщихъ Дѣятеляхъ, Небѣ, Землѣ и Человѣкѣ, слѣдуютъ предписанному правилу, которое предложу въ Рисункахъ и Таблицахъ послѣдующихъ.

Таблица третія.

НЕБО.

Единая изЪ СилЪ производительныхЪ и подчиненныхЪ.

1. НЕБО. . . . . . .
2. ТРИ СВѢТЛОСТИ.
3. СОЛНЦЕ. . . .
   - 4. ГодЪ.
   - 5. Лунныя коловращенія.
   - 6. День.
   - 7. ЧасЪ.
   - 8. КругЪ Зодіаческій.
   - 9. ЭкваторЪ, или черта равноденственная.
   - 10. Четыре годовыя времена.
   - 11. Круголѣтіе.
   - 12. Двадесять четыре Тсіе-Кін.
   - 13. Дванадесять КунговЪ.
   - 14. Десять КановЪ.
   - 15. Дванадесять ТшеевЪ.
16. ЛУНА. . . . . .
   - 17. Новая луна.
   - 18. Полная луна.
   - 19. УщербЪ луны.
   - 20. ИсходЪ луны.
   - 21. Третіянадесять луна.
   - 22. Большая, малая луна.
   - 23. Затмѣніе солнечное.
   - 24. Затмѣніе лунное.
25. ЗВѢЗДЫ . . . .
   - 26. Мѣра Сѣверная.
   - 27. Мѣра Южная.
   - 28. Пять планетЪ.
   - 29. Двадесять восемь созвѣздій.

Таблица третія.

Рисунокъ сей вмѣщаетъ въ себѣ сокращенно все разумѣваемое Китайцами древними и новѣйшими подъ словомъ Тіенъ, или небо, яко о первомъ Тсаіѣ, или дѣятелѣ всеобщемъ. О Тіенѣ, или небѣ, такъ понимаютъ.

Таи-Ки, Унъ и Янгъ, бывъ приведены въ движеніе Кіемъ, сирѣчь вдохновеніемъ всемогущимъ Шанг-Тіа, какъ утверждали древніе, или Ліемъ, сирѣчь внутреннею силою, замыкающеюся въ Кіѣ, или воздухѣ первобытномъ, по умствованію новѣйшихъ Китайцевъ прешли отъ покоя въ движеніе, отъ движенія къ покою. Частицы вещества, безпорядочно смѣшенныя, или обхваченныя однѣ другими, вмѣщавшіяся въ Таи-Кіѣ и двухъ онаго соначалахъ, развернулись; развернувшися тѣ, которыя были одного рода, взаимно соединились и образовали пять стихій, огнь, землю, воду, лѣса и металлы: частицы тончайшія, слѣдовательно и легче прочихъ; поднялися на высоту и составили звѣздное небо, или [1] Тіенъ; три рода свѣтилъ, [2], Сан-Коангъ, солнце, луну и звѣзды. Подъ зависимостію солнца годъ [4], называнный въ разныя времена разными же именами.

Начиная шестьдесятъ первымъ годомъ царствованія Гоанг-Тіа, до послѣдняго года же царствованія Ти-Куя, изключительно, то есть отъ 2637 по 2367 прежде рожденія Христова, годы нарицалися Ніенъ; отъ 2366, перваго лѣта царствованія Ти-Шея, по 2206, или девятоенадесять лѣто усотоваришествованія Великаго Юа отъ Шуня, Тсаи. Отъ 2205, перваго лѣта единоначальствія Юева, по 1784, тридесять пятое

лѣто царствованія Кіе-Куэіа, послѣдняго Императора Гіаэвой династіи, назывались годы Суи; съ 1783 [разумѣется здѣсь до рождества Христова], когда Тшинг-Тангъ, Царь Шанскій, призванъ былъ править имперіею, хотя еще живъ былъ Кіэ-Куэи, по двадесять первое лѣто царствованія Тшеу-Сина, послѣдняго Императора династіи Шанговой, или инаго, годы, въ которые Князи и Вельможи упросили У-Уанга, Царя Тшеускаго, владычествовать надъ Китаемъ, годы проименованы Сіэ. Чрезъ одно послѣ того лѣто У-Уангъ признанъ былъ, хотя еще и не всенародно, Императоромъ, и годы по прежнему стали называть Ніенъ, какъ бывало во времена Гоанг-Тіа. Причины толикихъ перемѣнъ въ названіи годовъ не извѣстны. Нахожу токмо догадки, не довлѣтворящія любопытство, и замолчу о томъ. Развѣ скажу, что буква Ніенъ значитъ премѣну въ правительствѣ полную; Сеэ значитъ приносить жертву и совершать обряды въ честь Духовъ. Суи есть имя планеты, которую мы называемъ Юпитеромъ. Тсаи означаетъ что либо полное, не имѣющее недостатковъ.

Доказано первою главою Шу-Кинга, что во времена Яоа знали уже Китайцы годы Іуліанскіе, въ трехъ стахъ шестидесяти пяти суткахъ съ одною четвертью; что чрезъ каждые три года надлежало прибавлять день въ годъ четвертый, дабы былъ онъ въ трехъ стахъ шестидесяти шести суткахъ.

Во всѣ времена Китайцы начинали Астрономическіе годы съ зимняго поворота солнца; точку же поворота сего называли Тсеэ, или начатокъ круголѣтія; годы же гражданскіе начинались у нихъ не одинаково, по волѣ Императоровъ. Гоанг-Ти, и чрезъ

всю

всю династію Гіаэву; годы гражданскіе начинались въ третію луну послѣ зимняго поворота солнца, когда сіе небесное свѣтило вступаетъ въ знакъ Зодіаческій Рыбъ. Въ теченіи династіи Шанговой, во вторую луну послѣ того же поворота, когда солнце вступаетъ въ знакъ Водолива, Тшускаго поколѣнія Императоры восхотѣли считать гражданскіе годы отъ самой точки зимняго поворота, то есть когда вступаетъ сіе свѣтило въ Зодіаческій знакъ Козерога.

Во всѣ времена Китайцы составляли годы свои нѣкоторымъ извѣстнымъ числомъ лунныхъ коловращеній [5]. Двенатцать таковыхъ коловращеній завсегда составляли у нихъ простый годъ, тринатцать же высокосный. Дни бѣга луны считали отъ соединенія свѣтила сего съ солнцемъ, до другаго перваго по томъ таковаго же соединенія; но какъ не выходилъ равный счетъ дней всѣхъ и каждаго мѣсяца, то одни полагали въ дватцати девяти, другіе же въ тритцати дняхъ. Сутки [6] завсегда же дѣлилися ими на равныя части, крупныя и мѣлкія; обычайно же на двенатцать часовъ, означаемыхъ названіями двенатцати первыхъ буквъ шестидесяти втораго круголѣтія; или именами двенатцати животныхъ. Сутки начинались въ самое то мгновеніе, когда оканчивалися минувшія. Дни слыли у нихъ по буквамъ круголѣтія. Кажется, что первое употребленіе круголѣтій выдумано ими для означенія дней: по крайней мѣрѣ такъ стоитъ въ древнихъ ихъ книгахъ.

Часы [7] раздѣляются у Китайцевъ на двѣ равныя части, каждая въ четырехъ часахъ. Во второй такой части начинаютъ вести щетъ часамъ отъ од-

одной полуночи до другой. Тсеэ, первая буква кругоъѣтія, означаетъ вообще первый часъ; но прибавляютъ еще буквы Тшу и Тшенгъ, въ установленіи первыя и вторыя части часа Тсеэ. Когда говорятъ Тсеэ-Тшу, разумѣютъ чрезъ то одиннатцать часовъ по полудни; когда же Тсеэ-Тшенгъ, то полночь, и прочее. Подобно же означаютъ каждую изъ обѣихъ частей и иныхъ часовъ, пріобщая къ буквѣ кругоъѣтія одинъ Тшу, или одинъ же Тшенгъ.

Путь солнечный извѣстенъ былъ Китайцамъ со временъ незапоминаемыхъ; умѣли всегда различать эклиптику съ экваторомъ, или удаленія солнца отъ равноденственной черты съ самою сею чертою. Первую именуя Гоанг-Тао, или путь желтый, [8], вторую Тше-Тао, или черта равноденственная, вѣдали впрочемъ, что сія послѣдняя равно отстоитъ отъ обоихъ краеточій вселенскихъ; что дни бываютъ равны съ ночами, когда солнце въ оную вступаетъ и на ней задерживается [9].

Хотя Китайцы искони гражданскіе свои годы считали числомъ лунныхъ коловращеній, потребныхъ къ наполненію промежутка сего въ теченіи времени; но и раздѣляли же оные на четыре почти равныя части, именуя вообще Сеэ-Ше, или четыре годовыя времена [10]. Каждое годовое время дѣлили на три части: начало, средину и конецъ, сирѣчь по одному лунному коловращенію на каждую изъ трехъ сихъ частей.

Круголѣтіе [11], которое принаровляли къ годамъ, луннымъ коловращеніямъ, днямъ и часамъ, никогда не принаровливали къ четыремъ временамъ года. Сверьхъ

Сверьхъ раздѣленія годовъ на четыре годовыя времена, раздѣляли же на двадцать четыре равныя части, которыя суть точки, когда солнце, протекая Зодіаческій кругъ, преходитъ чрезъ знаки онаго. Точки сіи именуются ими Тсіэ - Ки [12]; каждый Тсіэ-Ки содержитъ сообразно нашему исчисленію пятнадцать степеней образомъ слѣдующимъ:

1. *Ли*-Тшунъ, начало весны, подъ пятнатцатою степенью Зодіаческаго знака Водолива, подъ тридесятымъ же окончавается сіе начало.

2. Ю Шуи, дождевая вода, начинается подъ первою степенью знака Рыбъ, окончавается подъ пятоюнадесять.

3. Кинг-Ше, оживленіе пресмыкающихся; начало тому подъ пятоюнадесять степенью Рыбъ, окончаніе же подъ тридесятою.

4. Тшун - Фенъ, равноденствіе вешнее, или средина весны, отъ первой по пятуюнадесять степень Овна.

5. Тсинг-Мингъ, ясное небо безъ облаковъ, начинается подъ пятоюнадесять, кончится же подъ тридесятою степенью Зодіаческаго знака Овна.

6. Ку Ю, дождь для хлѣбовъ, начинается первою, длится по пятуюнадесять степень Тельца.

7. *Ли*-Гіа, начало лѣта, отъ пятойнадесять по тридесятую того же знака.

8. Сіао-Манъ, растенія прибываютъ въ высоту и начинаютъ толстѣть. Сіе время считаютъ Китайцы отъ первой по пятуюнадесять степень Близнецовъ.

9. Манг-Тшунгъ, скорый побѣгъ растеній, отъ пятойнадесять по тритцатую степень того же знака.

10. Гіа-Тше, лѣтній поворотъ солнца, подобный Тсіэ-Кію, отъ первой по пятуюнадесять степень Рака.

11. Сіао-Шу, малые жары, отъ пятойнадесять по тридесятую Рака.

12. Та-Шу, великіе жары, отъ первой по пятуюнадесять Льва.

13. Ли-Тсіэу, начало осени, отъ пятойнадесять по тридесятую Льва.

14. Тшу-Шу, уменьшаются жары, отъ первой по пятуюнадесять Дѣвы.

15. Пе-Лу, бѣлая роса, отъ пятойнадесять до тридесятой Дѣвы.

16. Тсіэу-Фэнъ, осеннее равноденствіе, или средина осени, отъ первой по пятуюнадесять Вѣсовъ.

17. Ган-Лу, холодная роса, отъ пятойнадесять по тридесятую Вѣсовъ.

18. Шоанг-Тіангъ, туманы опускаются, отъ первой по пятуюнадесять Скорпіона.

19. *Ли*-Тунгъ, начало зимы, отъ пятойнадесять по тридесятую Скорпіона.

20. Сіао-Гіуэ, малые снѣга, отъ первой по пятуюнадесять Стрѣльца.

21. Та-Гіуэ, великіе снѣга, отъ пятойнадесять до тритцатой того же знака.

22. Тунг-Ше, зимній поворотъ солнца, подобно Тсіэ-Кію; отъ первой по пятуюнадесять Козерога.

23. Сіао-Ганъ, малая стужа, отъ пятойнадесять по тридесятую того же знака.

24. Та-Ганъ, великія стужи, отъ перваго по пятуюнадесять Водолива.

Сіи-то суть двадесять четыре части, на которыя Китайцы отъ временъ незапоминаемыхъ дѣлятъ годы, сирѣчь двадесять-четыре-кратно по пятнатцати степеней: выходитъ валовый щетъ въ трехъ стахъ шестидесяти степеняхъ нами нарицаемаго круга Зодіаческаго. Установили они двенатцать знаковъ, или домовъ, чрезъ кои проходитъ солнце въ теченіи двенатцати мѣсяцовъ. Каждый такій знакъ, или домъ, занимаетъ на кругѣ семъ тридесять степеней. Домы небесные, по Китайски Кунгъ. Наложили имъ имена легкія, для памяти первыхъ двенатцати буквъ круголѣтія; на примѣръ говорятъ они: ... Солнце вступаетъ въ Тсеэ-Кунгъ, Мао-Кунгъ и такъ далѣе [13].

Круголѣтіе и буквы, означающія части его, завсегда были въ крайнемъ употребленіи. Суть двухъ

родовЪ: буквы перваго, числомЪ десять, зовутся десятью пнями [14], или Ше-КанЪ; буквы втораго рода, числомЪ двенатцать, двенатцатьми вѣтьвями [15], или Хе-Эульг-Тше, присоединяя букву перваго рода, сЪ которою либо буквою рода втораго. Такое присоединеніе не можетЪ инако послѣдовать, какЪ по прошествіи вЪ точности шестидесяти годовЪ. Непреложное преданіе у КитайцевЪ издревле есть, что Гоанг-Ти былЪ вымыслитель круголѣтія. Ссылаюся на первое мое письмо о лѣточисліи, или, точнѣе сказать, предсловіе образомЪ письма.

Луна [16], второе изЪ трехЪ свѣтилЪ, или, какЪ Китайцы зовутЪ, свѣтлостей, Сан-КуангЪ, вЪ разсужденіи разныхЪ своихЪ премѣнЪ, искони же было имЪ извѣстно. Во времена Яоа умѣли сЪ точностію означать минуты новолунія и полнолунія. Первый день новыя луны называется ими Шо [17], или основаніе, начало, и прочее. День полныя луны, УангЪ [18]: знаменуетЪ слово сіе надѣяться, желать, ожидать, и прочее; ибо желали, ожидали и надѣялися благодѣяній отЪ духовЪ, коимЪ молилися вЪ тотЪ день.

ВЪ израженіе возраста луны, первую четверть нарицали Шанг-ГіенЪ, сирѣчь лукЪ сЪ тетивою на верьху; четверть послѣднюю Гіа-ГіенЪ [20], сирѣчь лукЪ сЪ тетивою внизу.

ВЪ Шу-Кингѣ находимЪ, что тринатцатый мѣсяцЪ пріобщали кЪ году еще при ЯоѢ. Такій придаточный мѣсяцЪ слыветЪ у нихЪ ЮнЪ [21]. ОбразЪ таковаго прибавленія часто премѣнялся, однако же завсегда былЪ вЪ употребленіи, подобно какЪ и щетЪ дней вЪ мѣсяцѣ по двадцати девяти и по тритцати.

Лунное коловращеніе въ двадцати девяти дняхъ называется у нихъ Малое Сіао [22], а въ тридцати дняхъ Великое Та.

Не запомнятъ Китайцы, какъ извѣстны стали имъ вычисленія солнечныхъ и лунныхъ затмѣній; ибо въ Шу-Кингѣ находимъ, что Астрономы Ги и Го были наказаны за ошибку въ прорицаніи затмѣнія при державѣ Тшун-Канга, за двѣ тысячи пять сотъ лѣтъ до рождества Христова. Затмѣнія солнечныя зовутся Ге-Ше [23], лунныя же Юэ-Ше [24]. Какъ же вычисляли затмѣнія, отсылаю любопытныхъ къ Китайской Астрономіи, сочиненной Іезуитомъ Гобилемъ.

Звѣзды вообще слывутъ у нихъ третьею свѣтлостію, Гингъ [25]. Подъ симъ именемъ разумѣютъ называемое ими Пе-Ту [26], или мѣра небесная сѣверная, и есть то же самое, что мы зовемъ большимъ Медвѣдемъ. Нан-Теу, или мѣра небесная южная, есть то же, что у насъ звѣзды, прямо противулежащія большому Медвѣдю [27]. Пять планетъ, или У-Гингъ [28]. Въ число пяти планетъ входятъ у нихъ Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Венера, Меркурій; напослѣдокъ двадцать восемь созвѣздій составляютъ у нихъ все звѣздное небо нашего Зодіака, въ превосходномъ еще предъ нами числѣ звѣздъ; ибо звѣзды по Зодіаку нашему сопричисляются у нихъ къ прочимъ; всѣ же подъ именемъ Эульг-Хе-Па-Сіэу [29]. Болѣе не простираюсь объ Астрономіи Китайской; подробности оной найти могутъ желатели въ сочиненіи Іезуита Гобиля.

Таблица IV.

ЗЕМЛЯ.

Вторая Сила производительная и подчиненная, или вторый изъ трехъ Тсай.

1. Земля.		
2. Шесть ея особыхъ веществъ.	3. Ростокъ. 4. Западъ. 5. Полдень.	6. Сѣверъ. 7. Верьхъ. 8. Низъ.
9. Пять стихій. . . .	10. Металлы. 11. Лѣса. 12. Рода.	13. Огнь. 14. Земля.
15. Девять тшеуевъ. . . .	16. Ки-Тшеу. 17. Тсинг-Тшеу. 18. Уен-Тшеу. 19. Ю-Тшеу. 20. Леанг-Тшеу.	21. Юнг-Тшеу. 22. Сiу-Тшеу. 23. Янг-Тшеу. 24. Кинг-Тшеу.
25. Пять юевъ. . . .	26. Тан-Шанъ. 7. Генг Шанъ. 28. Гоа-Шанъ.	29. Сунг Шанъ. 30. Генг-Шанъ.
31. Пять озеръ. . . .	32. Тунг-Тингъ. 33 Пу-Янгъ. 34. Гунг-Тшай.	35. Си-Гу. 36. Тан-Гу.
37. Три реки. . . .	38. Гоанг-Го. 39 Гоан-Го.	40. Ло-Го.
41. Четыре моря. . . .	42. По-Ган. 43. Тсинг-Ган.	44. Тшанг-Ган. 45. Ган-Ган.
46. Девять кiанговъ. . . .	47. Шше-Кiангъ. 48. Сунг-Кiангъ. 49. У-Кiангъ. 50 Янг Тсе-Кiангъ. 51. Тшу-Кiангъ.	52. Сiанг-Кiангъ. 53. Кинг-Кiангъ. 54. Ган-Кiангъ. 55. Нан-Кiангъ.
56. Седмь горъ.	57. Фу-Сангъ. 58. Понг-Лан. 59. Инг-Тшеу. 60. Ки-Ше.	61. Куэн-Лунъ. 62 Тсан-Лингъ. 63. Фан-Тшангъ.
64. Десять острововъ.	65 Лiеу. 66. Фунгъ. 67. Шенгъ. 68 Шенъ. 69. Ингъ.	70. Сiангъ. 71. Тшангъ. 72. Vэнъ. 73. Гибенъ. 74. Vвенъ.
75. Сеэ ту.	76: Гоан. 77. Ки.	78 Кiангъ. 79. Го.
80. Ю-ти.	81. Кингъ Тшенгъ. 82 Фу Гiен. 83. Тшен-Тле. 84. Тсун Гiангъ.	85. Фен-Тсинъ. 86. Тсеу-Шеу. 87. У-[illegible]у. 88. Пе-Ко.

Та-

Таблица четвертая.

Таблица сія содержитъ въ себѣ сокращенно все относимое Китайцами къ Дѣятелямъ вселенскимъ, или Силѣ производительной и подчиненной. Силу сію именуютъ Ти [1], то есть земля. Толкуя, что такое есть земля, упоминаютъ о всемъ находящемся въ нѣдрахъ ея; о всемъ видимомъ на ея поверхности. Приступимъ писать оное кратко.

Чтобъ знать землю, говорятъ Китайцы, надобно знать шесть частей ея, или сказать точнѣе, шесть главныхъ на ней предметовъ представляющся глазамъ нашимъ Лу-гу [2]. Шесть таковыхъ предметовъ суть Тунгъ [3] сирѣчь востокъ; Си [4], западъ; Нанъ [5], полдень; Пе [6], сѣверъ; Шангъ [7], верьхъ; Гіа [8], низъ. О каждомъ изъ оныхъ изражаются имъ только свойственнымъ образомъ, но всякій разъ соотвѣтственно всеобщей системѣ мірозданія и правиламъ Фу-Гіевыхъ Триграммъ.

Надобно знать пять стихій У-Гингъ [9], которыя суть Кинъ, или металлы [10]; Му, или лѣса [11]; Шуи, или вода [12]; Го, или огнь [13] Ту, или земля [14]. По естествословію ихъ все вещественное необходимо составляется сими стихіями, изъ одной больше, изъ другой меньше частицами, различно расположенное, различныя имѣетъ всякая мѣста, низы, верьхи, правую и лѣвую сторону. Не берусь приводить въ ясность, какъ все оное толкуютъ: они свои особенныя имѣютъ къ тому правила, особыя истинны, почитаемыя ими коренными; ихъ непреложныя основанія, паче же всего ихъ Унъ и Янгъ.

Помощію всего таковаго нѣтъ вещи, которую бы они изобразить и доказать не могли.

Положивъ они тако коренныя основанія Физики своея, преходятъ въ Географію, или, да позволено мнѣ будетъ употребить нововыдуманное Французское слово, Синографію: ибо Китай для населяющихъ оный и вся земная поверьхность суть слова одно и тоже значущія; суть сущее для нихъ тожество. И тако всю поверьхность они земную, или Китай, раздѣляютъ на девять частей, каждую именуя Тшеу, Кіэу-Тшеу [15], со временъ великаго Юа, родоначальника и основателя Гіаэвой династіи, который началъ царствовать въ 2197 году до рождества Христова, то есть когда Ниніасъ, сынъ Нинуса и Семирамиды, возшелъ на престолъ Ассирійскій по умерщвленіи матери своея. Китай по томъ раздѣляемъ былъ Гоангтіемъ, Тшуэн-Гіуэмъ, Яоемъ и Шуномъ; но не столь вѣрно и торжественно. Великій Ю по спускѣ водъ, понимавшихъ весь Китай во дни Яоа, учинилъ оное. Такъ раздѣленіе сіе и осталось по днесь на девять Тшеуэвъ, составляющихъ весь Китай.

Девять Тшеуэвъ суть Тсинг-Тшеу [17], составляли часть области, нынѣ зовомой Шан-Тонгъ, край самый восточный, прилегающій къ морю. Уэн-Тшеу [18], край западный области сея. Ю-Тшеу [19] есть нынѣшняя область Го-Нанъ. Леанг-Тшеу [20], нынѣшнія же области Сеэ-Тшуэнъ и Юн-Нанъ. Юнг-Тшеу [21], Шенсиская. Сіу-Тшеу [22], Тше-Кіандская. Янг-Тшеу [23], въ старину состояла изъ областей новѣйшихъ Кіанг-Нанъ и Кіанг-Си. Со временемъ присовокупили къ нимъ области же Фу-Кіэнъ и Коанг-Тунгъ,

Тунгъ, даже до острова Гаи-Нана. Подъ названіемъ Кинг Тшеу разумѣть должно области Гу-Коагъ и Конг-Си. Забылъ упомянуть о Ки-Тшеу, означенной подъ числомъ шестымнадесять. Прежде состояла оная изъ областей Шан-Си и Пе-Тше-Ли. Буду имѣть еще случай повѣствовать о девяти сихъ Тшеяхъ, начавъ слово мое о раздѣленіи имперіи великимъ Юэмъ.

По всеобщемъ раздѣленіи имперіи слѣдуетъ раздѣленіе же частное; а прежде прочихъ означить должно тѣ мѣста, гдѣ Самодержецъ приносилъ жертвы Шанг-Тію. Мѣста сіи суть высокія горы по четыремъ главнымъ сторонамъ вселенной: восточной, западной, южной, сѣверной. Горы сіи назывались общимъ именемъ Сеэ-Іô; въ теченіи династіи Тшеуской прибавлена еще гора по срединѣ государства, и пять таковыхъ горъ проименованы У-Іô [25], какъ слывутъ и по днесь. Таи-Шанъ есть Іô, восточный [26], находится въ области Шанг-Тонгъ. Гоа-Шанъ, въ Шенсинской, западный Іô [27], Генг-Шанъ въ Шан-Сиской, сѣверный Іô [28], Сунг-Шанъ [29], въ Гу-Коангской, средній Іô; Генг Шанъ [30], гора инако выговариваемая, нежели первая гора Ген-Шанъ, есть Іô южный. Положенія ихъ суть не въ соразмѣрности и точно по четыремъ главнымъ сторонамъ государства; тоже самое разумѣю и о средней горѣ. Древніе довольствовалися избраніемъ ближнихъ къ сторонамъ симъ и срединѣ государства горъ.

За пятью Іôеми слѣдуютъ же пять горъ, или У-Гу [31], и суть Тунг-Тангъ [32], въ области Гу-Тоангской; Пу-Янгъ [33], въ Кіанг-Сиской, не подалеку отъ *Лао-Тшеу-Фу*; Гунг-Тшаи [34], произносится Гунг-Тсе, въ Кіанг-Гнанской, близь Сеэ-Тшеу; Си-

Гу [35], въ Тше-Ліанской, по близости отъ Таи-Пинг-Фу; Таи-Гу [36], или Великое озеро, коего части въ областяхъ Кіанг-Нанской и Ки-Шегнанской, не подалеку отъ Гу-Тшеу-Фу.

Далѣе, три главныя рѣки: Саи-Го [37], или Гоанг-Го [38], или Желтая рѣка; Гоан-Го [39], Ло-Го [40]. Гдѣ протекаютъ сіи рѣки, должно смотрѣть всеобщій Китайскій Географическій чертежъ.

Далѣе, четыре моря, или Сеэ-Гаи [41]. Китайцы думали, что отечество ихъ объемлется сими морями со всѣхъ четырехъ сторонъ; большая же часть ихъ такъ думаютъ и по днесь; говорится у нихъ: . . . „Все замыкающееся между четырмя морями под-„властно священному нашему Самодержцу. Простран-„ство, окруженное ими, составляетъ великую нашу Им-„перію.„ Имена оныхъ суть: По-Гаи [42], со стороны восточной; Тсинг-Гаи [43], съ западной; Тшанг-Гаи [44], южной; Ган-Гаи [45], сѣверной.

Окромѣ трехъ рѣкъ главныхъ, отъ коихъ и въ самую отдаленную древность терпѣли Китайцы различныя безпокойства, есть еще девять другихъ подъ общимъ названіемъ Кіангъ, Кіэу-Кіангъ [46].

Не могутъ ожидать читатели, чтобы преподавалъ я имъ здѣсь Китайскую Географію. Означаю токмо главнѣйшіе предметы наукъ народа сего, толкуя мѣста темныя для Европейцевъ. Имена девяти Кіанговъ изображены на таблицѣ, объясненной мною, отъ числа сорокъ седмаго до пятьдесятъ пятаго Но угождая читателямъ просвѣщеннымъ, скажу, что упоминается о девяти Кіангахъ сихъ ради учрежденныхъ

обря-

обрядовъ поклоненія Духамъ, которые по мнѣнію Китайцевъ водворяются на оныхъ. Воздавая они такимъ образомъ почести Духамъ помѣстнымъ, свидѣтельствуютъ то же самое и Духамъ прочимъ, у коихъ въ зависимости полагаютъ большія и малыя рѣки.

Семь горъ, Тси-Шанъ [56], достойныя примѣчанія ради того, что упоминается о нихъ въ древнихъ книгахъ, и по жертвоприношеніямъ Духамъ какъ сихъ горъ, такъ и всѣхъ иныхъ; ибо Китайцы вѣрили, что каждая гора имѣетъ своего особаго Духа. Имена сихъ горъ явствуютъ на таблицахъ отъ пятидесяти седьмой по шестьдесятъ третью.

Сея же ради вины почтительно упоминаютъ Китайскіе Писатели о десяти главнѣйшихъ островахъ, подъ общимъ именемъ Ше-Тшеу [64]; названіе каждаго особенно смотри на таблицахъ отъ шестьдесятъ пятой по семьдесятъ четвертую.

Четыре великія рѣки становятся шире и глубже, пріемля въ себя множество рѣкъ же и источниковъ, впадаютъ въ море; именуются Китайцами четырмя великими проливами, или Сіэ-Ту [75], и суть Гоаи [76], Ки, или Тси [77]; Кіангъ [78] и Го [79].

Послѣднія статьи пишемаго о землѣ зовутся Ю-Ти; содержатъ въ себѣ толикія нелѣпости, что я не смѣю выразить то на Французскомъ языкѣ. Ю-Ти [80] вмѣщаетъ въ себѣ Кинг-Тшенгъ, или города пребыванія Дворскаго [81]. Фу-Гіенъ [82], сирѣчь города разныхъ степенеи; Тшен-Ше [83], мѣста, гдѣ производятъ мѣны товаровъ, ярмонки и тор-

торжища. Тсіэн-ГіангЪ [84], или слободы и деревни; Феи-ТсинЪ [85], живописныя пернатыя; Тсеэу-Шеу [86], четвероногія; У-Ку [87], пять родовЪ хлѣба вЪ зернахЪ, частно и вообще; Пе-Ко [88], сто родовЪ плодовЪ, также частно и вообще.

И вЪ темЪ-то состоитЪ существенное кЪ познаніямЪ человѣка на поверьхности земной. Учители велятЪ ученикамЪ своимЪ твердить имена всего онаго; а сіи навыкаютЪ понимать каждую вещь порознь со временемЪ, приходя вЪ возрастЪ, сами собою.

Таблица V.

ЧЕЛОВѢКЪ

Есть третій и послѣдній изъ Тсаіевъ, или третья и послѣдняя Сила производительная, подчиненная.

1. Іинъ. . . .		
2. У-синг. . . .	3. Тсингъ.	6. Пе.
	4. Гоангъ.	7. Ге.
	5. Тше.	
8. Сан-кангъ.	9. Кіун-Тшенгъ.	11. Фу-Фу.
	10. Фу-Тсее.	
12. У-люнъ. . . .	13. Кіун-Тшенъ.	16. Гіунг-Ти.
	14. Фу-Тсее.	17. Понг-Іэу.
	15. Фу-Фу.	
18. Сеэ-уэи.	19. Ли.	21. Ліэнъ.
	20. И.	22. Тше.
23. У-тшангъ. . . .	24. Іэнъ.	27. Шше.
	25. И.	28. Синъ.
	26. Ли.	
29. Кіэу-тсу. . . .	30. Као-Тсу.	35. Сунъ.
	31. Тсенг-Тсу.	36. Тшунг-Сунъ.
	32. Тсу.	37. Гивен-Сунъ.
	33. Ки.	38. Ту.
	34. Тсеэ.	
39. Сеэ-минъ . . .	40. Ше.	42. Кунгъ.
	41. Нунгъ.	43. Шангъ.
44. Тси-тсингъ. . . .	45. Ги.	49. Кіу.
	46. Гу.	50. У.
	47. Нгаи.	51. Ю.
	48. Нгаи.	
52. Ше-и. . . .	53. Кіун-Кингъ.	58. Гіунг-Іэу.
	54. Тшен-Тшунгъ.	59. Ти-Кунгъ.
	55. Фу-Тсеэ.	60. Понгъ-Синъ.
	56. Фу-Тсунгъ.	61. Тшанг-Нгаи.
	57. Тсеэ-Гіао.	62. Іэу-Шунъ.
63. Іин-ше.	64. Шенг-Сеэ.	70. Кіэн-Тао.
	65. Ман-Тсангъ.	71. Ѵн-Нго.
	66. Куэн-Инъ.	72. Кіун-Минъ.
	67. Кіа-Тсіу.	73. Пе-Сингъ.
	68. Леанг-Шанъ.	74. Ли-Ю.
	69. Тшунг-Шенгъ.	75. Тшенг-Фа.

Таблица пятая.

Человѣкъ Іинъ [1], по умствованію Китайцевъ есть третій всеобщій Дѣятель, или третья производительная Сила подчиненная. Разумѣется существомъ общежительнымъ, обязаннымъ отношеніями къ самому себѣ и къ ближнему; надобно, чтобъ зналъ онъ самъ себя, и зналъ же другихъ. Названія на сей таблицѣ суть краткое оглавленіе всего къ свѣденію человѣка въ Китаѣ.

Вѣрятъ и вѣрили всегда, что племя человѣческое состоитъ изъ единицъ пяти цвѣтовъ, по которымъ разнятся роды сего племени. Пять таковыхъ цвѣтовъ, или изображеній, слывутъ у нихъ У-Гингъ, или Сингъ [2]. Пять изображеній суть: блѣдно-фіолетовое, Тсингъ [3], желтоватое, или Гоангъ [4]; мяснаго цвѣта, или Тше [5]; бѣлое, или Пе [6]; черное, или Ге [7].

Судя по древнимъ описаніямъ, надобно, чтобъ бывали въ Китаѣ жители, разныхъ сихъ цвѣтовъ имѣвшіе на себѣ кожу. Скажу я, что находятся таковые разнокожные люди и по днесь, особливо въ южныхъ областяхъ государства.

Сан-Кунгъ [8], или три главныя свойства, присвоенныя человѣку, суть должности его вообще въ разсужденіи себя и другихъ. Буква Кангъ просто знаменуетъ нить, или вервь сѣти, къ которой всѣ верви, или нити прикрѣплены; иносказательно же три главныя обязательства человѣка, или три Канги. Первая должность человѣка въ общежитіи зовется у нихъ Кіун-Тшенъ, сирѣчь отношенія между Государими

рями и подданными; между начальниками и подвластными, между вышней и нижней степеней человѣковъ [9], и прочее. Вторая должность Фу-Тсеэ [10], сирѣчь отношеніе взаимное между родителей и дѣтей, и прочее. Третія главная должность Фу-Гу [11], между мужей и женъ законнаго брака; ибо первая буква Фу значитъ супруга, а послѣдняя супругу. Крайнимъ исполненіемъ трехъ сихъ отношеній, по мнѣнію Китайцевъ, отличается человѣкъ отъ скота. Но дабы простираніе въ оныхъ было ему и легко и пріятно, надобно ему вѣдать и простираться же въ У-Лунѣ [12], сирѣчь пріобщить еще къ тому отношенія же взаимственныя, между братій и друзей; ибо пять Луновъ суть: Кіун-Тшенъ, должности Государя противу подданныхъ [13], должности родителей къ дѣтямъ ихъ; Фу-Тсеэ [14], должности мужа къ женѣ, жены къ мужу [15], старѣйшихъ братій и сестръ къ младшимъ, и сихъ къ тѣмъ; Гіунг-Ти [16], друга къ другу, то есть гражданина къ гражданину, и прочее. Понг-Іэу [17], еще къ тому пріобщить надобно человѣку Сеэ-Уэи [18], или четыре связи, соединяющія взаимно всѣхъ человѣковъ, которые учиняютъ взаимственное ихъ сообщеніе удобнымъ и благонадежнымъ. Связи сіи суть Ли [19], обряды, обычаи; словомъ, все надлежащее до вѣжливости и людскости; Ѵ [20], или свидѣтельствованіе законнодолжнаго каждому: благопристойность, правота и тому подобное; дружество [21], безкорыстіе; словомъ, не дѣлать ничего ближнему во вредъ. Наконецъ Тше [22], сирѣчь смиренномудріе, стыдѣніе отъ всякаго порочнаго дѣла, и прочее.

Пять коренныхъ доблестей, именуемыя Китайцами У-Тшангъ [23], учиняютъ по мнѣнію ихъ

насъ обходительными. Іэнъ [24], человѣколюбіе, благотворительность, милосердіе; Ѵ [25], праводушіе; Синъ [28], вѣрность, искренность, довѣренность взаимная, и прочее.

Сверьхъ общихъ должностей, которыя наблюдать долженъ человѣкъ къ самому себѣ и ближнимъ, поелику онъ членъ общежитія, имѣетъ къ исполненію и иныя особенныя, яко членъ же семейства своего. Обязанъ оными къ предкамъ и потомкамъ до девяти колѣнъ. Сіи девять колѣнъ слывутъ у Китайцевъ Кіэу-Тсу [29]; Ки [33], самъ я; Фу [38] отецъ мой; Тсу [32], дѣдъ; Тсенг-Тсу, прадѣдъ [31]; Као-Тсу, прадѣдъ [30]; далѣе Китаецъ не восходитъ; ибо подъ словомъ Као-Тсу разумѣетъ родоначальника своего. Черта низходящая: Тсеэ [34], сынъ; Сунъ [35], внукъ; Тшунг Шунъ [36], правнукъ; Ю Э Гіуэ-Сунъ, внукъ внуковъ [37]. Сіе степенное показаніе семейственное достойно обмыслить. Въ Китаѣ такъ разчисляли восходящія и низходящія черты въ семействахъ отъ временъ незапоминаемыхъ. Казнилися за нѣкоторыя извѣстныя преступленія предки и потомки до девятаго колѣна. Оное даетъ поводъ дознаваться, что въ тѣ дни, когда учиненъ сей законъ, жизнь тогдашнихъ человѣковъ была довольно долговременна, такъ что могли дожидаться праправнучатъ: слѣдовательно дни ихъ не далеко отстояли отъ всемірнаго потопа.

Еще доводъ древности: Китайцы раздѣляли общежительство свое на четыре степени, Сеэ-Линъ [38], или четыре состоянія человѣковъ: Правители, подъ именемъ Ше [39]; Предсѣдатели, Начальники и тому подобные. Нунгъ, люди втораго состоянія,

земле-

земледѣльцы [40]; третьяго же состоянія художники, подъ названіемъ Кунгъ [41]; четвертаго и послѣдняго Шангъ [42], люди торговые.

Не удивительно, что во времена, въ которыя человѣки не знали иныхъ нуждъ, кромѣ необходимыхъ для жизни, и которыя могли довлетворить трудами рукъ своихъ; не удивительно, повторяю, что ниже всѣхъ иныхъ званій разумѣли они привлекателей къ праздности, доставляющихъ потребностями жизни нетрудящихся.

Всякъ человѣкъ, говорятъ Китайцы, имѣетъ въ собственномъ сердцѣ своемъ сѣмяна блага и зла: возрастаютъ оныя и производятъ плоды соразмѣрно тому, какъ пользуется онъ здравымъ разумомъ. Считаютъ впрочемъ семь страстей, десять доблестей.

Страсти именуютъ вообще Тси-Тсингъ [43], порознь же: Ги [44], радость; Ну [45], гнѣвъ; Нгай [46], прилѣпленность къ чему либо чрезмѣрная и любовь; и еще другій Нгай [47], отвращеніе къ чему либо, и печаль; Кіу [48], страхъ; У [49], ненависть; Ю [50], похотѣніе плотское. Отъ сихъ-то страстей, добро и худо правимыхъ здравымъ разумомъ, проистекаютъ (полагаютъ они) всѣ добродѣтели и всѣ пороки.

Доблести вообще именуютъ Ше-И [51], порознь же: Кіун-Кингъ [52], искренное и почтительное повиновеніе къ Государю и представляющимъ особу его; Тшен-Тшунгъ [53], правота и вѣрность, на всякіе опыты готовая Государственныхъ дѣловыхъ людей, противу того, чьею властію поставлены править

 вить

вить ввҍренными имъ частьми государства; Фу-Тсеэ [54], вниманіе и горячность родителей въ пользу дҍтей ихъ; Фу-Тсунгъ [55], вҍрность, покорность и почтеніе женъ къ мужьямъ ихъ; Тсеэ-Гіао [56], дҍтская любовь и почтеніе къ даровавшимъ жизнь; Гіунг-Іэу [57], обязательное назираніе братій и сестръ старҍйшихъ надъ младшими, дабы не вдалися въ пороки, дабы приводилися на путь доблестей; Ти-Кунгъ [58], уваженіе и послушность младшихъ братій и сестръ противу старҍйшихъ, и послҍдованіе совҍтамъ ихъ во всякомъ случаҍ; Понг-Синъ [59], обезпечиваніе дружества между связанными онымъ, такъ чтобъ во всякое время, всегда и вездҍ могли одинъ на другаго полагаться; Тшанг-Нгаи [60], снизхожденіе престарҍлыхъ къ юнымъ; Іэу-Шунъ [61], униженіе юныхъ противу стариковъ.

Кҍмъ, говорятъ Китайцы, наблюдаются въ точности десять сіи доблестей, тотъ проживетъ вҍкъ свой благоденственно съ ближними. Сердце его будетъ всегда спокойно. Нҍдро семейства его никогда не восколеблется. Посреди суетъ и безпокойствъ временной жизни, общественно и частно, пребудетъ завсегда безмятеженъ. Мысли его безпрестанно услаждаться будутъ. Бывъ обращенны на десять родовъ должностей, существенно принадлежащихъ человҍку, именуются оныя: Іин-Ше [62]; а должности, или дҍла, въ коихъ обязанъ простираться человҍкъ, Шенг-Тсеэ [63], сирҍчь родиться и умереть: или яснҍе сказать, жизни и смерти. Ман-Тсангъ [64], похороны и погребенія; Гуэн-Ѵнъ [65], законный союзъ мужа съ женою; Кіа-Тсіу [66], выпускъ дҍвы изъ дома отческаго въ супружній; пріемъ невҍсты въ домъ жениха; раздҍленія его съ нею всякаго блага и

всякаго

всякаго зла; *Леанг-Шанъ* [67], повиновеніе въ чистотѣ совѣсти законамъ; Тшунг-Тшенгъ [68], поведеніе во всякомъ случаѣ безпорочное, правота ненарушимая; Кіэн-Тао [69], удерживаніе себя отъ всякаго злаго дѣла; Ун-Нго [70], убѣганіе отъ роскоши и всякихъ пороковъ, проистекающихъ отъ нее; не быть люту и злобну; Кіун-Минъ [71], воинъ да исполняетъ со тщаніемъ военное, гражданинъ общежительное, поселянинъ земледѣльческое званіе свое; Пе-Сингъ [72], земледѣлецъ да печется о работахъ сельскихъ; *Ли-Іо* [73], во всякомъ званіи или состояніи, да наблюдаетъ каждый принятые обычаи; да любитъ музыку, умиляющую душу, а не возбуждающую страсти; ибо музыка долженствуетъ укрощать оныя. Наконецъ никто и никогда не долженъ забывать, что есть присносущный Тшенг-Фа [44], сирѣчь праведный Воздаятель достойному, наградъ благимъ, казней злымъ.

Кратко токмо оглавляю я главныя статьи нравоученія Китайцевъ, сообразно пишемому въ древнихъ книгахъ ихъ. Могъ бы разпространиться въ разсужденіи третьей производительной и подчиненной силы, которая есть человѣкъ; но довольно, по разсужденію моему, подать читателю понятія токмо объ ономъ. Заключить онъ можетъ, читая сочиненіе мое, что Китайцы имѣли и имѣютъ нравоученіе, преподаемое имъ однимъ свойственнымъ образомъ отъ самыхъ первыхъ столѣтій по потопѣ Ноевомъ; ибо во времена Яоа, сирѣчь за 2357 лѣтъ до рождества Христова, таковое точно нравоученіе было во всей силѣ своей. Тогда правилами служили образцы жизни праотеческой, коимъ училися подражать. Къ желанію остается, чтобъ выдающіе Египтянъ просвѣтившими

Китайцевъ, лучше бы разсмотрѣли, какъ и чѣмъ оба народы сіи взаимно сходствуютъ: читатели бы приведены были въ состояніе рѣшительное о томъ сами въ себѣ составить заключеніе. Будетъ мнѣ еще случай войти въ большія подробности, когда начну отвѣчать противъ возраженій, извѣстныхъ уже и впредь могущихъ быть противу древности Китайцевъ; въ ожиданіи же приступаю объяснять чертежи на Рисункахъ моихъ.

Четыре Іо или горы Жертвоприношеній прежде Тшеуевъ

Генг = шанъ.

Собирались въ Пятую Луну, Для Торжественныхъ Жертвоприношеній

Іо Полуденный.

Іо Восточный

Тай = шанъ.

Здѣсь во вторую Луну.

Хва = шанъ.

Здѣсь во Осьмую Луну.

Іо Западный.

Тханг = шанъ.

Здѣсь бывали Собранія въ Двенадесятую Луну.

Іо Сѣверный.

Рисунокъ шестой.

Предметами обоженія и образами, какъ оное бывало свидѣтельствовано, различалися между собою древніе народы. Сличая таковые предметы, можно открывать, соотвѣтствуютъ ли взаимно и составляютъ ли тожество, или сходство, и тако восходить до начатковъ древнихъ народовъ, или сказать точнѣе, до древа, коего каждый народъ составляетъ вѣтвь особую.

Богослуженіе при самомъ первобытномъ учрежденіи онаго было препростое, богослуженіе, къ которому побуждаетъ человѣка здравый разсудокъ, коимъ обязано всякое разумное существо Существу же всевышнему. Слово мое здѣсь о внѣшнемъ оказаніи богослуженія. Состояло оное у Китайцевъ въ приношеніяхъ жертвъ на горахъ. Верьховные жрецы бывали Государи ихъ. Приносить всевышнему Существу на закаленіе самихъ себя, бывъ не вольны; ибо надъ жизнію своею человѣкъ не властенъ: вмѣсто того закалали животныхъ; ибо могли располагать жизнію ихъ по волѣ своей. Приносили жертвы на горахъ, повторяю, въ наученіе человѣковъ, что чѣмъ болѣе приближаются они мысленно къ Божеству, тѣмъ наипаче обязаны отлагать всякое житейское попеченіе, тѣмъ наипаче отдалятися отъ земли. Обряды сіи совершалися руками Самодержцевъ; ибо Государь, бывъ пріемлемъ отцемъ многочисленнаго семейства, представлялъ въ особѣ своей весь народъ въ случаяхъ важныхъ; особенно же, когда просилъ у Всевышняго Существа низпосланія благъ, избавленія отъ золъ общественныхъ.

Со временъ Фу-Гіа до Гоанг-Тіа, жертвы приносилися на первой ближней горѣ, на первомъ ближнемъ

немЪ холмѢ, на первомЪ мѢстѢ возвышенномЪ. Гоанг-Ти, окончательно довершивЪ законодательство свое, избралЪ нарочныя мѢста, гдѢ бы навсегда и послѢ его приносилися жертвы: то были горы по четыремЪ главнымЪ сторонамЪ, вЪ разсужденiи мѢста же пребыванiя своего. ДовольныхЪ подробностей о томЪ не находимЪ прежде царствованiй Яоа и Шуна. ЧитаемЪ вЪ Шу-КингѢ и иныхЪ остаткахЪ древней Китайской Исторiи, что ШунЪ установилЪ слѢдующее:

1. Во вторую Луну Государь отправляется кЪ горѢ Таи-ШанЪ, на самомЪ восточномЪ краю Китая, вЪ области, нынѢ называемой Шенг-ТонгЪ, и приноситЪ жертву на ТанѢ, огражденномЪ КiаоэмЪ. СимЪ первымЪ изЪ четырехЪ великихЪ жертвоприношенiй испрашивалось у Тiэна, или Существа всевышняго, дабы благословилЪ и призрилЪ на сѢмяна, ввѢренныя нѢдру земному, начавшiя уже изницать; ибо вторая Луна лѢточисленiя КитайцевЪ есть годовое время вешняго равноденствiя, вЪ которое обновляется земное лице.

2. ВЪ пятую Луну, то есть вЪ лѢтнiй поворотЪ солнца, отправляется Государь кЪ южной горѢ, совершаетЪ тѢ же обряды, прося у НебесЪ низпосланiя благотворительныхЪ паровЪ землѢ, поспѢшествующихЪ ей разверзать утробу свою.

3. ВЪ осьмую Луну, то есть вЪ равноденствiе осеннее, то же самое совершается на горѢ западной, дабы всякiя вредныя гады и животныя, засухи и чрезмѢрныя влаги, вѢтры и иныя воздушныя неустройства, не воспрепятствовали обильной жатвѢ и собиранiю всякихЪ иныхЪ земныхЪ плодовЪ, нужныхЪ человѢкамЪ.

4. Во вторуюнадесять *Луну*, то есть во дни зимняго солнечнаго поворота, на горѣ сѣверной приносили благодарность за благодѣянія, полученныя свыше чрезъ все теченіе года, и молилися о низпосланіи новыхъ благодѣяній въ годъ грядущій.

Чего я здѣсь не выполнилъ, то любопытные найдутъ въ Шу-Кингѣ; ибо не могу описывать все, не удаляяся отъ главныя моея цѣли.

Рисунокъ седьмой.

На семъ Рисункѣ представляются времена жертвоприношеній въ честь Шанг-Тію тремя первыми династіями: Гіаввою, Шанговою и Тшеускою.

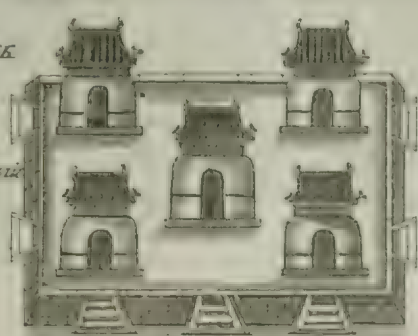
Изображеніе первое представляетъ Ше-Ше, во дни династіи Гіавой, сирѣчь храма, наименованнаго Ше-Ше. Слово сіе значитъ храмъ въ честь Создателя вѣковъ и племенъ. Въ оградѣ зданія сего зрѣлися пять великихъ храминъ, отдѣленныхъ одна отъ другой; каждая служила на особенное свое употребленіе. Внутренность оныхъ была безъ живописи и всякаго инаго украшенія; четыре голыя стѣны съ окнами для свѣта. Главная лѣствица состояла въ девяти ступеняхъ.

Изображеніе второе представляетъ Тшунг-У, или храмъ жертвенный, возобновленный въ теченіи династіи Шанговой. Служилъ къ тому же самому, какъ Ше-Ше; но былъ великолѣпнѣе. Пять помянутыхъ храминъ поддерживалися столпами; на столпахъ же утверждалися вторыя кровли, какъ бы предвратіе надъ предвратіемъ.

Изображеніе третіе представляло Минг-Тангъ династіи Тшеуской, или храмъ жертвенный Шанг-Тію, Творцу свѣта. Императоры и народъ въ теченіи династіи Тшеускія восхотѣли, чтобъ богослуженіе производилось въ самой совершеннѣйшей чистотѣ своей; паче подражали, нежели династія Гіавва и Шангова, простотѣ праотцевъ. Воздвигли храмъ безъ столповъ и многихъ кровель; пять храминъ отдѣлялися токмо голыми стѣнами и составляли единое токмо зда-

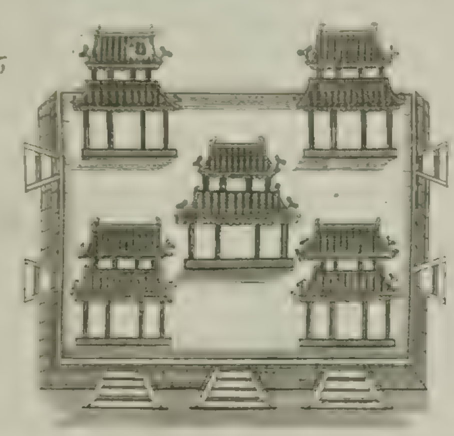
Минг-Тангъ подъ тремя Династіями Тсевою, Шанговою и Тшеуевою.

Та-хе-хе, то есть Храмъ, въ честь Создателя родовъ и вновь сооруженный Тсами.

Чертежъ 1

Тшанг-Тшунг-у, сирѣчь, Храмъ возобновленный Шангами.

Чертежъ 2.

Тшеу-Минг-Тангъ, или Храмъ Свѣта, подъ Тшеуями.

Чертежъ 3.

зданіе. Въ храминѣ А приносили жертвы; въ прочихъ же подъ буквами Б, В, Г, Д, для всего инаго, надлежащаго до жертвоприношеній. Зданіе сіе имѣло четверо вратъ Е, Ж, З, И, накрытыя тонкимъ мохомъ, чтобъ приводило то на память вѣтви, составлявшія ограду древняго Кіаоа. Сего ради кровля сверьху была шатромъ, внизу же четвероугольна. Около Минг-Танга ископанъ былъ ровъ, который наполнялся водою на время священныхъ обрядовъ.

Рисунокъ осьмой.

Рисунокъ сей есть особенное изображенїе жертвенныхъ мѣстъ въ династїи Тшеуской.

Изображенїе первое представляетъ пять Іоевъ, или главныхъ горъ, изъ которыхъ на одной приносилися жертвы въ сїе, на прочихъ же въ иныя годовыя времена Шанг-Тїю. Гїаи и Шанги установили на оное четыре Іоа, по четыремъ странамъ вселенскимъ. Императоры Тшеускїя династїи присовокупили къ тому пятый Іо̂, или гору по срединѣ государства, на которой учреждена благодарственная жертва, за дарованїе имъ владычества надъ вселенною. . . . . Послѣ того, какъ вымерло поколѣнїе Шанговъ, а послѣднїй того поколѣнїя Государь лишенъ жизни. У-Уангъ, сохраняя потомству память столь знаменитаго происшествїя, избралъ пятый Іо̂, на которомъ ежегодно въ назначенные дни онъ и преемники его приносили благодарственную жертву Шанг-Тїю, за избавленїе имперїи отъ мучительства послѣднихъ Государей поколѣнїя Шангова. Пятый Іо̂ есть гора Сунг-Шанъ.

Изображенїе второе представляетъ жертвенный храмъ Тшеускїя династїи. Наименованъ былъ Минг-Тангъ, или храмъ свѣта, дабы не предоставилося ниже напоминанїя о двухъ династїяхъ до У-Уанга. Храмъ сей употреблялся на то же самое, на что Ше-Ше при Гїаяхъ, Тшунг-У при Шангахъ, съ тою только разностїю, что воздаваемы въономъ были почести предкамъ. Тшеуи построили особый храмъ для того, подъ названїемъ Тсинг-Мїао, или храмина очищенїя.

Изъ-

Пять Іоевъ Минг-Тангъ, и Тсинг-Міао Подъ Тшеуями.

Пять Іо, или Горъ, на коихъ Приносились Жертвы.

Къ Четыремъ Древнимъ Іоамъ, Тшеуи Присовокупили Среднее.

Чертежъ 1й.

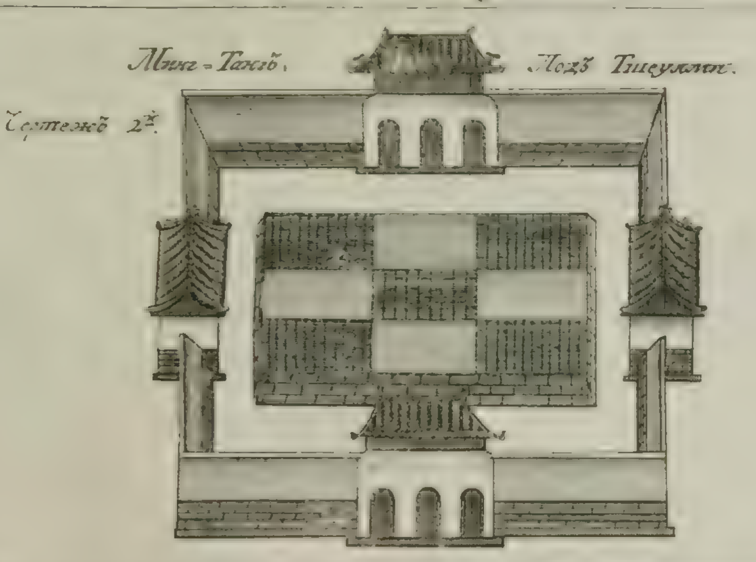
Тенг-шанъ, во Области Шансиской.

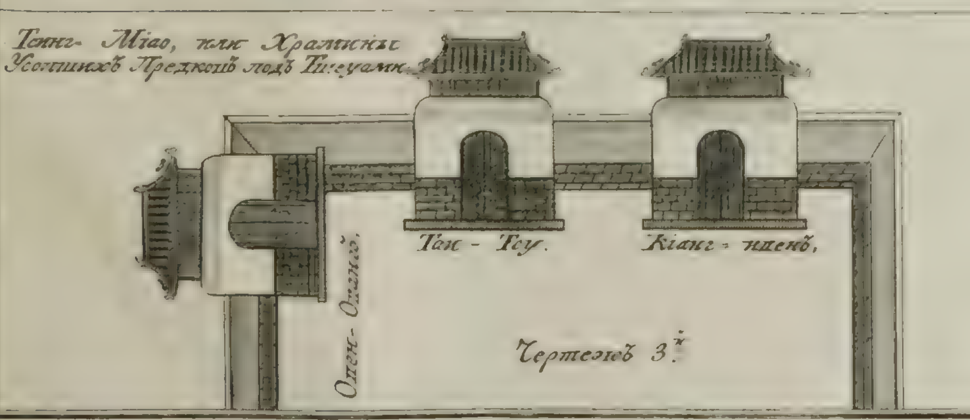
Тоа-Шанъ, во Области Шансиской.

Сунг-Шанъ, во Области Гу-Коангской.

Тай-Шанъ во Области Шанг-Тонгской.

Тенг-Шанъ, во Области Гу-Коангской.

Изображеніе третіе представляетъ Тсинг-Міао, или храмину предковъ при Тшеуяхъ; называлась же она Овен-Уанг-Міао. Воздвигъ ее Тшеу-Кунгъ, дабы Князи данники всѣ совокупно воздавали почести предкамъ; а сіе случалось всякой разъ, когда призываны они были на общенародное Государственное собраніе, или для совѣтовъ по важнымъ дѣламъ.

Въ оградѣ Тсинг-Міаоа были три особыя храмины: первая Пи-Кунгъ, или мѣсто глубокія тайны; въ ней свидѣтельствованы были почести единой токмо Кіанг-Юэнѣ, матери Геу Тсіа, отъ которой произошли Государи Тшеускаго поколѣнія. Вторая Тан-Тсу, или храмина извѣстнаго родоначальника племени Тшеуевъ; третія храмина Овен-Уанга. Князи данники въ послѣднюю токмо впускались. Цари *Луские*, изъ почтенія въ Тшеу-Кунгу, отъ коего происходили и коего были преемники, испросили у Императора позволеніе построить у себя Пи-Кунгъ, или храмину въ честь Кіанг-Юэнѣ. Во дни Ги-Кунга возобновленъ былъ храмъ сей, и для того находимъ въ Ше-Кингѣ пѣснь подъ названіемъ Пи-Кунг-Ше, сочиненную при освященіи храма сего.

Рисунокъ девятой.

Содержитъ въ себѣ шестьдесятъ четыре Гексаграммы, или шестисловія Шен-Нунговы. Надобно только пристально посмотрѣть на сіи Гексаграммы и узнать тонкій оныхъ смыслъ. Шен-Нунгъ пріемлетъ одну изъ Триграммъ Фу-Гіевыхъ, полагаетъ въ средоточіи каждаго изображенія, и каждая Триграмма получаетъ восемь Гексаграммъ: слѣдовательно открываетъ пространное поле перемѣнъ къ расположеніямъ и сличеніямъ Гексаграммъ своихъ. Начинаетъ толкъ Триграммою, изображающею у Фу-Гія землю: зовется оная Куэнъ. Буква Куэнъ въ изображеніи Шен-Нунга поставлена посрединѣ. Вокругъ восемь Гексаграммъ знаменуютъ все надлежащее до земнаго круга, коего буква Куэнъ есть таинственный знакъ. И такъ первая Гексаграмма есть Пи. Пи значитъ сокрытую силу, но всегда дѣйствующую въ нѣдрахъ земныхъ; силу, полученную отъ Небесъ, коимъ и подвластна, и съ коими обще долженствуетъ дѣйствовать таковою силою. А потому Гексаграмма Пи состоитъ изъ Триграммы въ трехъ цѣлыхъ чертахъ, представляющихъ небо, и Триграммы же въ трехъ чертахъ ломаныхъ, значущихъ землю, и прочее.

Вторая Гексаграмма есть Тсуи. Тсуи значитъ немалое количество травы, начинающей изницать, какъ бы кто хотѣлъ сказать, что земля, втайнѣ потрудившися довольно, производитъ изъ нѣдръ своихъ вещи естественныя себѣ; напослѣдокъ проявляетъ на поверьхности плоды трудовъ своихъ, и прочее.

Третія Гексаграмма есть Тсинъ. Тсинъ значитъ обуздать что либо, умѣрять излишно великое обиліе, и

Рис. IX. Къ Запискамъ Китайскимъ Томъ III.

Доска 64 Шестисловіямъ, произведеннымъ 8. Трисловіями Фу-Ки.

Куенъ Земля	Кіенъ Небо
Сюенъ Вѣтръ	Тіенъ Громъ
Ли Огонь	Кенъ Вода
Тюи воды и горы	Кенъ Горы

и прочее. Сіе даетъ разумѣть, что не должно попускать возрастанію всякаго рода былія и травъ; что и между попускаемыми рости оставлять токмо потребное количество, дабы взаимно однѣ другимъ не вредили, засѣвши густо. Шен-Нунгъ примѣтно означаетъ онымъ земледѣльство.

Четвертая гексаграмма есть Ю. Ю значитъ великорослѣйшаго изъ четвероногихъ того рода слоновъ, которые и выше и толще всякихъ иныхъ животныхъ на землѣ. Чрезъ то Шен-Нунгъ даетъ разумѣть всѣхъ животныхъ; толкуетъ сію вѣтвь натуральной исторіи, и прочее.

Пятая Гексаграмма есть Коанъ. Коанъ значитъ дворецъ, храмъ, домъ и тому подобное; ибо послѣ того, какъ произвела земля животныхъ и пищи для нихъ, надобно ей стало возъимѣть же удобныя мѣста, гдѣ бы водворяться могъ царь животныхъ, сирѣчь человѣкъ; надобенъ сталъ домъ, гдѣ ему жить; храмъ, въ коемъ покланяться Существу всевышнему, и прочее.

Шестая Гексаграмма есть Пи, различный съ первымъ Піемъ; значитъ тайную силу и прочее. Послѣдній Пи значитъ правила, мѣры и прочее. Шен-Нунгъ даетъ разумѣть чрезъ то нравоученіе, политику и художества, коими заниматься долженствуетъ человѣкъ общежительный, и прочее.

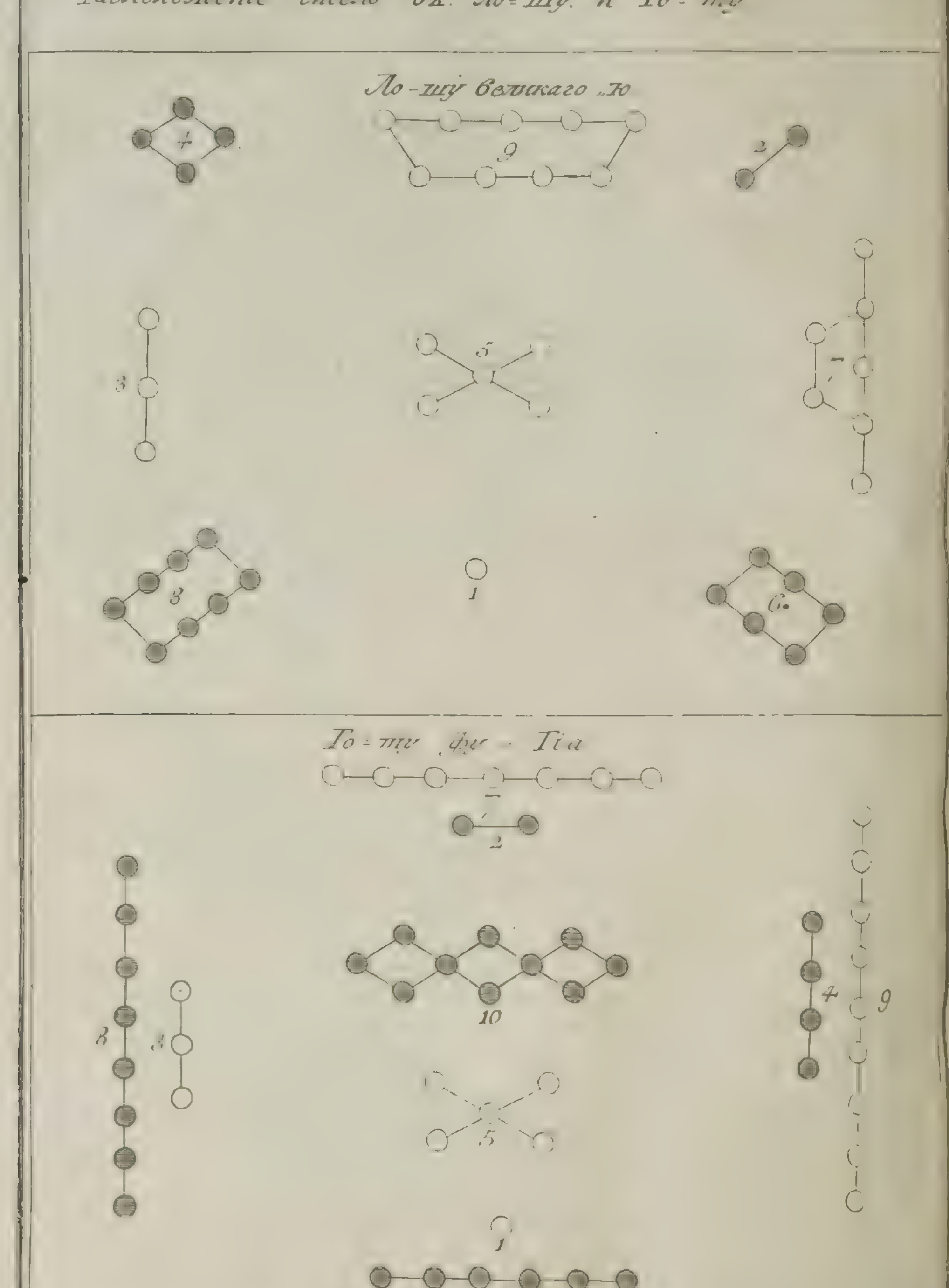
Седьмая Гексаграмма есть По. По значитъ рѣзать, отрѣзывать, кроить, саднить, чистить и прочее. Чрезъ то даетъ разумѣть, что нужны въ обще-

жи-

жительствѣ наказанія, дабы не уклонялися отъ пути должности, и прочее.

Осьмая Гексаграмма есть Ти. Та значитъ землю вообще. Чрезъ сію Гексаграмму толкуетъ Тшен-Нунгъ, что такое есть земля; въ чемъ состоятъ главныя ея свойства, положенія различныхъ ея частей, раздѣленіе на климаты; словомъ, все надлежащее до географіи и мореплаванія, и прочее.

Потребно великое множество листовыхъ книгъ для подробнаго объясненія всѣхъ сихъ Гексаграммъ; и для того остановляюсь. Довольно уже сказано мною къ полученію понятія, коимъ образомъ древніе Китайцы толковали науки и художества.

Расположение чиселъ въ Ло=шу и То=шу
Ло-шу великаго Ю
4
9
2
3
5
7
8
1
6
То=шу Фу-Гіа
2
10
8
3
4
9
5
1
6

Рисунокъ десятой.

Рисунокъ сей представляетъ расположеніе чиселъ четкою и нечетною, послужившихъ, какъ думаютъ, Фу-Гію къ составленію Триграммъ своихъ.

Изображеніе первое есть *Ло-Шу*, или книга рѣкѣ *Ло*: изображеніе точно таковое, какое видѣлъ великій Ю на чешуѣ таинственной черепахи, вышедшей изъ рѣки *Ло*. Чешуи черепахи сея раздѣлялися примѣтно на девять главныхъ частей, по три на бокахъ, по три на спинѣ; почему онъ и получилъ мысли раздѣлять все на девять частей. Не пропустимъ здѣсь того, что число чешуй каждыя главныя части, естьли сложено будетъ съ прочими чешуями той же части, составитъ число пятнатцати, а вообще сорока пяти.

Число 9 голова, 1 хвостъ, 3 лапа, или лѣвое плечо; 7 лапа же, или правое плечо; 2 и 4 закраины двухъ переднихъ лапъ; 8 и 6 закраины лапъ заднихъ; буква Ж сердце. Небо, 3; ибо есть средоточіе всѣхъ вещей, и которому всѣ вещи соотвѣтствуютъ [изражаются толкователи] и прочее.

Изображеніе второе представляетъ Гоо-Ту, сирѣчь видѣнное Фу-Гіемъ на тѣлѣ коня-дракона, вышедшаго изъ рѣки Го. Какъ части примѣтныя на семъ животномъ были числомъ 10, то святый мужъ [говорятъ толкователи] избралъ десятеричное число правиломъ во всякихъ своихъ выкладкахъ. Изъ двухъ изображеній *Ло-Шу* и Го-Ту составилъ Коаи.

Вообще оныя сутъ таинственное знаменованіе неба и земли, совершеннаго и несовершеннаго, двухъ началъ, Уна и Янга, мужескаго и женскаго; словомъ, всего существующаго въ природѣ причинами и дѣйствіями. Не нужно далѣе простираться.

Ри-

Числа Неба и Земли съ таковою надписью: Небо есть достойно нашего благоговѣнія по высотѣ своей; Земля же низостію своею возбуждаетъ насъ къ смиренію.

Чертежъ 1:

1 Небо

2 Земля

3 Небо

4 Земля

5 Небо

6 Земля

7 Небо

8 Земля

9 Небо

10 Земля

Земля — Чертежъ 2.

2

4

6

8

10

25 Есть число Неба

30 Есть число Земли

Небо — Чертежъ 3.

1

3

5

7

9

Рисунокъ первойнадесять.

Изображенія первыя на семъ Рисункѣ суть какъ бы единство двухъ изображеній, *Ло-Шу* и *Ло Ту*, десятаго Рисунка. Числа нечеткою и четкою, поставленныя однѣ подъ другими, начиная единицею до десяти, представляютъ посмѣнно небо и землю.

Изображеніе второе, въ числахъ, четкою взятыхъ особенно, представляютъ землю и продолжаются до тридесяти.

Изображеніе третіе, числа нечеткою, представляютъ небо, и прочее. Продолжаются не далѣе двадесяти пяти.

Можетъ быть придетъ мнѣ случай еще писать о сихъ изображеніяхъ: скажу тогда нѣкоторыя свойства, даемыя имъ. Найдутъ всѣ тѣ, которыя Пиѳагоръ присвояетъ же числамъ. Не льзя однако же заключать, что Китайцы заняли сіе изъ сочиненій Греческаго Философа; ибо доказывается ясно, что Китайцы за многія столѣтія до Пиѳагора вѣдали уже большую часть таковыхъ свойствъ и пользовалися свѣденіемъ тѣмъ. Основательнѣе же заключать, что Пиѳагоръ, учившійся въ Индіи, занялъ отъ Китайцевъ.

Таблица XII.

ТАБЛИЦА ЛѢТОЧИСЛЕННАЯ

ВЪ разсужденіи именЪ сочинителей, писавшихЪ о ТриграммахЪ Фу-Гіа.

1. Фу - Ги.
2. Гоанг - Ти.
3. Овен - УангЪ.
4. Тшеу - КунгЪ.
5. Кунг - Тсее.
6. Шанг - Кіу.
7. Ган - Пи.
8. Тсіао - Тсее - Кіао.
9. Тшеу - Тсее.
10. Сун - Лю.
11. Коанг - Тсее.
12. Тіен - Го.
13. Тшеу - Уанг - СунЪ.
14. Сее - Ма - ТанЪ.
15. Гіанг - ШенгЪ.
16. Уанг - ТунгЪ.
17. Янг - Го.
18. Гіао - Ен - Шеу.
19. Кинг - ФангЪ.
20. Леанг - Кіэу - Ю.
21. Леанг - ЛинЪ.
22. Као - ГіангЪ.
23. Феи - Тше.
24. Тшенг - ЮэнЪ.
25. Тшенг - ТшунгЪ.
26. Ма - ЮнгЪ.
27. ТшенгЪ.
28. Гіун - ТшоангЪ.
29. Сун - ТшангЪ.
30. Као - КангЪ.
31. Тинг - КоанЪ.
32. Тіен - УанЪ - СунЪ.
33. Монг - Ги.
34. Фан - ШенгЪ.
35. Янг - ТшенгЪ.
36. Сун - Ки.
37. Оуанг - КунЪ.
38. Ган - УнгЪ.
39. Монг - ТанЪ.
40. Тшао - ПянЪ.
41. Тсаи - КунгЪ.
42. Ше - Тшеу.
43. Лу - По.
44. Пинг - ТанЪ.
45. Ман - ЮнгЪ.
46. Мао - Гіуэн - Ю.
47. У - Кіанг - ЮнгЪ.
48. Юэн - ЛеангЪ.
49. Тшанг - Ю.
50. Пинг - ГіуэнЪ.
51. Таи - ТсунгЪ.
52. Тшен - Ше.
53. Яо - ПингЪ.

Таблица вторая надесять.

Вспомоществуясь сочиненіями сихъ писателей учебныя судилищи, по велѣнію Императора Канг-Гіа, толковали Ү Кингъ. Имена оныхъ внесены въ Государственную книгу, и приняты именами писателей коренныхъ. Книгѣ сей, въ которую внесены ихъ имена, наложено названіе Шен - Мен - Ли - Ю - Тунгъ, или святыя врата, вводящія во обряды и музыку.

1. Сочинитель Ү Кинга есть Фу-Ги, основатель Китая. Упомянулъ уже я, какъ сочинялъ онъ Ү-Кингъ.

2. Гоанг-Ти, законодавецъ Китая; шестьдесятъ первый годъ царствованія его соотвѣтствуетъ 2637 до рождества Христова. Утверждаютъ нѣкоторые, что Гексаграммы Шен-Нунговы и Триграммы Фу-Гіевы толкованы были симъ Государемъ чрезъ посредство буквъ, вымышленныхъ въ его время Тсанг-Тіэмъ. Еще нѣкоторые присвояютъ его же изобрѣтенію Гексаграммы Шен-Нунговы. Чтобъ Гоанг-Тіа полагать не посредственно за Фу-Гіемъ, справедливо то говорятъ Китайцы по многимъ причинамъ.

3. Уэн-Уангъ, Императоръ Тшеускаго поколѣнія, отецъ родоначальника третіей династіи. Извѣщалъ уже я читателя о трудѣ его, въ разсужденіи Ү-Кинга.

4. Тшеу-Кунгъ, сынъ Уэн-Уанга; продолжалъ трудъ отца своего и докончилъ толкованіе его Коаэвъ: собственно сверьхъ того объяснялъ Яо-Коа.

5. Кунг-Тсеэ, или, какъ мы обычайно зовемъ, Конфуцій. Также упоминалъ я о трудѣ его, надлежа-

жащемъ до Ѵ-Кинга. Да и есть Ѵ-Кингъ особенное его сочиненіе, сохраненное учениками его для потомства, паче же слѣдующими:

6. Шанг-Кіу, толковалъ Ѵ-Кингъ Конфуція по смерти его.

7. Ган-Пи, другій ученикъ Конфуціевъ, толковалъ же сію книгу. Болѣе извѣстенъ подъ именемъ Тсеэ-Кунга.

8. Тсіао-Тсеэ, или Кіао-Тсеэ, прозванный Юнг-Пи.

9. Тшеу-Тсеэ, прозванный Кіа-Ли.
10. Сун-Лю.

11. Коэнг-Сеэ, также извѣстный подъ именемъ Тшенг-Ю.

Всѣ сіи писатели толковали Ѵ-Кингъ въ частныхъ школахъ; такія толкованія собраны учениками ихъ и разсѣвалися по государству, доколѣ владычествовало Тшеуское поколѣніе. Имъ обязаны Китайцы соблюденіемъ потомству словъ Конфуція. Послѣ Тшеуэвъ Тсины истребили книги, пощадя однако же Ѵ-Кингъ Уэ-Уанговъ, Тшеу-Кунговъ и Конфуціевъ.

Подъ Государями Ганскаго поколѣнія:

12. Тіен-Го Ту-Лингскій, прозванный Тсеэ-Тшоангъ.

13. Тшеу-Уанг-Сунъ, уроженецъ города *Ло-Янга*, не только толковалъ Υ-Кингъ, да и дополнялъ, сочиненіе его слыветъ Тшеу-Ше-Тшуэнъ.

14. Сеэ-Матанъ *Лунг*-Менскій, Исторіографъ Государственный, отецъ славнаго Тсеэ-Матсіена: отцемъ же именуется онъ Китайской Исторіи.

15. Гіанг-Шенгъ, изъ царства *Лускаго*, что нынѣ область Шанг-Тонгъ.

16. Уанг-Тунгъ Тунг-Ускій.

17. Янг-Го Кіао-Тшуанскій.

18. Гіао-Юэн-Шеу, прозванный Ганъ, изъ царства *Леанскаго*, былъ въ первыхъ Государственныхъ чинахъ. Прославившись великими достоинствами, взятъ къ Императорскому Двору вводителемъ Пословъ.

19. Кинг-Фангъ, по прозванію Кіунг-Мингъ, родился въ Тіэн-Кіэуѣ, урочище Шанг-Тонгской области. Императоръ Уэн-Ти пожаловалъ его правителемъ Уэн-Куинскимъ. Кинг-Фангъ много трудился надъ Υ-Кингомъ; не видно однако же, чтобъ разумѣлъ книгу сію книгою судебъ. Главное его сочиненіе Кинг-Ше-И-Ше-Кіэ, то есть догадки, или обьясненія о травѣ Ше, чрезъ Коаи Υ-Кинга.

20. Леанг-Кіэу-Го, уроженецъ изъ *Леанг*-Сіэ. Императоръ Гіуэн-Ти, ради похвальныхъ его качествъ, возвелъ на степень главнаго Учителя, подъ названіемъ Та-Тшунг-Таи-Фу, и потомъ сопричислилъ его къ Государственнымъ своимъ дѣловцамъ.

21.

21. Леанг-Линъ, сынъ послѣдняго.

22. Као-Гіангъ, совокупными силами съ другимъ ученымъ человѣкомъ Феи-Ше трудилися надъ Ѵ-Кингомъ, и выдали сочиненіе Као-Феи-Эульт-Ше-Гіо, сирѣчь ученіе двухъ великихъ мужей, Каоа и Феія.

23. Феи-Тше, сотоварищъ Као-Гангова, какъ уже сказано.

24. Тшенг-Уэнъ.

25. Тшенг-Тшунгъ, прозванный Тшунг-Ше.

26. Ма-Юнгъ, прозванный Ки-Тшанъ. Толкованіе его Ѵ-Кинга въ почтеніи.

27. Тшенг-Юэнъ, инако же Канг-Тшенгъ. Сочиненіе его объ Ѵ-Кингѣ названо И-Тшу, сирѣчь объясненія Ѵ-Кинга; также въ почтеніи

28. Гіун-Тшоангъ, или Тсеэ-Мингъ. Сочиненіе его именуется И-Тшуэнъ.

29. Тсун-Шангъ.

30. Као-Кангъ.

Отъ числа вторагонадесять до 31 были или ученики, или толкователи сочиненія Тіэн-Гоэва.

31. Тинг-Коанъ, жилъ въ царствованіе Кинг-Тіа; былъ учитель Императора Леанг-Гіао-Унг, и сочи-

сочинилъ для него книгу И-Шуэ то есть изложенiе Ѵ-Кинга. Состоитъ онан въ тритцати тысячахъ буквахъ; въ похвалѣ у Китайцевъ.

32. Тiэн-Уанг-Сунъ, трудился надъ И-Шеуемъ Тинг-Коановымъ, и прибавилъ къ оному нѣсколько примѣчанiй.

33. Монг-Ги *Лан-Лингскiй*, что въ области Тунг-Гайской, сынъ славнаго Монг-Тсинга, толковавшаго *Ли*-Ки Геу-Тсангу, а Тшун-Тсiэу Шу-Кингъ; разумѣется первымъ ученымъ человѣкомъ времени своего.

34. Фанг-Шенгъ, писалъ при владѣнiи восточныхъ Ганoвъ. Былъ одинъ изъ Государственныхъ историковъ. Почтенъ достоинствомъ Мандарина, степени По-Хе, лѣта Кiэн-У, сирѣчь двадесять пятаго по Христѣ, когда владычествовалъ Китаемъ Коанг-У- Гоанг-Ти-Ѵ-Кинга; учился у знаменитаго Монга, о коемъ писано выше.

35. Янг-Шенгъ.

36. Сун-Ки, изъ *Луской* области.

37. Уанг-Кунъ, изъ области *Ланг*-Сiэ; былъ Мандариномъ степени *Ланг*-Тшунгъ.

38. Ган-Ѵнгъ.

39. Монг-Тангъ.

40. Тшао-Тинъ.

41. Тсаи-Кунгъ.

42. Ше-Тшеу, изъ области Пек; былъ въ крайнемъ почтеніи у Императора Сіуэн-Тіа, и обогащенъ имъ. Пожаловалъ его Мандариномъ степени По-Хе. Толковалъ Кинги, паче же V-Кингъ, въ книгохранилищѣ, тогда называнномъ Тіэн-Лу-Ко. Уроки его изъ V-Кинга хвалимы всѣми Китайцами.

43. Лу-По Ланг-Сіэскій. Ученость его доставила ему правительство области Гоэ-V-Ки.

44. Пинг-Шанъ.

45. Ман-Юнгъ.

46. Мао-Гіуэн-Ю.

47. У-Кіанг-Юнгъ.

48. Юэ-Леангъ.

49. Тшанг-Ю, инако же Тсеэ-Уэнъ, изъ области Гонеи; щитается между первыми учеными людми вѣка своего; возведенъ былъ въ достоинство Нган-Шанг-Геу, сирѣчь Князя Нган-Шангскаго. Императоръ оказывалъ отмѣнные знаки милости своей къ нему во всю его жизнь; по смерти же почтилъ память его похвальною надгробною надписью, на концѣ всѣхъ его чиновъ и достоинствъ. Похвала состояла въ одной токмо буквѣ, однако же совершенно изразительной, сирѣчь Тсіэ, что значитъ мужъ умѣренный, воздержный, трезвый, владѣющій собою, не вдающійся ни въ каковыя излишности, и тому подобное.

50.

50. Понг-Гіуэнъ, уроженецъ Гоаи-Янгскій; былъ Предсѣдателемъ Судилища чиноположеній.

51. Тан-Тсунгъ, инако же Тсеэ-Пингъ, изъ области Пеи. Былъ Шэо-Фу-Тсингомъ, или Предсѣдателемъ внутренняго Судилища всякихъ Государственныхъ дѣлъ.

52. Тшен-Ше.

53. Яо-Пингъ, и прочіе.

Таблица XIII.

ТАБЛИЦА ЛѢТОЧИСЛЕННАЯ

Писавшихъ о Шанг-Шуѣ, или Шу-Кингѣ.

1. Фу - Шенгъ.
2. Тша - Тсу.
3. Го - Пи - Канъ.
4. Леао - Фу.
5. Ин - Минъ.
6. Сунг - Тенгъ.
7. Као - Гу.
8. Сунг - Сiангъ.
9. Меу - Ю.
10. Тшанг - Канъ.
11. Тшанг - Шенгъ.
12. Ту - Ю.
13. Ше - Тшангъ.
14. Гiао - Шенгъ.
15. Меу Юнгъ.
16. Меу Тсингъ.
17. Тшеу - Канъ.
18. Кунг - Па.
19. Кунг - Коангъ.
20. Гiу - Шангъ.
21. Уанг - Ки.
22. Янг - Тсингъ.
23. У - Тшангъ.
24. Танг - Линъ.
25. Нгеу - Янгъ.
26. Ни - Коанъ.
27. Нгеу - Янг - Ше.
28. Кунг - Нган - Ку.
29. Кiа - Кiа.
30. Тше - Па.
31. Ту - Ю - Тшао.
32. Юнг - Шенгъ.
33. Нгеу - Янг - Као.
34. Гiа - Кеу - Кiенъ.
35. Тшанг - Шан - Фу.
36. Ли - Гiунъ.
37. Уанг - Леангъ.
38. Тшенг - Коанъ.
39. Ту - Линъ.
40. Кiа - Куэи.
41. Ма - Юнгъ.
42. Тшенг - Сувенъ.
43. Нгеу - Янг - Ти - Ю.
44. Нгеу - Янг - Тшенгъ.
45. Нгеу - Гiанг - Го.
46. Тсао - Тсенгъ.
47. Тсао - Тше.
48. Уан - Юнгъ.
49. Меу - Коанъ.

Таблица тренадесять.

Здѣсь включаю имена токмо знатнѣйшихъ Сочинителей, которые толковали Шу-Кингъ отъ самаго возстановленія учености, подъ владѣніемъ Императоровъ Ганскаго поколѣнія.

1. Фу-Шенгъ; въ разсужденіи сего Писателя не прибавилъ я ничего къ читаемому объ немъ въ исторіи.

2. Тша-Тсу, верховный судія учености при Императорѣ Ган-Уен-Тіѣ, отъ коего велѣно ему было увидѣть Фу-Шенга, и выспросить все, что онъ ни зналъ надлежащаго до учености древнихъ Китайцевъ, особенно же о Шанг-Шуѣ, или Шу-Кингѣ; ибо книга оная весьма была тверда престарѣлому сему мужу. Тша-Тсу истребовалъ въ сотоварищи свои Го-Пи-Кана и Сунг Тенга, двухъ искуснѣйшихъ тогда людей въ Государственной столицѣ. Всѣ трое они отправилися въ деревню, гдѣ жилъ Фу-Шенгъ, и по многихъ разговорахъ, начали составлять Шу-Кингъ: раздѣлили на дватцать девять главъ; читали предъ старикомъ, поправляли, и взяли отъ него письменное тому свидѣтельство.

3. Го-Пи-Канъ, возвратяся въ столицу, избралъ упражненіемъ своимъ толкованіе Шу-Кинга, изустно и письменно; возъимѣлъ учениковъ, прославившихся въ свое время, изъ коихъ одинъ именовался

4. Леао-Фу.

5. Другій Ин-Мингъ.

6. Сунг - ТенгЪ, толковалЪ также Шу - КингЪ вЪ столицѣ, паче иныхЪ отличившійся; ученики его суть

7. Као - Гу.

8. Сунг - СіангЪ.

9. Меу - Ю.

10. Тшанг - КанЪ.

11. Тшанг - ШенгЪ, уроженецЪ Тсинанскій, вЪ области Тшанг - ТонгЪ; былЪ ученикЪ Фу - Шенга, и толикую снискалЪ славу, толкуя Шу - КингЪ, что ИмператорЪ возвелЪ его на самую вышнюю степень учености: лучшіе его ученики суть Ту - Ю и Тшеу-КанЪ.

12. Ту - Ю, инако Гіао - Геу - Ту - Ю, толковалЪ Шу - КингЪ со всеобщимЪ одобреніемЪ.

13. Ше-ТшангЪ, сынЪ Ту - Юа, послѣдовалЪ по стопамЪ отца своего, и не меньше его былЪ знающЪ. ИмператорЪ Ган - У - Ти произвелЪ его на первыя степени учености.

14. Гіао - Геу - ШенгЪ, сынЪ Гіа - Геу Ше - Тшанга, превзошелЪ знаніями предковЪ своихЪ. ИмператорЪ Сіуен - Ти повелѣлЪ ему обЪяснять и дополнять Шу-КингЪ. СочинилЪ онЪ книгу Шанг - Шу - Люн - Шуе, которая снискала ему великую честь. ИмператорЪ не только избралЪ его первымЪ УчителемЪ сына своего и наслѣдника кЪ престолу, но и самЪ у него бралЪ

уро-

уроки. Обогатилъ его, удостоивъ всякаго рода почестей. По смерти же знаменитаго сего мужа, случившейся на девяностомъ году отъ рожденія, тотъ же самый Государь, учредивъ великолѣпное погребеніе, положилъ посреди гробницъ Императорскихъ, на мѣстѣ нарицаемомъ Пинг-Мингъ. Пять дней носилъ по немъ печальныя одежды; услышавъ же, что нѣкоторые находятъ хульное въ поведеніи Гіао-Геу-Шенгъ, сочинилъ, издалъ и разослалъ по всему государству опроверженіе того; между прочимъ изражаяся тако: „Не могъ я не учинить сего для такого мужа, ко-„его ученію долженъ всемъ тѣмъ, что знаю; дол-„женъ я ему всѣми малыми моими достоинствами. „Лишилъ бы самъ себя чести слыть его ученикомъ, „не оказавъ послѣднихъ знаковъ слабыя моея къ нему „благодарности, и прочее.„ Мать Сіуэн-Тіа, изъ почтенія къ памяти наставника сына своего, прислала въ домъ его знатную сумму денегъ на погребеніе, и прочее.

15. Меу-Юнгъ.

16. Меу-Тсингъ, изъ учениковъ Гіа-Геу-Шенговыхъ. Прибавилъ онъ къ примѣчаніямъ учительскимъ нѣсколько своихъ.

17. Тшеу-Канъ, другой его же ученикъ, былъ наставникомъ двухъ потомковъ Конфуція, и толковалъ имъ Шу-Кингъ. Учинившіяся извѣстными его достоинства, доставили его первыми чинами Дворскими. По нынѣ извѣстенъ онъ подъ именемъ Шао-Тсина.

18. Кунг-По, ученикъ Тшеу-Кановъ, потомокъ Конфуція, въ третьемъ надесять колѣнѣ; ради учености своей пожалованъ былъ Княземъ.

19.

19. КунгЪ - КоангЪ, сынЪ КунгЪ - ПаевЪ, также ученикЪ Тшеу - КановЪ; прозванЪ по имени отличнаго между учениками Конфуція, Тсеэ - Гіа. БылЪ государственный дѣловецЪ; пожалованЪ КняземЪ, названЪ Коан Нуи - Геу. ПривелЪ вЪ порядокЪ многія главы Шу - Кинга, и учинилЪ переносы содержаній; ибо показалось ему то нужно, не премѣняя впрочемЪ ничего.

20. Гіу - ШангЪ, учился Шу - Кинга у Тшеу - Кона. ТолковалЪ книгу сію сЪ похвалою всеобщею. ОставилЪ по себѣ учениковЪ полезныхЪ для учености, да и вЪ такія времена, когда весь Китай не помышлялЪ ни о чемЪ иномЪ, кромѣ войны. СверьхЪ примѣчаній на Шу - КингЪ, сочинилЪ пять Стихій, подЪ названіемЪ У - Гинг - ЛюнЪ. ПроизведенЪ вЪ Мандарины степени Кіеу - ТсингЪ.

21. Уанг - Ки.

22. Янг - ТсингЪ.

23. У - ТшангЪ.

24. Шанг - ЛинЪ. Сіи четыре ученые мужи суть знатнѣйшіе ученики Гіу - Шанга. Поддерживали ученость чрезЪ время царствованія хищника Уанг - Манга. Имѣли великіе вЪ государствѣ чины. Уанг - Кіа разумѣли главнымЪ надЪ собою. Писали обЪ исторіи У - КингЪ столь успѣшно, что проименованы четырьмя цвѣтами учености.

25. Нгеу - Янг - Го - По, учился Шу - Кинга отЪ самаго Фу - Шенга, и былЪ изЪ первыхЪ толкователей книги сей.

26.

26. Ни-Коангъ, толковалъ же Шу-Кингъ со славою. Достигъ до первыхъ придворныхъ чиновъ.

27. Нгеу-Янг-Ше, сынъ Нгеу-Янг-Го-Поя, толковалъ общенародно Шу-Кингъ: ученики его со временемъ стали мужами первой степени учености.

28. Кунг-Нган-Куе, потомокъ Конфуція въ первомъ надесять колѣнѣ; Нгеу-Янгъ-Шею болѣе всѣхъ его учениковъ принесъ чести. Весьма былъ знающъ въ Кингахъ, паче же въ преподаваніи Шу-Кинга. Пожалованъ былъ Правителемъ области Лин-Гіан.

29. Кіа-Кіа, уроженецъ Лоянгскій, ученикъ Кунг-Нган-Куеевъ, толковалъ Шу-Кингъ съ похвалою, и за то былъ пожалованъ Правителемъ Та-Тшунгскимъ.

30. Тшеу-Па, изъ царства Лускаго, ученикъ Кунгъ-Нган-Куеевъ, писалъ о Шу-Кингѣ; былъ великимъ Мандариномъ.

31. Ту-Ю-Тшао, какъ въ заглавіи сочиненій ставилъ имя свое только сими буквами: Ту Ю-Тшао, то и не извѣстно родовое его имя.

32. Юнг-Шенгъ, уроженецъ Кіао-Тунгскій, послѣдній ученикъ знаменитаго Кунг-Нган-Куея.

33. Нгеу-Янг-Као, внукъ Нгеу-Янг-Шея, издалъ толкованія Шу-Кинга, которыя въ почтеніи у Китайцевъ, и оставилъ по себѣ изящныхъ учениковъ.

34. Гіа-Геу-Кіенъ, ученикъ Нгеу-Янг-Коoа, былъ вторымъ Учителемъ наслѣдника къ престолу

Императорскому. Прозванъ былъ великимъ Ясновидцемъ, во мзду велеречиваго своего истолкованія правилъ Шу-Кинга. Императоръ далъ ему мѣсто между Членами тайнаго своего Совѣта.

35. Тшанг-Шан-Фу, уроженецъ Пинглингскій; былъ Порутчикомъ Правителя нѣкоего большаго города, во мзду за труды свои въ Шу-Кингѣ.

36. Ли-Гіунъ, толковалъ же Шу-Кингъ. Разумѣется лучшимъ объяснителемъ надлежащаго до Астрономіи и девяти правилъ Гунг-Фановыхъ. Весьма вразумительно толковалъ же силу и дѣйствія Уна, Янга и всего представляющагося чрезвычайнымъ простому народу. Императоръ Нгаи-Ти пожаловалъ его Разсмотрителемъ всякихъ подаванныхъ ему бумагъ.

37. Уанг-Ліангъ, уроженецъ Тунг-Гайскій.

38. Тшенг-Коан-Тшунгъ, одинъ изъ сочинителей Китайской исторіи, учитель Государственнаго наслѣдника Шу-Кинга. Наслѣдникъ сей ставъ Императоромъ, подъ именемъ Тшенг-Тіа, пожаловалъ его Княземъ, нарекши Коан-Неи-Геу.

29. Туу-Линъ, изъ Фу-Фанга, весьма былъ знающъ въ Шу-Кингѣ и Ку-Уенѣ. Произведенъ Предсѣдателемъ Судилища чиноположеній, подъ названіемъ Та-Сее-Кунгъ.

40. Кіа-Куеи, творецъ книги Шанг-Шу-Гіунъ, сирѣчь наставленіе въ разсужденіи Шанг-Куа.

41. Ма-Юнгъ, сочинилъ Шанг-Куа.

42. Тшенг - Сіуенъ, сочинилъ изящную книгу Шанг - Шу - Тшу - Кіе, или подобныя объясненія Шанг - Шуа.

43. Нгеу - Янг - Ти - Ю, младшій сынъ Нгеу - Янг - Ти - Юа, былъ верьховный Чиновникъ надъ учеными, въ царствованіе похитителя Уанг - Манга: осьмый въ прямой чертѣ потомокъ предковъ, которые имѣли должностію толковать Шу - Кингъ.

44. Нгеу - Янг - Ти - Ю, сынъ Нгеу - Янг - Каоа, одинъ изъ учителей наслѣдника къ престолу, который ставъ Императоромъ, подъ именемъ Юен - Тіа, пожаловалъ его великимъ Мандариномъ; былъ при немъ изъ первыхъ цѣнителей всякихъ книгъ.

45. Нгеу - Янг - Го, тогоже семейства, и также именовался учителемъ Шу - Кинга. Достоинства его ознаменовалися еще прежде похищенія престола Уанг - Мангомъ. Оныя доставили его правительствомъ города третьей степени, тогда называннаго Юен У-Гіенъ. Императоръ Ган - У - Ти, воцаряся по праву предковъ своихъ, премѣнилъ мѣсто пребыванія Двора, и предпочелъ Си - Нган - Фую Го - Нан - Фу. Онъ - то былъ родоначальникъ восточныхъ Гановъ. Нгеу - Янг-Гоа призвалъ его къ себѣ, пожаловалъ Правителемъ столицы и Предсѣдателемъ Судилища чиноположеній.

46. Тсао - Тсинъ, изъ Ки - Уна, былъ Государственнымъ Совѣтникомъ.

47. Тсао-Тше, съ послѣднимъ одного семейства.

48. Уан - Іô - Уангъ, инако Тшун - Сингъ, уроженецъ Пен-Госкій. Жилъ почти всегда въ столицѣ. Въ

глубокой уже старости почтенъ отъ Императора Минг-Тіа достоинствомъ Уанг-Као-У-Кинга, что можно тако перевесть: одинъ изъ пяти старыхъ учителей Царей.

Я здѣсь упоминаю только о славнѣйшихъ толкователяхъ Шу-Кинга, въ сочиненіяхъ коихъ почерпая знанія свои и оными вспомоществуяся, издаютъ въ свѣтъ лучшія нынѣшнія изданія древней сей книги.

Нужно замѣтить единожды навсегда, что я налагаю чины, достоинства и должности, которыми почтены когда либо бывали ученые мужи, сообразно нынѣшнимъ въ Китаѣ чинамъ, достоинствамъ и должностямъ. На примѣръ именую Предсѣдателемъ Судилища чиноположеній того, кто имѣетъ въ главномъ вѣдомствѣ своемъ торжественные обряды при Дворѣ и въ столицѣ.

ТА-

Таблица XIV

ТАБЛИЦА ЛѢТОЧИСЛЕННАЯ

Писавшихъ о Ли-Кіѣ.

1. Кунг-Тсеэ.
2. Као-Танг-Шэнгъ.
3. Геу-Тсангъ.
4. Менг-Тсингъ.
5. Гіао-Фенъ.
6. Іэи-Теіэу-Тсинъ.
7. Таи-Се.
8. Уэи-Іэн-Тунгъ.
9. Янг-Юнгъ.
10. Тсіао-Іэнъ.
11. Тшенг-Гіуэнъ.
12. Таи-Шенгъ.
13. Гіу-Шенгъ.
14. Гіу.
15. Кунг-Ше.
16. Гіу-Янгъ.
17. Гіу-Іэнъ.
18 Шан-Тсее.
19. Гіу-Леангъ.
20. Уан-Шенгъ.
21. Кунг-Нган-Куэ.
22. Пу-Тсингъ.
23. Тсао-Тшунгъ.
24. Пу-Кіэнъ.
25. Тсао-Піэнъ.
26. Гіа-Ге-Кингъ.
27. Уанг-Линъ.
28. Тунг-Кунъ.
29. Ліеу-Гіангъ.
30. Ма-Юнгъ.
31. У-Таи-Леангъ.
32. Гоанг-Тшу.
33. Писатели подъ Императорами Шанговой династіи.
34. Тшунг-Тсее-Лингъ.
35. Юэи-И.
36. Уэи-Танъ.
37. Уэк-Ки.
38. Пе-Тси.
39. Гіунг-Нгаи-Шенгъ.
40. Писатели подъ династіею Сунговою.
41. Тшен-Тао-Гіангъ.
42. Тшен-Гао.
43. Тшен-Янгъ.

Таблица четвертаянадесять.

1. Кунг-Тсеэ, или Конфуцій. Хотя сей Философъ не написалъ ниже одного сочиненія, особенно надлежащаго до обрядовъ и чиноположеній; однако же даютъ ему первое мѣсто между всѣми тѣми, кои собирали книгу *Ли-Ки*, по той причинѣ, что нѣтъ обряда и чиноположенія, сколь бы было ни древнее, о чѣмъ бы не толковалъ онъ ученикамъ своимъ. Сіи по смерти его предали оное письму, а ихъ ученики подобно же имъ подражали. Со временемъ сличали всѣ такія разныя произведенія съ остатками древности, и найдено было совершенное сходство.

2. Као-Танг-Шенгъ, прозванный По-Ганъ, потомокъ Царей Тсискихъ, родился въ области Луской: мужъ славный ученостію, особенно же знаніями древнихъ временъ. Крайнѣ негодовалъ на преподавателей уроковъ въ разсужденіи послѣднихъ, и различно и удаленно отъ истинны.

Китай при жизни его былъ въ смятенномъ состояніи, слѣдовательно и науки не процвѣтали уже по прежнему. Первые Императоры Ганскаго поколѣнія, по склонности, или славолюбію, не упускали ничего такого, что могло сохранить память объ нихъ; были покровители учености, снабдѣвали изобильно всемъ нужнымъ прилежащихъ къ наукамъ всякаго рода. Примѣры Государей возобновили старинную любовь народа къ книгамъ. Многіе посвятили оной дни еще съ наибольшею ревностію, нежели когда либо бывало. Между всѣми же отличался Као-Танг-Шенгъ: имѣя цѣлію трудовъ своихъ не награжденія отъ Двора, не сысканія славы, а только чтобъ просвѣтиться. Имѣлъ онъ

онъ въ себѣ, что мы именуемъ восторгами къ наукамъ. Всемъ въ жизни своей жертвовалъ имъ; отрекся отъ чиновъ и достоинствъ, къ которымъ вела его знатная порода и личныя достоинства; поступилъ еще наиболѣе: открылъ школу на тотъ только конецъ, дабы возъимѣть учениковъ и вперить имъ любовь ко древности, толкуя и объясняя обычаи и обряды праотцевъ.

Столь рѣдкія способности и дарованія едва укрываются ли когда отъ свѣденія всеобщаго, а еще того меньше, по крайней мѣрѣ въ Китаѣ, чтобъ рано, или поздно, но не получили возмездія. Слухъ о Као-Танг-Шенгѣ достигъ Двора. Императоръ принудилъ его имѣть засѣданіе въ одномъ изъ ученыхъ Судилищъ, пожаловалъ его По-Хеемъ между историками Государственными; продолжалъ простираться попрежнему въ любимомъ своемъ родѣ учености. Сочинилъ двѣ изящныя книги: И-*Ли*, сирѣчь правила добраго правительства; и По-Хе-*Ли*, правила для судей, которыя состоятъ въ семнадцати томахъ. Все относится въ нихъ къ доблественной древности; вмѣщаютъ подробности наибольшей части обычаевъ и чиноположеній самыхъ отдаленныхъ временъ.

При Императорѣ У-Тіѣ, поколѣнія Ганскаго, найдена на днѣ осушеннаго болота куча дщицъ, на которыхъ была вырѣзана *Ли*-Ку-Кингъ, то есть достовѣрная книга о первобытныхъ чиноположеніяхъ Китайцевъ. Сокровище сіе принесено ко Гіен-Уангу, владѣльцу Го-Кіэнскому, великому любителю наукъ, тщательному собирателю всякихъ древнихъ памятниковъ. *Ли*-Ку-Кингъ пріобщенъ имъ былъ къ прочимъ таковымъ же у него памятникамъ; составилось

пять-

пятьдесятъ седмь томовъ, которые всѣ и поднесъ онъ Императору. По сличеніи содержащагося на сихъ дскахъ съ писаннымъ о томъ же Као-Танг-Шенгомъ, увидѣли совершенное сходство.

Тринадесять семействъ, сынъ послѣ отца и такъ далѣе, толковали Ли-Ки, начиная царствованіемъ Гановъ, до Таи-Шенга; однако же всеобще принято съ похвалою писанное токмо Као-Ше-Тангомъ.

Великій Таи-Тсунгъ, вторый Императоръ поколѣнія Тангскаго, помѣстилъ кости Као-Танг-Шенга въ Міаоѣ Конфуція. Тшен-Тсунгъ, третій Императоръ изъ Сунговъ, почтилъ его титломъ Князя Лан-Ускаго; а Ше-Тсунгъ, вторыйнадесять Императоръ поколѣнія Мингскаго, повелѣлъ разумѣть его мужемъ мудрымъ въ древней учености, подъ именемъ Сіэн-Ю-Као-Танг-Сеэ.

3. Геу-Тсангъ, инако же Кин-Кіунъ, родился въ области Шан-Тонгѣ. Съ младенчества возлюбилъ освѣдомлять себя о древнихъ чиноположеніяхъ, и ничто столько его не радовало, какъ случай употребленія оныхъ на самомъ дѣлѣ. Написалъ большее сочиненіе Геу-Ше-Ку-Таи-Ки, сирѣчь обрядникъ, обнародованный въ Ку-Тэи-Геу-Шеэлѣ. Ученый мужъ, именемъ Уэн-Іэн-Тунгъ, доставилъ сіе сочиненіе Таи-Тею, который внесъ въ оное почти цѣлое собственное свое большее сочиненіе о древнихъ чиноположеніяхъ. За сими двумя книгами разсуждено за достойное воздать тѣ же почести Ли-Кію, какъ и книгамъ, давъ оному мѣсто въ книгохранилищѣ Уэн-Міаэ съ ними наряду.

Въ последнее лето владычества Гановъ, именитый Ма-Юнгъ, о которомъ скоро упоминать буду, сочинилъ три книги: Юэ-Лингъ, то есть показаніе чиноположеній въ теченіи каждой луны; Минг-Танг-Уэи, или обрядникъ для Минг-Танга; Ю-Ки, или записки, надлежащіи до разныхъ родовъ музыки при разныхъ же обрядахъ чиноположеній. Три сіи книги пріобщены къ сочиненію юнейшего Таи въ сорокъ шести главахъ; вместе же съ главами Ли-Кіа, по просмотреніи ученыхъ судилищъ, составился малый Ли-Ки, въ сорокъ девяти главахъ, который существуетъ и по днесь. Но того не довольно для желающихъ знать основательно древніе обряды; а должно имъ читать подлинники, изъ коихъ почерпнутъ сей Ли-Ки.

Когда Императоръ Тсаи-Тсунгъ, Тангскаго поколенія, избиралъ великихъ мужей, достойныхъ помещенія въ Міаоъ Конфуціевомъ, тогда позабытъ былъ Гіэу-Тангъ. Но Императоръ Ше-Тсунгъ, династіи Минговой, разсматривая учеными людьми века своего и приводя въ порядокъ древніе обычаи, увиделъ, что сочиненіе Геу-Тсанга паче всехъ иныхъ соблюло потомству память оныхъ: за что и удостоенъ места въ Міаоъ; дщицы его положены подле дщицъ же Тунг-Шунгъ-Шуэвыхъ.

4. Монг-Тсингъ, уроженецъ Тунг-Гайскій, трудился со успехомъ, выбирая изъ отрывковъ древнихъ книгъ время за временемъ далее, относительно до чиноположеній. То же самое разуметь надлежитъ и о прочихъ писателяхъ, коихъ вношу здесь токмо одни имена.

5. Гіао-ФенЪ, изЪ Гіа-Тсіэуа; свѣденія его древнихЪ обрядовЪ доставили ему званіе Правителя Гоа Янгскаго и Засѣдателя вЪ Судилищѣ чиноположеній.

6. Лу-Тсіэу-ТсингЪ, думаю, что онЪ же и Іэн-Кіэу-ТсингЪ; ибо одна иногда и та же самая буква различно выговаривается. Примѣчаніе сіе не важно; однако нужно для тѣхЪ, которые мыслятЪ о буквахЪ КитайскихЪ, какЪ о нашихЪ азбучныхЪ буквахЪ.

7. Таи-Те, сочинилЪ выписку изЪ двухЪ сотЪ четырнатцати томовЪ Ліэу-Ліанга. Оное-то свойственно, наименовано Та-Таи-Ли-Ки, или, Ли-Ки, старѣйшаго Таи-Кіа; довольно писалЪ я обЪ немЪ выше сего.

8. Уэн-Іэн-ТунгЪ, уроженецЪ Пеискій, имѣлЪ прозвище Гана.

9. Янг-ЮнгЪ

10. Тсіао-ІэнЪ.

11. Тшунг-ГіуэнЪ.

12. Таи-ШингЪ, племянникЪ Таи-ТеевЪ, поправилЪ сочиненіе дяди своего. УпоминалЪ я уже обЪ немЪ пространно. Книга его наименована Сіао-Таи-Ли-Ки, или Ли-Ки юнѣйшаго Таія.

13. Гіу-ШенгЪ, изЪ царства Лускаго, былЪ ПредсѣдателемЪ Судилища чиноположеній, писалЪ о Ли-

Кіѣ.

кіѣ, отличился стихотворствомъ. Сунги, его пера, въ почтеніи.

14. Ліу, сынъ Гіу-Шенга, не помрачилъ славу отца своего; былъ достойный наслѣдникъ учености его и имѣнія; докончалъ начатое отцемъ, и издалъ въ свѣтъ.

15. Кунг-Ше, по прозванію И-Манъ, былъ Предсѣдателемъ того же Судилища.

16. Гіу-Янгъ, потомокъ Гіу-Шенговъ, сочинялъ преизрядные Сунги, трудился въ толкованіи книги чиноположеній, произведенъ Предсѣдателемъ того же Судилища, Правителемъ Коанг-Линскимъ.

17. Гіу-Танъ, братъ Гіу-Янга, прославился стихотвореніемъ, паче же Сунгами. Пожалованъ Мандариномъ степени По-Хе.

18. Шан-Тсеэ, ученикъ Гіу-Тановъ, Предсѣдатель Судилища чиноположеній.

19. Гіу-Леангъ.

20. Уан-Шенгъ, ученикъ же Гіу-Тановъ, Предсѣдатель того же Судилища.

21. Кун-Нган-Куэ, творецъ всеобще извѣстный и неутомимый: сличалъ всѣ сочиненія своего времени въ разсужденіи обрядовъ; собралъ всѣ же древнія писанія о томъ, время за временемъ находимыя въ разныхъ мѣстахъ Китая. Разсмотрѣвъ и сообразивъ тѣ и другія, сочинилъ книгу въ пятидесяти шести Частяхъ

стяхЪ, наименовавЪ ее *Ли*-Ку-КингЪ, сирѣчь книга древняя обрядовЪ и чиноположеній. СочинилЪ еще другую, раздѣлилЪ на шесть главЪ, подЪ названіемЪ Тшеу-Коан-КингЪ, или достовѣрный обрядникЪ, который наблюдаемЪ былЪ Мандаринами при ТшеуяхЪ. ВсѢ такіе труды Кун-Нган-Куэа поднесены Императору, и помѣщены вЪ ГосударственномЪ книгохранилищѣ; однако же обнародованы не прежде династіи восточныхЪ ГановЪ чрезЪ Тсао-Тшунга.

22. По-ТсингЪ, или Тсинг-Пу, изЪ области Пеиской.

23. Тсао-ТшунгЪ, ученикЪ Тсинг-Пуа, сочинилЪ обрядникЪ Ганской династіи, наименовавЪ оный Ган-*Ли*; сверьхЪ того издалЪ же сочиненія Кунг-Нган-Куэя.

24. Пу-КіэнЪ.

25. Тсао-ПіэнЪ, сынЪ Тшао-Кунга, докончилЪ Ган-*Ли* отца своего и издалЪ вЪ свѣтЪ, равно какЪ и сочиненіе же Тсин-Пуа.

26. Гіа-Гіэ-КунгЪ.

27. Уанг-*Ли*нЪ.

28. Тунг-КіунЪ.

29. *Л*іеу-ГіангЪ.

30. Ма-ЮнгЪ.

ВсѢ

Всѣ сіи писатели трудились въ теченіи династіи Гановъ.

31. У-Таи, то есть пять кратковременныхъ династій, послѣ Ганскаго поколѣнія Государей. Мало выходило тогда сочиненій; ибо имперія почти чрезъ все сіе время была упражнена войною. Одинъ только сочинитель сталъ извѣстенъ, писавшій подъ владычествомъ Государей Леангскаго поколѣнія.

32. Гоанг-Тшу, мужъ необыкновенно смиренномудрый, былъ изъ первыхъ Мандариновъ, или Членовъ Верховнаго Государственнаго Судилища Куэ-Тсеэ-Кіэнъ. Сочинилъ *Ли-Ки-Кіанг-Шу*, или объясненіе обрядника древнихъ, въ пятидесяти статьяхъ; былъ также и Предсѣдателемъ Судилища чиноположеній.

33. Тангъ, сирѣчь Танговой династіи, которые суть.

34. Тшунг-Тсеэ-*Лингъ*. Свѣдущѣе его не было въ тогдашнее время на древности. Трудился надъ книгою Га-Тсангъ, и произведеніе пера своего назвалъ Кіу-Тан-*Ли*. Смотри число 3. Былъ Членомъ въ Судилищѣ чиноположеній.

35. Юэн-И, трудился надъ сочиненіями обоихъ Таіэвъ. Смотри число 7.

36. Уэн-Танъ, жилъ въ царствованіе Те-Тсунга, девятаго Императора поколѣнія Тангова. Примѣчаніе его на обряды древнихъ въ великомъ почтеніи.

37. Уэн-Ки, братъ Уэн-Тана, трудился обще-

38. Пе-Тси, то есть писатели кратковременной династіи Тсиской. Свирѣпствующая тогда война по всему государству, не допускала никого прилѣжать къ наукамъ.

39. Гіунг-Нган-Шенгъ, уроженецъ Фу-Тшенгскій, ученикъ Тшен-Куэіэвъ, отъ котораго наученъ былъ разумѣть все достойнѣйшее вниманіе въ книгахъ трехъ знатнѣйшихъ творцевъ объ обрядахъ и чиноположеніяхъ древнихъ, именно же Као-Танг Шенгъ, Геу-Тсангъ и Гіу-Шенгъ. Сверьхъ того прилѣжалъ толковать книгу Тшеу-*Ли* съ помощію Фанг-Кіауа, книгу же Ку-*Ли* съ помощію *Ли*-Пао-Тинга. Издалъ въ свѣтъ примѣчанія на древніе обряды, и за то награжденъ мѣстомъ Члена одного изъ Верьховныхъ Судилищъ, съ титломъ По-Хе. Былъ весьма искусенъ во всякомъ родѣ учености; оставилъ по себѣ двухъ знаменитыхъ учениковъ: *Лі*эу-Тшо и *Лі*эу-Гіуэнъ.

40 Сунгъ, сирѣчь писатели кратковременной Сунговой династіи.

41. Шен-Тао-Янгъ, по прозванію Юунг-Тше, изъ Фу-Тшеуа; былъ Мандаринъ степени По-Хе при Тше-Сунгѣ, седьмомъ Императорѣ поколѣнія Сунговъ. Сочинилъ изящную книгу объ обрядахъ во стѣ пяти главахъ, подъ названіемъ *Ли*-Шу, или книга обрядникъ.

42. Тшен-Гао, инако же Кин-Куэи, уроженецъ Ту-Тшангскій, ученикъ Тшу-Гіа. Тшу-Ги не задолго предъ смертію своею толковалъ Шу-Кингъ, Тсаи-Шэну, *Ли*-Ки же Тшен-Гаоу. Послѣдній воспользовался на-

наставленіями учительскими, и съ помощію иныхъ записокъ сочинилъ книгу *Ли*-Ки-Шуэ, или толкованіе *Ли*-Кіа, упражнявшися въ томъ не мѣнѣе десяти лѣтъ.

43. Тшен-Янгъ, прозванный Кин-Ше, младшій братъ Тшен-Тао Гіанга; писалъ о древней музыкѣ, наименовавъ оное Ю-Шу, въ двацати главахъ. А какъ музыка не разлучно сопряжена съ обрядами и чиноположеніями, то къ слову упоминалъ же и объ оныхъ. Собралъ, впрочемъ, все самое достовѣрнѣйшее изъ книгъ, до его времени сочиненныхъ. Былъ Мандариномъ въ Судилищѣ Таи-Тшанг-Тсеэ, и главнымъ Начальникомъ надъ обрядами при жертвоприношеніяхъ.

ТА-

Таблица XV.

ТАБЛИЦА ЛѢТОЧИСЛЕННАЯ
Писателей о Ше-Кингѣ.

1. Кунг - Тсеэ.	35. Коанг - Генгѣ.
2. Фу - Кіеу - По.	36. Ше - Танъ.
3. Шен - Кунгѣ.	37. Пи - Юнгъ.
4. Гіу - Коанг - Те.	38. Ман - Тшангѣ.
5. Кунг - Шенгѣ.	39. Тшанг - Ганъ.
6. Уэн - Монгѣ.	40 Ган - Vнгѣ.
7. Кунг - Ше.	41. Пен - Шенгъ.
8. Тоан - Кіэу - Тсіанг - Кунгъ.	42. Ган - Шангѣ.
9. Кунг - Кган - Куе.	43. Ган - Шенгъ.
10. Тсинг - Ки.	44. Кан - Каон - Яо.
11. Тшеу - Па.	45 Тшао - Тсеэ.
12. Гіу - Vэнъ.	46. Тсан - V.
13. Тшао - Коанъ.	47. Ше - Тсеэ - Кунгъ.
14. Уэн - Гіенъ.	48. Сван - Ки.
15. Уэн - Фанг - Шанъ.	49. Лу - Фунгѣ.
16. Уэн - Кунгъ.	50. Тшанг - Сун - Шунѣ.
17. Уэн - Шунѣ.	51. Ти - Фу.
18. Уэн - Сивен - Тшенгѣ.	52. Тшанг - Кіеу.
19. Гіу - Шенгъ.	53. Мао - Кунгѣ.
20. Оаанг - Ше.	54. Кунг - Нган - Куе.
21. Танг - Тшанг - Пинъ.	55. Ован - Гунгѣ.
22. Тшу - Шао.	56. Ту - Гоэн.
23. Гіу - Vэнъ.	57. Санг - Тсинѣ.
24. Тшанг - Тшанг - Нганъ.	58. Тшанг - Тшоунгѣ.
25. Тшанг - Уэу - Тсингѣ.	59. Кіа - Ксэн.
26. Оаанг - Гіа.	60. Ма - Vунгъ.
27. Vвен - Кю.	61. Тшенг - Гіуенъ.
28. Гіеу - Тшангъ.	62. Коан - Тшанг - Тсинъ.
29. V - Фонгѣ.	63. Сіэ - Vэн - Нікнъ.
30. Пинг - Тангъ.	64. Гіу - Нгас.
31. Пан - Па.	65. Тшен - Гіа.
32. Гіао - Оаанг - Тше.	66. Сіе - Ман - Тсингѣ.
33. Фу - Ли.	67. Овен - Гунгъ.
34. Панг - Vэнѣ.	68. Vн - Минѣ.

Таблица пятаянадесять.

Имена знатнѣйшихъ толкователей и дополнителей древней книги Ше-Кинга:

1. Кунг-Тсеэ, или Конфуцій. Онъ первый издалъ собранія стихотвореній, дабы могли быть читаны всякаго званія людьми безъ разбора, и сіе принято Китайцами книгою священною.

2. Фу-Кіэу,-По, толковалъ Шу-Кингъ-Юэн-Уэнгу, Царю Тшускому, который повиновался ему, какъ обычайно ученики наставникамъ своимъ; уроженецъ изъ царства Тсискаго.

3. Шен-Кунгъ, инако зовомый Пеи, родился въ царствѣ Лускомъ; былъ учителемъ Гіуа, сына Луска-го Царя. Чрезъ успѣхи толкованія Ше-Кинга прославился во всемъ Китаѣ. Императоръ Ган-У-Ти услышавъ, что онъ на девятомъ уже десяткѣ вѣка своего провождаетъ уединенную жизнь, вызвалъ его ко двору: . . . ,, Ибо, говаривалъ сей Государь, единое его присудствіе вперитъ каждому любовь ,, къ наукамъ. ,, Почтилъ его достоинствомъ изъ первыхъ въ государствѣ, подъ названіемъ Та-Тшунг-Таи-Фу.

4. Гіэу-Коанг-Те, инако же Тшенг-Тсингъ, изъ Пеи-Куина, толковалъ Ше-Кингъ Лускому народу; былъ изъ учителей Тшанг-Гина.

5. Кунг-Шенгъ, изъ царства Тшускаго.

6. Уэи - МенгЪ, изЪ учителей Юэн - Уанга, Царя Тшускаго. И - УангЪ, сынЪ Юэн - Уанга, учился же у него; но какЪ вмѣсто жизни добродѣтельной, столь свойственной ГосударямЪ, вдался онЪ во всякіе пороки: то Уэи - МенгЪ сложилЪ сЪ себя чины и удалился отЪ Двора. Полезные труды его надЪ Ше - КингомЪ изданы вЪ народЪ.

7. Кунг - Ше, изЪ царства Тшускаго, младшій братЪ Кунг - Шенга.

8. Тоан - Кіэу - Тсіанг - КунгЪ, толковалЪ Ше - КингЪ со всеобщею похвалою. ИмператорЪ Ган - У Ти пожаловалЪ его МандариномЪ степени По - Хе. Большая часть учениковЪ его прославилися сочиненіями своими.

9. Кунг - Нган - Куэ, нужныя учинилЪ примѣчанія на Ше - КингЪ. Упомянуто уже обЪ немЪ выше.

10. Тсинг - Ки, изЪ города Кіуэ - МенЪ, вЪ небольшемЪ царствѣ ГіускомЪ.

11. Тшеу-Па, былЪ великимЪ ДворецкимЪ Царя Ніо - Гіа.

12. Гіу - ІэнЪ, изЪ знатныхЪ вельможей того же Царя.

13. Тшао - КоанЪ, уроженецЪ области Таи, одинЪ изЪ цѣнителей общественныхЪ нравовЪ народа, подЪ владычествомЪ Ганскаго поколѣнія ИмператоровЪ.

14. Уэи-Гуэнъ, потомокъ Уэи-Монговъ, слылъ наиученнѣйшимъ мужемъ вѣка своего. Всѣ въ наукахъ упражнявшіеся въ царствахъ Тшеускомъ и Лускомъ, разумѣли его учителемъ своимъ. Толковалъ Ше-Кингъ. Осталось по немъ множество славныхъ учениковъ. Призванъ ко Двору; былъ наставникомъ трехъ Императоровъ, одному за другимъ: Ган-У-Тію, Тшао-Тію, и Сіуэн-Тію. Потомъ государственнымъ дѣловцемъ; Княземъ Фу-Янгомъ, умеръ съ оружіемъ въ рукахъ осьмидесяти двухъ лѣтъ отъ рожденія, къ великому сожалѣнію Сіуэн-Тія. Къ чинамъ его и достоинствамъ, коими почтенъ былъ въ жизни, пріобщено еще новое титло Кіэ-Гэу, сирѣчь Князь просвѣщенный, испытаннаго прводушія.

15. Уэи-Фан-Шангъ, старшій сынъ Уэи-Гуэна, не меньше отца своего былъ ученъ; но умеръ молодъ, удостоившись однако же получить въ награду достоинствъ своихъ правительство области Кас-Тсингской.

16. Уэи-Гунгъ, вторый сынъ Уэи-Гана, былъ Правителемъ Тунг-Ганскимъ.

17. Уэи-Шунъ, третій сынъ Уэи-Гуэновъ, не восхотѣлъ вмѣшиваться ни въ какія государственныя дѣла; жилъ при гробѣ отца своего, какъ отшельникъ, ни чѣмъ инымъ не занимаясь кромѣ обмышленій объ У-Кингѣ и толкуя священныя книги, предпочтительнѣе же прочимъ Ше-Кингъ. Просмотрѣвъ и исправивъ со тщаніемъ труды братьевъ своихъ, присоединилъ оныя къ собственнымъ, и издалъ въ свѣтъ.

18. Уэи-Сіуэи-Тшенгъ, прозванный Шао-Юнгъ, послѣдній сынъ Гуэи-Гуэна; ознаменовался толкованіями

ніими Ше-Кинга. Былъ учителемъ сыновей Юэи-Тіа и государственнымъ дѣловцемъ. Китайцы въ его время ввели въ пословицу, что науки избрали убѣжищемъ „своимъ наслѣдниковъ Уэи-Гіэна, и изъ дому ихъ „пускали лучи свѣта по всему Китаю.„ Скончался онъ въ третіе лѣто владычества Кіэн-Тшаоа, то есть за тридесять шесть лѣтъ до рождества Христова. Императоръ почтилъ его знаменитымъ титломъ Кунг-Гіэу, что толкуется Князь, все знающій.

19. Гіу-Шенгъ, изъ царства Лускаго.

20. Уанг-Ше, уроженецъ Тунг-Пингскій, учитель Тшанг-И-Уанга, Князя данника, который былъ человѣкъ порочный, а наконецъ и бунтовщикъ, осужденный Императоромъ на смерть. Казненъ бы подобно же былъ и Уанг-Ше, но удалось ему доказать, что всячески старался исправлять злыя склонности ученика своего изустно и письменно. Представилъ преподаванное имъ ему толкованіе Ше-Кинга, которое состояло въ правилахъ, какъ быть добродѣтельну, повиноваться законамъ, усердствовать къ придержащей власти. Императоръ простилъ его; имя его изъ списка зломышленныхъ вычернено.

21. Танг-Тшанг-Пинъ, изъ Тунг-Пинга, былъ Мандариномъ степени По-Хе.

22. Тшу-Шао-Сунъ, изъ области Пеиской, жилъ въ теченіи династіи Танговой. Тогдашніе ученые люди роптали на поврежденныя мѣста въ Ше-Кингѣ; услышавъ же, что Тшу-Шао-Сунъ имѣетъ у себя самый древній списокъ книги сей, испросили у него. По сличеніи же со всѣми иными древними сочиненія-

ми

ми открылось что списокъ сей несравненно всѣхъ иныхъ полнѣе и исправнѣе; и такъ начали повсюду толковать Ше-Кингъ Тшу-Шао Суновъ.

23. Гіу-Іэнъ.

24. Тшанг-Тшанг-Нганъ, изъ области Тшеуской.

25. Тшанг-Іэу-Тсингъ.

26. Уан-Гіа.

До сего упомянутые писатели толковали и дополняли Ше-Кингъ царства Лускаго; а теперь пойдутъ толкователи же и дополнители Ше-Кинга Тсискаго царства.

27. Юэн-Ку. Кинг-Ти, Сискій Царь, пожаловалъ его Мандариномъ степени По-Хе; послѣже и правителемъ Тсин-Госкимъ. Сыномъ Государя сего, Императоромъ У-Тіемъ, призванъ ко Двору и облагодѣтельствованъ всячески. Отрекся отъ знатнѣйшихъ государственныхъ чиновъ за старостію; ибо доживалъ уже девятый десятокъ лѣтъ отъ рожденія. Вельможи, подражая Государю, оказывали ему почтеніе; а славный оный тогдашняго времени государственный дѣловецъ Кунг-Гунг-Сунгъ, чрезъ своеручное подписаніе, приказнымъ обрядомъ, призналъ его учителемъ своимъ.

28. Геу-Тсангъ, Тунгъ Ганскій, ученикъ Юэн-Куа.

29. И-ФунгЪ, прозванный Шао-ТіунЪ, учился Ше-Кингу у одного толкователя, сЪ Гіао-Уанг-ТшеемЪ и Коанг-ГенгомЪ. БылЪ прежде МандаринЪ, или ЧленЪ одного изЪ великихЪ СудилищЪ, а по томЪ Государственный СовѢтникЪ.

30. Пинг-ТангЪ, инако же Тсеэ-Сеэ, уроженецЪ Пинг-Лингскій. ИмператорЪ Іуэн-Ти произвелЪ его прежде вЪ Мандарины степени По-Хе, а по томЪ вЪ главные Смотрители надЪ рѢками. ИмператорЪ Нгай-Ти пожаловалЪ его главнымЪ при общественныхЪ обрядахЪ; далѢе ГосударственнымЪ дѢлоецемЪ и КняземЪ внутреннихЪ рубежей имперіи.

31. Пан-Пе, изЪ царства Тсискаго.

32. Гіао-Уанг-Тше, по прозванію Тшанг-ГіэнЪ, уроженецЪ Тунг-Ганскій. ИмператорЪ Гіуэн-Ти избралЪ его толкователемЪ Ше-Кинга для сыновей своихЪ и первымЪ надЪ прочими ихЪ учителями. ПослѢ учиненЪ онЪ былЪ первымЪ же цѢнителемЪ общественныхЪ нравовЪ. БылЪ столько же свѢдущЪ на дѢла воинскія; достигЪ степени верьховнаго Полководца. Имя его было славно; разумѢлся великимЪ мужемЪ вЪ войнѢ и наукахЪ.

33. Фу-Ли, изЪ Тси-Нана, что вЪ области Шанг-ТонгЪ, потомокЪ Фу-ШенговЪ, ученикЪ Гіао-Уанг-ТшеевЪ, у котораго и слушалЪ Ше-КингЪ.

34. Пинг-ІэнЪ, сынЪ Пинг-Танга, мужЪ искусный, паче же вЪ толкованіи Ү-Кинга и Ше-Кинга: писалЪ обЪ обѢихЪ сихЪ древнихЪ книгахЪ со всеобщею похвалою. Прежде былЪ ПредсѢдатель Судилища чино-

чиноположеній, по томъ пожалованъ Княземъ Фанг-Гіангомъ и первымъ государственнымъ дѣловцемъ на мѣсто отца своего, также преславнаго въ наукахъ мужа, коего помнятъ и по нынѣ у Китайцевъ въ почтеніи.

35. Коан-Генгъ, прозванный Я-Куэ, изъ Тунг Гаіа, имѣлъ знаніе великое древнихъ книгъ, особенно же Ше-Кинга, которую и толковалъ отмѣнно вразумительно. Императоромъ Юэн-Тіемъ опредѣленъ въ учители сыновьямъ его; далѣе же, помѣщенъ между дворецкихъ сего Государя, и пожалованъ первымъ цѣнителемъ общественныхъ нравовъ. Въ третіе лѣто владычества Кіэн-Тшаоа, сирѣчь за тритцать шесть лѣтъ до рождества Христова, учиненъ первымъ Государя сего дѣловцемъ и Княземъ Ло-Нганомъ.

36. Ше-Танъ, изъ учениковъ Коан-Генговыхъ, которому не уступалъ въ свѣденіяхъ о древности. Не было мѣста въ Ше-Кингѣ, темнаго для него: предпочиталъ книгу сего имени, царства Тсискаго. Пріобщилъ къ оной дополненія отъ себя, много почитаемыя; впрочемъ былъ и стихотворецъ.

37. Пи-Янгъ.

38. Монг-Тшанг-Ганъ, изъ царства Іэн-Искаго.

39. Тшанг-Ганъ; толкователи Ше-Кинга царства Тсискаго; теперь слѣдуютъ толкователи же Ганскаго Ше-Кинга:

40. Ган-Ингъ, изъ царства Іэнскаго. Отличился въ разныхъ родахъ наукъ, паче же прилѣжалъ къ чтенію древнихъ книгъ. Императоръ Гіао-Уэн-Ти пожало-

ловалЪ его МандариномЪ степени По-Хе, а ИмператорЪ же Кинг-Ти ПравителемЪ Тшанг-ШангскимЪ. ПослѢ преходилЪ изЪ одного знатнѢйшаго государственнаго чина вЪ другой, наконецЪ посвятилЪ время свое толкованію Ше-Кинга. ИздалЪ сочиненіе, назвавЪ Неи-Уаи-ТшуэнЪ. Сочиненіе чрезмѣрно пространное, наполненное однако же розысковЪ полезныхЪ и любопытныхЪ: никто не жалѢетЪ часовЪ, употребленныхЪ на чтеніе онаго.

41. Пен-ШенгЪ, уроженецЪ Гоаи-Нанскій, ученикЪ Ган-ИнговЪ.

42. Ган-ШангЪ, внукЪ Ган-ИнговЪ, МандаринЪ степени По-Хе; просматривалЪ и исправлялЪ сочиненія дѢда своего, и нѢчто прибавилЪ.

43. Ган-ШенгЪ, внукЪ Ган-ШанговЪ, не помрачилЪ славы предковЪ своихЪ. СЪ успѢхомЪ толковалЪ Ѵ-КингЪ и Ше-КингЪ. ИмператорЪ Гіуэн-Ти учинилЪ его собственнымЪ своимЪ письмоводцемЪ.

44. Каи-Коан-Яо, слушалЪ толкованіе Ше-Кинга У-Ган-Шенга; а Ѵ-КингЪ У-Монг-Гіа. БылЪ ПредсѢдателемЪ уголовнаго Суда при ИмператорѢ Гіуэн-ТіѢ.

45. Тшао-Тсеэ, изЪ области Гоней, ученикЪ Ган-ИнговЪ.

46. Тсаи-И, той же области, отмѢннымЪ образомЪ толковалЪ Ше-КингЪ. Достоинства и ученость возвели его вЪ званіе Государственнаго дѢловца.

47. Ше-Тсеэ-КунгЪ, изЪ области Тшеской.

48.

48. Уанг-Ки, по прозванію Тсеэ-Янгъ, уроженецъ Лянг-Тсіэскій, былъ великимъ дворецкимъ Князя крови Шанг-И-Уанга, брата Императорскаго; послѣ же цѣнителемъ общественныхъ нравовъ.

49. Лу-Фонгъ.

50. Тшанг-Сун-Шунъ.

51. Ти-Фу.

52. Тшанг-Кіэу, толковали и дополняли Ше-Кингъ, каждый по тому Ше-Кингу, который былъ употребляемъ на мѣстахъ пребыванія ихъ. Существенно не разнилися почти ни въ чемъ; но не одинаковое имѣли разположеніе частей, не одинаковыя прибавленія, не одни выпуски, размѣщенія однѣхъ и тѣхъ же буквъ. Со изобрѣтеніемъ бумаги миновало неудобство сіе. Нужно только стало умѣть не ошибаться въ выборахъ дощаныхъ книгъ. Общимъ приговоромъ всѣхъ ученыхъ людей въ государствѣ предпочитенъ Ше-Кингъ Мао-Кунговъ.

53. Мао-Кунгъ, царства Тшаоскаго, первый ученый мужъ своего времени, великій стихотворецъ.

По смерти Конфуція Тсеэ-Гіа, изъ учениковъ его толковалъ Ше-Кингъ Шэн-Кунгу, и далъ ему книгу сію, полученную имъ отъ Кунфуція. У Шэн-Кунга ученикомъ былъ Мао-Генгъ, получившій тотъ же самый даръ, который напослѣдокъ достался въ руки ученика же его Мао Кунга. Сей издалъ толкованіе Ше-Кинга, снискавшее всеобщее одобреніе ученыхъ мужей.

54. Кунг-Нган-Куэ, изЪ первыхЪ вельможЪ вЪ государствѢ, первый же цѢнитель общественныхЪ нравовЪ, разумѢлЪ Ше-КингЪ Мао-КунговЪ самымЪ достовѢрнѢйшимЪ памятникомЪ древности, и доказывалЪ то сочиненiями своими.

55. Уанг-ГунгЪ, МандаринЪ степени По-Хе при ИмператорѢ Уанг-МонгѢ.

56. Ту-ЮнЪ, ученикЪ Уанг-ГунговЪ, также МандаринЪ степени По-Хе и при томЪ же ИмператорѢ.

57. Санг-ТсинЪ, цѢнитель общественныхЪ нравовЪ при Манг-ЯнгѢ.

58. Тшенг-ТшунгЪ.

59. Каи-Коэи.

60. Ма-ЮнгЪ.

61. Тшенг-ГiуэнЪ, первый писецЪ на бумагѢ Мао-Кунгова Ше-Кинга. ВЪ заглавiи онаго положилЪ онЪ сiи буквы: Мао-Ше-ТсiэнЪ.

62. Коан-Тшанг-ТсингЪ, изЪ царства Тшао-скаго.

63. Сеэ-Iэн-НiенЪ.

64. Гiу-Нгао.

65. Шен-Гiа.

66.

66. Сеэ-Ман-Тсингъ, сочинитель Мао-Ше-Гіуна, сирѣчь наставленія для читателей Ше-Кинга Мао-Кунгова.

67. Уэн-Гунгъ, инако же Кинг-Тшунгъ, Предсѣдатель Судилища чиноположеній. Сочинилъ книгу Ган-Тіэу-И, или сочиненіе, раздѣленное на четыре части; въ ономъ толкуетъ онъ древніе обычаи, прежде вышедшіе изъ употребленія, но возобновленные Императорами Ганскаго поколѣнія. Онъ же толковалъ и обнародовалъ Ше-Кингъ Моа-Кунговъ.

Таблица XVI.

ТАБЛИЦА ЛѢТОЧИСЛЕННАЯ
Именъ толкователей Тшу - Тсіэуа Конфуціева.

1. Тсо - Ше.
2. Шен - Шенгъ.
3. У - Ки.
4. Туо - Кіао.
5. Лу - Тсингъ.
6. Кіа - Ѵ.
7. Ѵн - Шенг - Ше.
8. Ѵн - Кіэнъ.
9. Гоу - Тшангъ.
10. Тшанг - Ѵу.
11. Коан - Кунгъ.
12. Коан - Тшанг - Тшингъ.
13. Тшан - Фанг - Кинъ.
14. Ліэу - Ѵунъ.
15. Кіа - Гоэи.
16. Ту - Ѵу.
17. Кіа - Коэн.
18. Тшенг - Тшунгъ.
19. Гун - Коангъ.
20. Тшанг - Тсангъ.
21. Тшанг - Тшангъ.
22. Кіа - Гу.
23. Тшен - Тсинъ.
24. Кунг - Уангъ.
25. Пингъ.
26. Ти.
27. Канъ.
28. Шеу.
29. Тунг - Тшунг - Шу.
30. Ли - Ѵу.
31. Тшу - Тэ.
32. Лу - Пу - Шу.
33. Ѵн - Тшунгъ.
34. Ѵан - Пи.
35. Го - Сіэу.
36. Фу - Тсіенъ.
37. Гу - У - Шенгъ.
38. Ѵн - Кунгъ.
39. Манг - Тсингъ.
40. Му - Монгъ.
41. Ѵэн - Нган - Ле.
42. Ѵен - Понг - Тсу.
43. Тинг - Кунгъ.
44. Ованг - Тшунгъ.
45. Тунг - Мен - Ѵунъ.
46. Тшунг - Гингъ.
47. Леанг - Ку.
48. Сун - Тсинъ.
49. Шен - Кунгъ.
50. Кіанг - Кунгъ.
51. Гао - Гинг - Кунгъ.
52. Кіанг - Шенгъ.
53. Кю - Тшангъ.
54. Сіао - Тшенгъ.
55. Династія Тсинова.
56. Фан - Нингъ.
57. Династія - Тангова.
58. Тан - Тшу.
59. Юнг - Кунгъ.
60. Тшеу - Тсингъ.
61. Тинг - Гингъ.
62. Тсан - Тсіен - Тсіэу.
63. Ѵн-Кенг-Ше.
64. Ованг - Ѵэнъ.
65. Леу - Гіангъ.
66. Тшан - Фанг - Кингъ.
67. Фанг - Фунгъ.
68. Ѵн - Кіэнгъ.

Таблица шестанадесять.

Изъ всѣхъ старинныхъ писателей, толковавшихъ и дополнявшихъ древнюю книгу Тшун-Тсіэу, безъ прекословія наилучшіе суть: Тсо-Ше, Кунг-Янгъ и Леанг-Ку. Первый былъ современникъ, другъ и ученикъ Конфуція, а послѣдніе ученики учениковъ его. Всѣ трое трудилися въ толкованіи преславнаго его сочиненія. Плодами ихъ имѣемъ Тшун-Тсіэу, Тсо-Шевъ; Тсун-Тсіэу, Кун-Янговъ; Тшун-Тсіэу, Леанг-Куэвъ. Писали всѣ одно, а не разное, какъ думаютъ нѣкоторые Европейцы.

1. Тсо-Ше, или инако Тсо-Кіэу-Мингъ, изъ царства Лускаго; городъ, нынѣ называемый Уэн-Шанг-Гіэвъ, что въ округѣ Іэн-Тшеу-Фу, въ области Шанг-Тонской, есть отечество его. Потомокъ И Гіанга, знаменитаго Исторіографа царства Тшеускаго, да и самъ не за долго предъ смертію Конфуція исправлялъ то же званіе. Научился изустно отъ сего Философа понимать самые трудные смыслы Ше-Кинга, да и вспомоществовалъ ему въ сочиненіи Тсин-Тшіэуа. Вмѣстѣ съ нимъ и въ одной повозкѣ путешествовали ко Двору Императорскому, для испрошенія, чтобъ позволено имъ было не только читать всеобщую Исторію Китая, но и выбирать изъ оной нужное. Желаніе ихъ исполнилось: Конфуцій возъимѣлъ удобность усовершенствовать книгу свою. Тамъ, гдѣ косвенно токмо вяжутся общія произшествія съ царствомъ Лускимъ, упоминаетъ объ нихъ вскользь; а совсѣмъ молчитъ о постороннихъ, паче же неозначенующихъ ни порочнаго, ниже достохвальнаго правительства. Чего недостаетъ въ подлинникѣ, то наполняетъ отъ себя. Тсо-Кіэу-Мингъ крайнѣ старался

ся ничего не пропустить. Былъ весьма знающъ въ Исторіи всеобщей. Сочинилъ самъ оную, начиная отъ царствованія Му-Уанга, пятаго Императора поколѣнія Тшеускаго, то есть за тысячу и одинъ годъ прежде рождества Христова, даже до владѣнія Лускаго Царя Тше-Поа, инако называннаго Тшо-Кунгомъ, преемника Нгаи-Кунга.

По смерти Конфуція, ученики его толковали Тсин-Тсіэу, каждый по своему; но какъ прилѣплялися наипаче къ надлежащему до нравственности, нежели къ точности исторической, то Тсо-Кіэу-Мингъ опасаяся, дабы толь драгоцѣнная часть исторіи отечества его со временемъ и совсѣмъ не была перепорчена, издалъ се таковою, какъ вышла отъ пера своихъ сочинителей: пріобщивъ къ тому собственное свое дополненіе. Книга сія названа имъ Неи-Уэ-Тшуенъ, или объясненія замыкающагося въ Тсин-Тсіэуѣ, и произшествій, случайно упоминаемыхъ сею книгою.

Неи Уэ-Тшуэнъ, какъ можно понять, сочиненъ въ двухъ намѣреніяхъ: чтобъ истолковать и объяснить исторію Лускаго царства; вовторыхъ, внести общія Китайскія дѣла, о которыхъ умолчано въ Тшун-Тсіэуѣ, восходя въ древность даже до временъ Императора Му-Уанга, далѣе тремя стами годами, нежели восходитъ книга Тсин-Тсіэу.

Подъ конецъ жизни своей Тсо-Кіуэу-Мингъ ослѣпъ. Сочиненное и писанное имъ, яко уже безполезное для него къ тому, отдалъ Шенг-Кунгу. Сей читалъ оное предъ своими учениками, и такимъ-то образомъ достигло до временъ нашихъ. Сочиненіе Неи-Уэ-Тшуэнъ найдено было въ цѣлости, равно какъ и Тсин-

Тшуэи

Тшуэн, во дни Императора Нган-Тан-Тіа, который то и другое торжественнымъ выносомъ помѣстилъ въ Уэн-Міаоѣ подлѣ Кинговъ, въ первыхъ годахъ Христіянскаго лѣтосчисленія. Болѣе нежели чрезъ шесть сотъ лѣтъ, Тан-Тсунгъ, вторый Императоръ поколѣнія Тангскаго, также помѣстилъ дщицы, Тсоиэ-Ку-Минга, въ двадесять первое лѣто Тшен-Коанга, сирѣчь въ шесть сотъ сорокъ седьмомъ году по рождествѣ Христовѣ. Гоэи-Тсунгъ, осьмый Императоръ поколѣнія Тсунговъ, на шестомъ году Тсинг-Гоа, то есть тысяча сто шестагонадесять послѣ Христа, почтилъ мудраго сего мужа титломъ Князя Тшунг-Туа. Въ девятое же лѣто Кіа-Тсинга, или въ тысяча пять сотъ тритцатомъ году Христіанскаго лѣтосчисленія, Ше-Тсунг-Су-Ти, вторыйнадесять Императоръ поколѣнія Мингскаго, проименовалъ его Премудрымъ древнія учености, Сіэн-Ю-Тсо-Тсеэ.

2. Шен-Шенгъ, изъ царства Лускаго, другъ и ученикъ Тсо-Кіэу-Минга.

3. У-Ки.

4. Туо-Кіао, сынъ младшаго брата У-Кіэва.

5. Лу-Тсингъ, сочинилъ Міао-Тсо-Кіэу-Кіуэнъ, или выборъ существеннѣйшаго въ Тшун-Тсіэуѣ, въ девяти главахъ.

6. Кіа-Ѵ, изъ Ло-Янга, Исторіографъ царства Леангскаго, творецъ книги Тсо-Ше-Тшуэн-Гіунъ, или обьясненія дополнителей Тсо-Шея.

7. Ѵн-Шенгъ-Ше, размножилъ списки сочиненія Тсо-Кіэу-Минга, относительныя къ Тшун-Тсіэуу; разсѣ-

сѣялъ оныя по всему государству, и съ охотою отвѣчалъ вопрошавшихся съ нимъ о чемъ либо, надлежащемъ до книги сей.

8. Ѵн-Кіэнъ, сынъ Ѵн-Шенга.

9. Гу-Тшангъ, Мандаринъ степени По-Хс.

10. Тшанг-Ю, инако Тсеэ-Уэнъ, уроженецъ Тсингоскій, первый государственный цѣнитель нравовъ общественныхъ.

11. Коан-Кунгъ, изъ царства Тшаоскаго, изъ знатнѣйшихъ придворныхъ Гіэн-Уанга, Царя Го-Кіэнскаго.

12. Канг-Тшанг-Тсингъ, сынъ Куан-Кунга.

13. Тшаи-Фанг-Кинъ, Предсѣдатель Уголовнаго Суда, а напослѣдокъ и государственный дѣловецъ.

14. Ліэу-Линъ, по прозванію Тсеэ-Кунгъ, имѣлъ знатный чинъ въ гражданской службѣ при Императорѣ Нгаи-Тіѣ; толковалъ шесть Кинговъ; сочиненіе его наименовано Ліэу-Кинг-Кіэ-Ли-Гіо. Трудился также и относительно къ Тшун-Тсіэуу; по справедливости почитаютъ его возстановителемъ Китайскія учености.

15. Гіа-Гоэи, потомокъ, въ седьмомъ колѣнѣ, знаменитаго Кіа-Уа.

16. Ту-Ю, инако Юэн-Каи, ученнѣйшій мужъ времени своего; особенно прославился изящными своими

имми

ми толкованіями Тшун-Тсіэуа. Сочинилъ Тсинг-Тшуэнъ, или толкованіе классическихъ книгъ; и Тсо-Ше-Ти-Кіэ, то есть обьясненіе записокъ Тсо-Шеовыхъ.

17. Кіа-Куэи, сынъ Кіа-Гоэія; труды его, въ двятцати и одной книгѣ, названы Тсо-Ше-Тіао-Ли, и суть толкованія трудовъ же Тсо-Кіэу-Минговыхъ.

18. Тшенг-Тсунгъ, Правитель У-Кіэнскій, послѣ же Председатель Судилища, у коего въ вѣдомствѣ государственныя подати. По волѣ Императора разсматривалъ Тшун-Тсіэу, и сличалъ съ списками самыми достовѣрнѣйшими: нашелъ, что внесено было посторонныхъ девятнатцать статей, въ подлинникѣ и дополненіяхъ; выпустилъ ихъ и издалъ Тшун-Тсіэу, по днесь почитаемый учеными людьми.

19. Гіу-Коангъ, сочинилъ толкованія надъ Тшун-Тсіэу, подъ именемъ Гіун-Тсеэ и Сан-Ше-Тіэнъ, сирѣчь тридесять статей Гіун-Тсея.

20. Тшанг-Тсангъ, прославился глубокимъ знаніемъ исторіи. Въ началѣ царствованія Гановъ поощряемы были ученые люди отъискивать древніе памятники, отличающихся же успѣхами въ томъ награждали. Тсан Тшангъ почтенъ титломъ Князя Пеи Пинга, за примѣчанія великой цѣны на мѣста самыя трудныя Тшун-Тсіэуа.

21. Тшанг-Тсангъ, трудился надъ Тшун-Тсіэуемъ, вычищеннымъ отъ Гіу-Коанга; за что Императоръ пожаловалъ его однимъ изъ первыхъ людей въ столицѣ своей.

22. Кіа-Гу, изъ Ли-Анга.

23. Тшен-Тсинъ, изъ Тсанг-Уа; знаменитѣе его не было между учеными при хищникѣ престола Уанг-Мангѣ, коему и приписалъ толкованіе свое Тшун-Тіэуа, дополненное Тсо-Кіэу-Мингомъ. Не меньше того славенъ былъ въ войнѣ; дослужился степени верховнаго Полководца.

24. Кунг-Янгъ. Выше уже сказано, что три было наилучшихъ толкователей Тшун-Тсіэуа. Кунг-Янгъ занимаетъ второе мѣсто. Родился въ царствѣ Тсискомъ, въ городѣ третіей степени, называемомъ Линг-Тао-Гіэнъ, въ области Шэнг-Тонской. Проводилъ всю жизнь, толкуя Тшун-Тсіэу. Книгу сію предпочиталъ всѣмъ инымъ древнимъ книгамъ. Говаривалъ, что чрезъ чтеніе Тшун-Тсіэуа научиться можно знать людей, умѣть ими правительствовать и пользоваться ими. Преподавалъ всенародно ученіе сей книги въ области Си-Го, и издалъ объясненіе оной, назвавъ Янг-Ше-Тшуэнъ. По смерти его переходило оное изъ рукъ въ руки отъ сына къ сыну въ томъ же семействѣ; наконецъ достигло и до Тунг-Шунг-Шуа, жившаго при Государяхъ Ганскаго поколѣнія. Сей Тунг-Шунг-Шу трудъ предка своего вырѣзалъ на дщицахъ изъ бамбуевова дерева, и читалъ ученикамъ своимъ. Послѣ Тшунг-Тунг-Шуа досталось Го-Сіэуу, издателю онаго въ свѣтъ. Всѣ ученые люди приняли съ жадностію; мастера начали преподавать по частнымъ школамъ. Слава имени Кунг-Янга, инако же Кунг-Янг-Каоа, умножалася день отъ дня. Великій Таи-Тсунгъ, Императоръ поколѣнія Тангскаго, помѣстилъ дщицы его въ Конфуціевомъ Міаоѣ; а Тшенг-Тсунгъ, третій по порядку Императоръ Тсунгскаго поколѣнія, про-

провозгласилъ его Княземъ Лин-Таоскимъ, въ третіе лѣто Кіэн-Пинга, сирѣчь по тысячѣ годахъ отъ рождества Христова. Государи, наконецъ, поколѣнія Мингскаго, пріобщили къ титламъ его и Тсея, или премудраго.

25. Пингъ, или Кунг-Пингъ, сынъ Кунг-Янг-Каоа.

26. Ки, сынъ Кунг-Пинга.

27. Канъ, сынъ Тіа.

28. Шеу, сынъ Кана.

29. Тунг-Тшунг-Шу, по прозванію Коан-Фу, изъ Коанг-Шоана, сочинилъ Тшун-Тсіэу-Фан-Лу, или собраніе лучшихъ мѣстъ изъ Тшун-Тсіэуа и другихъ древнихъ книгъ. Училъ общенародно знанію сихъ книгъ въ Кунг-Янгѣ съ похвалою отъ всѣхъ.

30. Ли-Ю, изъ По-Гаіа, издалъ труды учителя своего Тунг-Тшунг-Шуа.

31. Тшу-Та, ученикъ того же учителя, былъ государственнымъ дѣловцемъ царства Леангскаго.

32. Лю-Шу-Пу, изъ области Уэнской, за ученость свою учиненъ былъ письмоводцемъ при государственномъ дѣловцѣ Леангскомъ.

33. Ин-Тшунгъ, изъ Коанг-Тшоана, Членъ Судилища чиноположеній.

34. Леанг Пи, племянникъ Ли - Юэвъ.

35. Го - Сіэу, изъ Іэн - Тшена, общенародно толковалъ Тшун - Тсіэу. Изобрѣлъ способъ удобнѣйшимъ образомъ толковать дополненіе Кунг - Янга; написалъ сравненіе между ученіемъ древнимъ и новѣйшимъ. Былъ Членомъ Правительства.

36. Фу - Тсіэнъ, инако Тсеэ - Шенъ, изъ Юнг-Янга, высоко чтутъ толкованія его на Тшун - Тсіэу; былъ Правителемъ Кіэу - Кіангскимъ.

37. Гу - У - Шенгъ, инако Тсеэ - Ту, изъ царства Тсискаго; въ школѣ толковалъ дополненіе Кунг - Янга. Императоромъ Кинг - Тіэмъ, поколѣнія Ганскаго, пожалованъ Мандариномъ степени По - Хе.

38. Инг - Лунгъ, изъ Тунг - Гаіа, подобно же преподавалъ дополненіе Кунг Янга. Во дни Императора Шао - Тіа былъ Правителемъ Кіэн - Ускимъ.

39. Монг - Тшингъ, изъ Тунг - Гаіа, Мандаринъ степени По - Хе, при Императорѣ Тшао - Тіѣ.

40. Му - Монгъ, изъ царства Лускаго, преподавалъ Тшун - Тсіэу толкованія Кунг - Янгова. Успѣхи въономъ доставили его мѣстомъ въ нижнемъ Судилищѣ, а послѣ учиненъ Правителемъ города Фу - Кіэ третіей степени, близъ коего родился.

41. Іэн-Нганъ-Ло, сынъ сестры Му - Монга, преподавалъ Тшун-Тсіэу Кунг-Янговъ, и обще съ братомъ своимъ Понг - Тсуэмъ сочинили и издали подъ своимъ именемъ новое толкованіе Тшун - Тсіѣ уа.

42.

42. Іэн-Понг-Тзу, братъ Іэн-Нган-Лоа, былъ между учителями сына и наслѣдника Императора Гіун-Тіэна. Съ помощію брата своего издалъ изящное толкованіе Тшун-Тсіэуа, назвавъ Ун-Эиъ, Эульг-Хе-Гіо, сирѣчь плодъ ученія двухъ Іэновъ.

43. Тинг-Кунгъ, изъ Шанг-Янга, ученикъ Іэн-Понг-Тсуа. Трудился подъ нимъ въ толкованіи Тшун-Тсіеуа. Императоромъ Коанг-У-Тіэмъ пожалованъ Мандариномъ степени По-Хе, а далѣе и Правителемъ, во вторыхъ, нѣкоего г рода первой степени. Почитался ученнѣйшимъ мужемъ того времени; имѣлъ болѣе тысячи учениковъ.

44. Уанг-Тшунгъ, изъ Ланг Сіэа, вторый Правитель города первыя степени, подъ Императоромъ Юэн-Тіэмъ.

45. Тунг-Мен-Юнъ, изъ первыхъ Мандариновъ Кин-Тшеуа.

46. Тшунг-Гингъ изъ Ю-Нана, ученикъ Тинг-Юнговъ, былъ между ближними учеными мужами Императора Коанг-У-Тіа. Совершенно разумѣлъ Тшун-Тсіэу, и имѣлъ достаточныя свѣденія о разныхъ Государяхъ, описываемыхъ сею книгою. Коанг-У-Ти пожаловалъ его Членомъ Судилища чиноположеніи, а послѣ поручивъ ему на ученіе дѣтей своихъ, почтилъ титломъ Князя внутреннихъ чертоговъ дворца.

47. Леанг-Ку-Тше, третій главный толкователь Тшун-Тсіэуа, родился въ области Шанг-Тонгской, или тогдашнемъ Лускомъ царствѣ. Жилъ подъ конецъ Тшеуской династіи. Истинное имя его было,

по свидѣтельству Хе-Тсея, Кіао, а прозваніе Юэн-Ше; по свидѣтельству же Іэн-Хе Куа, имя его было Ги, прозваніе же Тсеэ-Гіаія, ученика Конфуціева; учитель Шен-Кунговъ. Сей имѣлъ также своихъ учениковъ; подобно же и послѣдніе, которые всѣ толковали Тшун-Тсіэу, слѣдуя предписанію Леанг-Ку-Шея.

По возстановленіи учености въ Китаѣ, Тшун-Тсіэу Леанг-Ку-Тшеэвъ многихъ возъимѣлъ защитниковъ. Императоръ Ган У-Ти повелѣлъ Тунг-Тшунг-Шуу учить дѣтей своихъ и толковать имъ оной. Тоже самое дѣлалъ Тсай-Тсіэн-Тсіэу по волѣ Императора Тшао-Тія; но толковалъ уже Леанг-Ку-Тшеэвъ Тшун-Тсіэу; ибо тогдашній государственный дѣловецъ Уэн-Гіэнъ, мужъ весьма искусный въ наукахъ, находилъ послѣдній совершеннѣе для желающихъ знать дѣла, непосредственно надлежащія до царства Лускаго.

Таи-Тсунгъ, вторый по порядку, поколѣнія Тангскаго, помѣстилъ дщицы Леанг-Ку-Тшеэвы въ Конфуціевомъ Міаоѣ, а Императоръ Тшенг Тсунгъ, династіи Тсунговой, ученаго сего мужа почтилъ титломъ Князя Си-Кіэу-Поскаго. Во дни Гоэи-Тсунга, осьмаго Императора той же династіи, убѣдили Государя сего наложить ему иное титло; ибо буква Кіэу означаетъ одно изъ именъ Конфуціевыхъ, что по разсужденію ихъ оскорбляло память великаго сего учителя, и проименованъ былъ Княземъ же Ло-Янг-Поскимъ. При Императорахъ поколѣнія Мингскаго, память его равныя получила почести съ Кунг-Янг-Каоэмъ; ибо нареченъ былъ Тсеэмъ, или Философомъ; и Сіэн-Юэмъ, или мудрымъ древняго ученія. Нынѣ чита-

таемъ на его рисункахъ Сіэн-Ю-Леанг-Ку-Тсеэ, и прочее.

48. Сунг-Тсингъ, онъ же и Гіун-Коангъ. Объ немъ писано выше подъ числомъ девятымъ-надесять. Объяснялъ дополненія Леанг-Ку-Тшеэвы и Тсе-Кіэу-Минговы. Былъ Правитель области Ланг-Линг-Гіэнской въ царствѣ Тшускомъ.

49. Шенг-Кунгъ, прозванный Пен, изъ царства Лускаго. Прежде объяснялъ толкованія Тсо-Кіэу-Минговы, послѣ же Леанг-Ку-Тшеэвы.

50. Кіанг-Кунгъ изъ царства Тсискаго, толковалъ книги обще съ Тунг-Тшунг-Шуэмъ при Императорѣ Ган-У-Тіѣ. Онъ толковалъ Тшун-Тсіэу Кун-Янговъ, а сей Леанг-Куаэвъ.

51. Гао-Гинг-Кунгъ, изъ Тай-Шана, толковалъ сочиненія Кіанг-Кунга, у котораго слушалъ Тшун-Тсіэу.

52. Кіанг-Шенгъ, внукъ Кіанг-Кунга, Мандаринъ степени По-Хе, при Императорѣ Гіуэн-Тіѣ, отъ коего повелѣно ему было трудиться надъ сочиненіями дѣда своего.

53. Ку-Тшангъ, Мандаринъ степени По-Хе, при Императорѣ Пинг-Тіѣ.

54. Сіао-Тшенгъ, Предсѣдатель Государственнаго Училища въ царствованіе Уанг-Манга; имѣлъ три главныя школы, гдѣ преподавалися Тшун-Тсіэуи: Леанг-Куэвъ, Ѵновъ, Гуэвъ и Фанговъ.

55. Чрезъ все продолженіе династіи Тсинской былъ токмо одинъ толкователь Тшун-Тсіэу, именно же

56. Фан-Нингъ, прозванный У-Тсеэ, изъ Председателей внутренняго во дворцѣ Собранія дѣловыхъ людей. Почтенъ былъ титломъ Князя Суи-Янгъ; сочинилъ пространное изъясненіе Тшун-Тсіэуа, Леанг-Куэва.

57. Толкователи Тшун-Тсіэу въ династіи Танговой.

58. Таи-Шу, изъ области Тшаоской, предпочиталъ Тшун-Тсіэу Леанг-Куэвъ Тсо-Кіэу-Мингову. Сочинилъ записки, до того надлежащія, трехъ поколѣній ученыхъ мужей: Тсо-Кіэуа, Мингова, Кунг-Янгова и Леанг-Куэва. Упражнялся въ томъ десять лѣтъ. Знатнѣйшіе ученики его были Тшао-Коангъ и Лу-Тше; къ трудамъ учительскимъ пріобщили со временемъ и свои труды.

59. Îоу-Коангъ, изъ царства Лускаго, прежде трудился въ толкованіи Тшун-Тсіэуа общe съ Монгомъ; труды его въ почтеніи у потомства. Подобно же оставилъ оному по себѣ и Леанг-Куэвъ Тшун-Тсіэу.

60. Тшеу-Тсингъ, Мандаринъ степени По-Хе при Императорѣ Гіуэн-Тіѣ.

61. Тинг-Гингъ, то же достоинство имѣлъ и при томъ же Императорѣ.

62. Тсаи-Тсіэн-Тсіэу, изъ области Пеи, былъ между учителями Уэіа, сына Императора Гіуэн-Тіа, и

и Членъ гражданскаго Правительства. Толкованіе его Тшун-Тсіэуа издано по велѣнію сего Государя. Пришедъ онъ къ нему въ немилость, лишенъ чиновъ и сопричтенъ къ черному народу. Чрезъ время ученость его снискала ему прощеніе и титло Мандарина степени Ланг-Тшунгъ. Сверьхъ того позволилось ему открыто толковать Тшун-Тсіэу; а чрезъ оное возъимѣлъ множество учениковъ.

63. Ун-Кенг-Ше, Членъ гражданской службы при Императорѣ Гіуэн-Тiѣ; былъ родомъ изъ Ю-Нана.

64. Уанг-Уэнъ, ученикъ Тсаи-Тсіэн-Тсіэуа, Мандаринъ степени По-Хе.

65. Ліэу-Гіангъ.

66. Тшан-Фанг-Кинъ, Мандаринъ уголовнаго Судилища; послѣ употребленъ былъ въ государственныя дѣла.

67. Сэнг-Фунгъ, придворный чиновникъ во внутреннихъ чертогахъ Императора.

68. Ун-Кіэнъ, сынъ Ун-Кенг-Шея, Мандаринъ надзиратель недвижимыхъ именій, по томъ Мандаринъ же въ Судилищѣ государственныхъ податей.

Таблица XVII.

Тексты, или содержанія Тшун-Тсіэуа, о затмѣніяхъ солнца.

(*) Унъ. Кунгъ. Санъ. Ніенъ. Тшунъ. Овангъ. Эульгъ. Vуэ. Ки. Сеэ. Ге. Vэу. Ше. Тше.	I. ОБЪЯСНЕНІЕ. Третіяго лѣта Ун-Кунга, весною во вторую луну, въ день, нарицаемый Ки-Сеэ, было затмѣніе солнечное. Сіе третіе лѣто Ун-Кунга соотвѣтствуетъ пятьдесятъ первому царствованія Пинг-Уанга, седмь сотъ двадесятому прежде рождества Христова.	(*) Гоанъ. Кунгъ. Санъ. Ніенъ. Тсіэу. Тси. Vуэ. Іэнъ. Тшенъ. Шо. Ге. Vэу. Ше. Тше. Ки.	II. ОБЪЯСНЕНІЕ. Третіяго лѣта царства Гоан-Кунгова, осенью, въ седьмую луну, въ день, нарицаемый Іен-Тшенъ, день первый тоя же луны, было полное затмѣніе солнца. Сіе третіе лѣто соотвѣтствуетъ первомунадесять царствованія Генг-Уанга, седьмь сотъ девятому до рождества Христова.
Гоанъ. Кунгъ. Ше. Vэу. Тси. Ніенъ. Гунгъ. Ше. Vуэ. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	III. ОБЪЯСНЕНІЕ. Седьмагонадесять года владычества Гоан-Кунга зимою, въ десятую луну, перваго дня, затмилось солнце. Седьмыйнадесять годъ соотвѣтствуетъ второму лѣту владычества Императора Тшоанг-Кунга, шесть сотъ девяносто девятому до рождества Христова.	Тшоангъ. Кунгъ. Ше. Іэу. Па. Ніенъ. Тшунъ. Уангъ. Санъ. Іуэ. Ге. Іэу. Ше. Тше.	IV. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ сеьмоенадесять лѣто Тшоанг-Кунга, весною, въ третію луну, было солнечное затмѣніе Осьмоенадесять лѣто Тшоанг-Кунга соотвѣтствуетъ первому владычества Императора Гоан-Уанга, шесть сотъ шестьдесятъ седьмому до рождества Христова.

(*) Бѣлыя мѣста, оставленныя въ сихъ таблицахъ между двухъ чертъ [какъ въ сей, такъ и прочихъ показуютъ читателю, гдѣ бы должно было стоять Китайскимъ буквамъ, рукописи, присланной изъ Пекина.

Тех-

Таблица XVIII.

Тексты, или содержаніе Тшуп-Тсіэуа, о затмѣніяхъ солнца.

Тшунгъ. Сунгъ. Эульг-Ше. Іэу. [illegible] Ніенъ. Ліэу. Іуэ. Синъ. Уэн. Ш[illegible]. Ге. Іэу. Ше. Тше.	V. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ двадесять пятое лѣто Тшоанг-Кунга, въ шестую луну, въ день, нарицаемый Син-Уэн, первый тоя же луны, было затмѣніе солнца. Сіе двадесять пятое лѣто Тшоанг-Кунга соотвѣтствуетъ осьмому вла[illegible]ычества Импе[illegible]ратора Гоэи-Уанга, шесть сотъ шестьдесятъ девятому до Христа.
[illegible] Кунгъ. Эульг-Ше. Іэу. Ліэу. Ніенъ. Гунгъ. Ше. Іэу. Эульгъ. Іуэ. Куен. Ган. Шс. Ге. Іэу. Ше. Тше.	VI. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ двадесять шестое лѣто Тшоанг-Кунга, зимою, во вторую надесять луну, въ день, нарицаемый Куен-Ган, первый тоя же луны, затмилось солнце. Лѣто сіе соотвѣт[illegible]ъ девят[illegible]у владѣнія Императора Геэи-Уанга, шесть сотъ шестьдесятъ осьмому до Христа.
Тшоангъ. Кунгъ. [illegible]анъ. Ше. Ніенъ. Сіэу. Уие. Кингъ. У. Шс. Ге. Іэу. Ш[illegible]. Тше.	VII. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ тридесятое лѣто Тшоанг-Кунга, въ девятую луну, въ день, нарицаемый Кинг-У, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ оное третьемунадесять Императора Гоэн-Уанга, шесть сотъ шестьдесятъ четвертому до Христа.
Ги. Кунгъ. У. Ніенъ. Кіэу. Іуэ. У. Шенъ. Шс. Ге. Іэу. Ше. Тше.	VIII. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ пятидесятое лѣто Ги-Кунга, въ девятую луну, въ день, нарицаемый У-Шенъ, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ двадесять вт[illegible] Императора Гоэ[illegible]-Уанга шесть сотъ пятьдесятъ пятому до Христа.

Таблица XIX.

Тексты, или содержаніе Тшун-Тсіэуа, о затмѣніяхъ солнца.

Ги. Кунгъ. Ше. Іэу. Эульгъ. Іэ ъ. Тшунъ. Уангъ. Ганъ. Іуэ. Кунгъ. У. Ге. Іэу. Ше. Тше.	IX. ОБЪЯСНЕНІЕ. Во второенадесять лѣто Ги Кунга, весною, въ третію луну, въ день нарицаемый Кинг-У, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ четвертому году царствованія Императора Сіанг Уанга, шесть сотъ сорокъ осьмому до Христа.	Ги. Кунгъ. Ше. Іэу. У. Ніенъ. Гіа. У. Іуэ. Ге. Іэу. Ше. Тше.	X. ОБЪЯСНЕНІЕ. На пятомнадесять году Ги-Кунга, лѣтомъ, въ пятую луну, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ сей годъ седьмому царствованію Императора Гоэи-Уанга, шесть сотъ сорокъ пятому до Христа.
Уэнъ. Кунгъ. Іуэнъ. Іенъ. Эульгъ. Іуэ. Куэи. Ган. е. Іэу. Ше. Тше.	XI. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ первое лѣто Уэн-Кунга, во вторую луну, въ день, нарицаемый Куэи-Ган, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ сей годъ двадесять шестому Императорства Гоэи-Уанга, шесть сотъ двадесять шестому до рождества Христова.	Уэнъ. Кунгъ. Ше. эу. Ніенъ. Ніэу. Іуэ. Синъ. Тшеу. Ше. Іе. Іэу. Ше. Тше.	XII. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ пятоенадесять лѣто Уэн-Кунга, въ шестую луну, въ день, нарицаемый Син-Тшеу, первый той же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ первому году Императорства Коанг-Уанга, шесть сотъ второменадесять до рождества Христова.

Тех-

Тексты, или содержанія Тшун-Тсіэуа, о затмѣніяхъ солнца.

Гіуэнъ. Кунгъ. Па. Ніенъ. Тсіэу. Тсе. Іуэ. Кіа. Тсеэ. Ге. Іэу. Ше. Тше. Ки.	XIII. ОБЪЯСНЕНІЕ. ВЪ седьмое лѣто Гіуэн-Кунга, осенью въ седьмую луну, въ день, нарицаемый Кіа-Тсеэ, было полное затмѣніе солнца. Соотвѣтствуетъ годъ сей шестому Императорства Тинг-Уанга, шесть сотъ первому до Христа.	Гіуэнъ. Кунгъ. Ше. Ніенъ. Іс. Сеэ. Іуэ. Пингъ. Тшенъ. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XIV. ОБЪЯСНЕНІЕ. На девятомъ году Гіуэн-Кунга, лѣтомъ, въ четвертую луну, въ день, нарицаемый Пинг-Тшенъ, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ осьмому Императорства Тинг Уанга, пять сотъ девяносто девятому прежде рождества Христова.
Гіуэнъ. Кунгъ. Тше. Іэу. Гсн. Ніэнъ. Ліэу. Іуэ. Куэн. Мао. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XV. ОБЪЯСНЕНІЕ. ВЪ семьнадесятое лѣто Гіуэн-Кунга, въ шестую луну, въ день, нарицаемый Куэн-Мао, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ пятомунадесять владычеству Императора Тинг-Уанга, пять сотъ девяносто второму до Христа.	Тшенгъ. Кунгъ. Ше. Іэу. Ліэу. Іуэ. Пингъ. Унъ. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XVI. ОБЪЯСНЕНІЕ. ВЪ шестоенадесять лѣто Тшенг-Кунга, въ шестую луну, въ день, нарицаемый Пинг-Унъ, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ первомунадесять Императорства Киен-Уанга, пять сотъ семдесять пятому до Христа.

Таблица XXI.

Тексты, или содержанія Тшун-Тсіэуа, о затмѣніяхъ солнца.

Тшенгъ. Кунгъ. Ше. Іэу. Тси. Ніенъ. Ше. Іэу. Эульгъ. Іуэ. Тингъ. Сеэ. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XVII. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ седьмоенадесять лѣто Тшенг-Кунга, во вторуюнадесять луну, въ день, нарицаемый Тинг-Сеэ, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ второмунадесять Императорства Кіен-Уанга, пять сотъ семдесять четвертому до Христа.	Сіангъ. Кунгъ. Ше. Іэу. Сеэ. Ніенъ. Санъ. Іуэ. V. Уэи. Ше. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XVIII. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ четвертоенадесять лѣто Сіанг Кунга въ третію луну, въ день, нарицаемый V-Уэи, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ первомунадесять Императорства Линг-Уанга, пять сотъ пятьдесятъ девятому до Христа.
Сіангъ. Кунгъ. Ше. Іэу. У. Ніенъ. Тсіэу. Па. Іуэ. Тингъ. Сеэ. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XIX. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ пятоенадесять лѣто Сіанг-Кунга осенью, въ осьмуюнадесять луну, въ день, нарицаемый Тинг-Сеэ, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ четвертомунадесять Императорства Линг-Уанга, пять сотъ пятьдесятъ осьмому до Христа.	Сіангъ. Кунгъ. Эульгъ. Ше. Ніенъ. Тунгъ. Ше. Vуэ. Пингъ. Тшенъ. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XX. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ двадесятое лѣто Сіанг-Кунга, зимою, въ десятую луну, въ день, нарицаемый Пинг-Тшенъ, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ девятомунадесять Императорства Линг-Уанга, пять сотъ пятьдесят третіему до Христа.

Тех-

Таблица XXII.

Тексты, или содержанія Тшун-Тсіэуа, о затмѣніяхъ солнца.

Сіангъ. Кунгъ. Эульг-Ше Іэу. V. Ніенъ. Кіэу. Іуэ. Кенгъ. Сіу. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XXI. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ двадесять первое лѣто Сіанг-Кунга въ девятую луну, въ день, нарицаемый Кенг-Сіу, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ двадесятому Императорства Линг-Уанга, пять сотъ сорокъ второму до Христа.	Сіангъ. унгъ. Эульг-Ше. Іэу. V. Ніенъ. Тунгъ. Ше. Іуэ. Кенгъ. Тшенъ. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XXII. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ двадесять второе лѣто Сіанг-Кунга, зимою, въ десятую луну, въ день, нарицаемый Кенг-Тшенъ, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ двадесятому владычества Императора Линг-Уанга, пять сотъ пятьдесятъ второму до Христа.
Сіангъ. Кунгъ. Эульг-Ше. Іэу. Санъ. Ніенъ. Тшунъ. Уангъ. Эульгъ. Іуэ. Куен. Іэу. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XXIII. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ двадесять третіе лѣто Сіанг-Кунга, весною, во вторую луну, въ день, нарицаемый Куэи-Іэу, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ сей годъ двадесять второму царствованія Императора Линг Уанга, пять сотъ пятидесятому до Христа.	Сіангъ. Кунгъ. Эульг-Ше Іэу. Сеэ. Ніенъ. Тсіэу. Тси. Іуэ. Кіа. Тсеэ. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше. Ки.	XXIV. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ двадесять четвертое лѣто Сіанг-Кунга, осенью, въ седьмую луну, въ день, нарицаемый Кіа-Тсеэ, первый тоя же луны, было полное затмѣніе солнца. Соотвѣтствуетъ годъ сей двадесять третіему владычества Императора Линг-Уанга, пять сотъ сорокъ девятому до Христа.

Тек-

Таблица XXIII.

Тексты, или содержанія Тшун-Тсіэуа, о затмѣніяхъ солнца.

Сіангъ. Кунгъ. Эульг-Ше Іэу. Сеэ. Ніенъ. Іа. Іуэ. Куэн. Сеэ. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XXV. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ двадесять четвертое лѣто Сіанг Кунга, въ осьмую луну, въ день, нарицаемый Куэн-Сеэ, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ двадесять третiему Императорства Линг-Уанга, пять сотъ сорокъ девятому до Христа.	Сіангъ. Кунгъ. Эульг-Ше. Іэу. Гси. Ніенъ. Тунгъ. Ше. Іэу. Эульгъ. Іуэ. V. Ган. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XXVI. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ двадесять шестое лѣто Сіанг-Кунга, зимою, во вторую на десять луну, въ день, нарицаемый V-Ган, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ двадесять шестому Императорства Линг Уанга, пять сотъ сорокъ шестому до Христа.
Тшао. Кунгъ. Тси. Ніенъ. Гіа. Сеэ. Іуэ. Кіа. Тшенъ. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XXVII. ОБЪЯСНЕНІЕ. На седьмомъ году Тшао-Кунга, лѣтомъ, въ четвертую луну, въ день нарицаемый Кіа-Тшенъ, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ десятому владѣнія Императора Кинг-Уанга, пять сотъ тридесять пятому до Христа.	Тшао. Кунгъ. Ше. Іэу. У. Ніенъ. Ціэу. Іуэ. Тингъ. Сеэ. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XXVIII. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ пятоенадесять лѣто Тшао-Кунга, въ шестую луну, въ день нарицаемый Тинг-Сеэ, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ осьмому надесять царствованію Кинг-Уанга, пять сотъ двадесять седьмому до Христа.

Тех-

Таблица XXIV.

Тексты, или содержанiе Тшун-Тсiэуа, о затмѣнiяхъ солнца.

Тшао.
Кунгъ.
Ше.
Iэу.
Тси.
Нiенъ.
Гiа.
Iiэу.
Iуэ.
Кiа.
iу.
Шо.
Ге.
Iэу.
Ше.
Тше.

XXIX.

ОБЪЯСНЕНIЕ.

На девятомънадесять году Тшао-Кунга, лѣтомъ въ шестую луну, въ день, нарицаемый Кiа-Сiу, первый тоя же луны, было затмѣнiе солнца.

Соотвѣтствуетъ двадесятому владѣнiю Кинг-Уанга, пять сотъ двадесять пятому до Христа.

Тшао.
Кунгъ.
Эульг-Ше.
Iэу.
V.
Нiенъ.
Тсiэу.
Тси.
Iуэ.
Iенъ.
У.
Шо.
Ге.
Iэу.
Ше.
Тше.

XXX.

ОБЪЯСНЕНIЕ.

Въ двадесять первое лѣто Тшао-Кунга, осенью въ седьмую луну, въ день, нарицаемый Iэн-У, первый тоя же луны, затмилось солнце.

Соотвѣтствуетъ сей годъ двадесять четвертому владычества Императора Кинг-Уанга, пять сотъ двадесять первому до Христа.

Тшао.
Кунгъ.
Эульг-Ше.
Iэу.
Эульгъ.
Нiенъ.
Ше.
Iэу.
Эульгъ.
Iэу.
Коэи.
Iэу.
Шэ.
Ге.
Iэу.
Ше.
Тше.

XXXI.

ОБЪЯСНЕНIЕ.

Въ двадесять второе лѣто Тшао-Кунга, зимою, во вторую надесять луну, въ день, нарицаемый Куэи-Iэу, затмилось солнце.

Соотвѣтствуетъ двадесять пятому Императорства Кинг-Уанга, двадесять пятому до Христа.

Тшао.
Кунгъ.
Эульг-Ше.
Iэу.
Сеэ.
Нiенъ.
Гiа.
У.
Iуэ.
V.
Уэн.
Шо.
Ге.
Iэу.
Ше.
Тше.

XXXII.

ОБЪЯСНЕНIЕ.

На двадесять четвертомъ году Тшао-Кунга, лѣтомъ, въ пятую луну, въ день, нарицаемый V-Уэн, первый тоя луны, затмилось солнце.

Соотвѣтствуетъ второму Имцераторства Кинг-Уанга, сына послѣдняго предъ симъ, тѣмъ же именемъ называющагося, пять сотъ осьмомунадесять до Христа.

Таблица XXV.

Тексты, или содержанія Тшун-Тсіэуа, о затмѣніяхъ солнца.			
Тшао. Кунгъ. Сан-Ше. Іэу. V. Ніенъ. Ше. Іэу. Эульгъ. Іуэ. Синъ. Гаи. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XXXIII. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ тридесять первое лѣто Тшао-Кунга, во вторуюнадесять луну, въ день, нарицаемый Син-Гіа, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ девятому Кинг-Уанга втораго, пять сотъ первомунадесять до Христа.	Тингъ. Кунгъ. У. Ніенъ. Тшунъ. Уангъ. Санъ. Іуэ. Синъ. Гаи. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XXXIV. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ двадесять седьмое лѣто Тинг-Кунга, зимою, во вторуюнадесять луну, въ день, нарицаемый Син-Гаи, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ двадесять шестому Императора Кинг-Уанга, пять сотъ сорокъ шестому до Христа.
Генгъ. Кунгъ. Ше. Іэу. Эульгъ. Ніенъ. Ше. Іэу. V. Іуэ. Пингъ. Vнъ. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XXXV. ОБЪЯСНЕНІЕ. Во второенадесять лѣто Тинг-Кунга, въ первуюнадесять луну, въ день, нарицаемый Пинг-Vнъ, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ годъ сей двадесять второму царствованія Кинг-Уанга втораго, четыре ста девяносто девятому до Христа.	Тингъ. Кунгъ. Ше. Іэу. У. Ніенъ. Па. Іуэ. Кенгъ. Тшенъ. Шо. Ге. Іэу. Ше. Тше.	XXXVI. ОБЪЯСНЕНІЕ. Въ пятоенадесять лѣто Тинг-Кунга осьмыя луны, въ день, нарицаемый Кенг-Тшенъ, первый тоя же луны, затмилось солнце. Соотвѣтствуетъ сей годъ двадесять пятому царствованія Кинг-Уанга втораго, четыре ста девяносто пятому до воплощенія Христова.

Таблица XXVI.

Тексты, или содержанія Ше-Кинга, объ одномъ затмѣніи солнца.

Ше.	Пеи.	Ге.	Пеи.
Іуэ.	Іуэ.	Іуэ.	Іуэ.
Тше.	Эульгъ.	Као.	Эульгъ.
Кіао.	Уэи.	Гіунгъ.	Ше.
Шо.	Тсеэ.	Пу.	Тсе.
Ге.	Ге.	Іунгъ.	Уэи.
Синъ.	Эульгъ:	Ки.	Ки.
Мао.	Уэи.	Гингъ.	Тшангъ.
Ге.	Кинъ.	Сеэ.	Тсеэ.
Іэу.	Тсеэ.	Куэ.	Ге.
Ше.	Гіа.	У.	Эульгъ.
Тше.	Минъ.	Тшенгъ.	Ше.
V.	V.	Пу.	Іу.
Кунгъ.	Кунгъ.	Іунгъ.	Го.
Тше.	Тше.	Ки.	Пу.
Тшеу.	Чган.	Леангъ.	Тсангъ.

Сообразно съ нашими стихами, должно быть симъ Китайскимъ стихамъ написаннымъ тако:

Ше Іуэ Тше Кіао,
Шо Ге, Синъ Мао,
Ге Іэу Ше Тше,
V Кунг Тше Тшеу,
Пеи Іуэ Эульгъ Уэи,
Тсеэ Ге Эульгъ Уэи,
Кинъ-Тсеэ Гіа Минъ,
V Кунгъ Теге Нгаи.

Вторые Китайскіе стихи.

Ге Іуэ Као Гіунгъ
Пу Іунгъ Ки Гингъ,
Сеэ Куэ У Тшенгъ,
Пу Іунгъ Ки Леангъ,
Пеи Іуэ Эульгъ Ше,
Тсе Уэи КиТшангъ,
Тсеэ Ге Эульгъ Ше,
Іу Го Пу Тсангъ, и проч.

ПЕРЕВОДЪ.

Въ соединеніе десятыя луны, перваго дня, нарицаемаго Син-Мао, было солнечное затмѣніе. Произшествіе сіе есть предзнаменованіе бѣдственное. Затмѣвается ли солнце, или луна, чернь равно унываетъ.

[Въ такомъ случаѣ] И солнце и луна внушаетъ намъ, чтобъ мы входили сами въ себя, познавали наши прегрѣшенія, исправляли бы себя и премѣнили поведенія наши. Царства съ четырехъ сторонъ прервали вожжи правительства; добрые люди не опредѣляются къ дѣламъ общественнымъ. Затмилася луна, говорятъ: ... Вещь естественная и обычайная. Затмилось ли солнце, говорятъ: .. Не чему тутъ быть худому, и проч.

Промежутки между стиховъ суть нѣкоторыя подразумѣнія въ текстѣ.

Таблица XXVII.

Текстъ, или содержаніе Шу-Кинга, по случаю солнечнаго затмѣнія при Императорѣ Тшунг-Канѣ.

Нзи.	Ше.	Гунъ.	Сіэнъ.
Ки.	Фу.	Ми.	Ше.
Гсіэу.	Тше.	Іу.	Тше.
Іуэ.	Шу.	Тіенъ.	Ша.
Шо.	Іинъ.	Сіангъ.	У.
Тшенъ.	Тсеу.	V.	Ше.
Фу.	Ги.	Канъ.	Лу.
Ки, или Тси.	Го.	Сіэнъ.	Ки.
Іу.	Ше.	Уангъ.	Ше.
Фангъ.	Кіуэ.	Тше.	Тше.
Ку.	Коанъ.	Тшеу.	Ша.
Тсеу.	Овангъ.	Тшенгъ.	У.
Ку.	Уэнъ.	Тіэнъ.	Ше.
	Тше.	Іуэ.	

ПЕРЕВОДЪ.

Перваго дня, вторыя осеннія луны [1], солнце затмилось луною, подъ созвѣздіемъ Фанга. Слѣпый ударялъ въ бубенъ, поселяне устрашились и побѣжали съ полей; всѣхъ вообще обнялъ ужасъ [2].

Ги и Го, по должности своей, ничего не слышали, ничего не знали [3].

Слѣпы были предъ видѣніями небесными, за что и заслужили казнь, установленную предками моими. Законъ ихъ тако вѣщаетъ. Ежели астрономы ошибутся въ предсказаніи затмѣнія, да лишаемы будутъ жизни безъ всякія пощады.

[1] *Девятая луна есть третія и послѣдняя изъ осеннихъ мѣсяцовъ. Смотри объясненіе.*

[2] *Іезуитъ Гобиль, неисправно перевелъ шесть сія буквъ Ше Фу Тше, Шу Іинъ Тсеу.*

[3] *Тотъ же Іезуитъ перевелъ не точно же слѣдующее за симъ. Читай разсужденіе о солнечномъ затмѣніи въ Шу-Кингѣ. Однако же есть смыслъ въ переводѣ его, а сего уже и довольно.*

Текстъ,

Таблица XXVIII.

Текстъ, или содержаніе исторіи, по случаю взаимостоянія пяти планетъ при Императорѣ Тшоан-Гіуѣ.

Ти.	Теу.	У.	Си.	Шеу.
Тсе.	Шас.	ГіангЪ.	Ше.	УангЪ.
Ан.	КіэнЪ.	Гоэи.	СанЪ.	У.
Ше.	VнЪ.	Іу.	Гао.	Мс.
Уэй.	Тше.	ТіенЪ.	ГіэнЪ.	Пу.
V.	Іуэ.	Ли.	Іуэ.	VнгЪ.
Тше.	Уэи.	VнгЪ.	Тсе.	Го.
НіэнЪ.	ІуэнЪ.	Ше.	Ше.	У.
Ки.	Ше.	ПингЪ.	Ти.	Геу.
VнгЪ.	Сун.	ГунгЪ.	Іуэ.	Ше.
Гіу.	ТшенгЪ.	Ше.	Гсо.	ТшенгЪ.
ШенгЪ.	Іуэ.	ПанЪ.	ГшангЪ.	ТшоангЪ.
КіангЪ.	Шо.	Гше.	ІинЪ.	Іу.
V.	ШанЪ.	ТшунгЪ.	Іуэ.	Уэи.
МонгЪ.	Ли	Ше.	Гсс.	Ли.
Тшун.	ТшунЪ.	Фа.	Ло.	ГсунгЪ.
[illegible]			Ніао.	Іе.

П Е Р Е В О Д Ъ

Тшэанг-Гіу, изыскивая первоначальныя основанія, откуду бы взять онЪ могЪ правила новаго Календаря, замышляемаго имЪ ко введенію вЪ обычай, тщательно разсматривалЪ, полное и праздное [года] верьхЪ и низЪ [самое крайнее удаленіе отЪ насЪ, и самое ближайшее кЪ намЪ стояніе звѣздЪ], и установилЪ начатокЪ весны. Луна тогда была VнЪ [третія по порядку вЪ круголѣтіи], соотвѣтствовала Рукоятке Мѣры [хвосту большаго медвѣдя]. НачалЪ оттолѣ считать годЪ, назвалЪ сію луну луною первою года. И тако, перваго утра, перваго дня, первыя сея луны, именовалЪ начаткомЪ весны и года. Пять планетЪ взаимостояли тогда соединенно подЪ созвѣздіями Тіэн-Ли и Vнг-Ше [1]. Льды начинали таять; гады, оцѣпенѣвшіе отЪ зимней стужи, шевелиться; петелЪ, троекратное свое провозглашеніе; небо начало низпускать свои вліянія, земля начала украшать себя, сердца людей начали отверзаться кЪ радости; птицы, четвероногія, все вЪ природѣ начало искать возобновленія своего. По сей причинѣ [сочиненія новаго Календаря] потомство прозвало Государя сего Тшоан-Гіу [праотецЪ небесныя науки]

[1] *Читай писанное мною вЪ объясненіяхЪ чертежей. Скажу только, что все находящееся вЪ промежуткахЪ между строкЪ поставлено для лучшаго свѣта вЪ текстѣ, который то подразумѣваетЪ токмо.*

Таблица седмаянадесять и слѣдующія до двадесять осьмой.

Послѣ того, какъ возстановлены науки въ Китаѣ, каждое столѣтіе приносило съ собою угрюмаго нрава критиковъ, изтощавшихъ, тѣсныя впрочемъ, познанія свои на покрытіе мраками, сколько было въ ихъ силахъ, истинны исторіи сего государства и древнихъ Кинговъ. Но были же всякой разъ низлагаемы искуснѣйшими, нежели каковы они, мужами, и вообще собраніемъ ученыхъ, которое у Китайцевъ имѣетъ законную власть судить о дѣлахъ рода сего, подобно какъ всѣ иныя судилища судятъ и рѣшатъ дѣла вѣдомства своего. Сказанные дерзновенные цѣнители осуждены онымъ были понести презрѣніе общее, и служить обществу же посмѣшищемъ, подобно какъ осуждаютъ Члены Гражданскаго Правосудія къ позорнымъ наказаніямъ, или и самой смерти, съ тою только разностію, что судилища учебныя въ Китаѣ должны давать во всемъ отчетъ всенародно. Во всѣ времена сіи знаменитыя собранія утверждать не преставали, что мѣлочные писачки, которые устремлялися хулою на Кинга и Исторію, или предпринимали дѣло выше ихъ силъ, или возобновляли возраженія, давно уже и многократно опровергнутыя; или прицѣплялися къ небольшимъ пропускамъ и ошибкамъ, ничего не значущимъ, постановленіемъ буквъ одну вмѣсто другой, или пріемля примѣчанія за тексты. Къ тому пріобщаютъ, что въ теченіи каждыя династіи, глубокоученые мужи дѣломъ вѣка своего имѣли очищать Кинги и Исторію отъ мѣлкихъ таковыхъ погрѣшностей, которыя могли вкрасться или отъ недовольнаго вниманія переписчиковъ, или первые издатели отъ излишной поспѣшности, желая скорѣе услужить обществу, предпочли нѣ-

нѣкоторыя записки не столь достовѣрныя достовѣрнѣйшимъ. Еще повторяю: на Членовъ таковаго собранія можно полагаться и вѣрить, что изреченія ихъ были чужды предразсудковъ и пристрастій; что ничего безъ предварительныхъ разсмотреній, безъ сличенія разныхъ подлинниковъ не издавали, а притомъ соединенными между собою силами, соединенною ученостію всѣхъ и каждаго; наконецъ нѣтъ сомнѣнія, чтобъ не имѣли они лучшихъ сьѣденій, нежели кто либо одинъ человѣкъ частный, не могущій имѣть всѣхъ тѣхъ нужныхъ пособій, каковыми они снабдѣваться могли. Доказательства сіи приняты и уважаемы были за толикое уже число столѣтій назадъ, такъ что никто уже не дерзалъ опровергать достовѣрность Кинговъ: всѣ единогласно вѣрили и вѣрятъ, что сіи неоцѣненные памятники древности суть таковы же точно нынѣ, какими были до сожженія книгъ Тсин-Ше-Гоангомъ и во дни Конфуція.

Споры, въ разсужденіи Тшун-Тсіэуа, не скоро прекращены были, ради трудностей къ опроверженію того, что книга сія по крайней мѣрѣ толкователями и переписчиками повреждена; да и содержанія оныя превыше понятія слывущихъ подъ общимъ именемъ ученыхъ людей. Астрономы и лѣточислители предпоставляли таковое возраженіе. Первые за недостаткомъ удобнѣйшихъ способовъ и нужныхъ познаній небесныхъ тѣлъ, на самомъ дѣлѣ, или токмо кажущимися быть въ движеніи, удостовѣряли, что затмѣнія, предсказуемыя сею книгою, по большей части ложны; вторые же, что буквы круголѣтій, коихъ нѣкоторые дни въ теченіи, нѣкоторыя же именно луны, особо наименованные, не могутъ сопринадлежать къ показу-

вуемой такимЪ образомЪ лунѢ; ибо точно также названы были дни и во время коловращенія иныхЪ лунЪ, прежде и послѢ. Оба рода ученыхЪ сихЪ выводили изЪ того, что Тшун-Тсіэу, бывЪ перепорченЪ вЪ обѢихЪ таковыхЪ статьяхЪ, даетЪ поводЪ полагать также и о всѢхЪ прочихЪ: слѢдовательно нецѢлое сіе сочиненіе навлекаетЪ на себя сомнѢніе, но каждая его часть поровнь.

Многія бывали собранія ученыхЪ людей, на которыя Правительство возлагало сличать и испытывать истинны, замыкающіяся вЪ древнихЪ сего рода памятникахЪ; но никогда и ни которое тако не заключало. ОтвѢчали АстрономамЪ и лѢточислителямЪ, что разсужденія ихЪ основывалися не на коренныхЪ правилахЪ, почему и не могли не ошибаться..... „Вы, „говорили они имЪ, прилѢпляетеся токмо кЪ предме„тамЪ, надлежащимЪ до наукЪ вашихЪ, а сего „единаго не довольно. Для насЪ же мало того, „чтобЪ останавливаться на разсматриваніи одного „какого либо предмета, но разсматриваемЪ всѢ, сли„чаемЪ, сравниваемЪ и находимЪ взаимное ихЪ сход„ство вЪ существѢ ищемаго нами, окромѢ дней вЪ „какомЪ либо году, ошибочно, или непонятно для „насЪ пріуроченныхЪ; все иное не подпадаетЪ ни „подЪ малѢйшее сомнѢніе.

„Астрономы! будьте искренни, и признайтесь, „что недостаточествуете еще вЪ надежныхЪ спосо„бахЪ свѢрять затмѢнія, бывшія за многія предЪ ва„ми столѢтія. Астрономы грядущихЪ временЪ бу„дутЪ, можетЪ быть, или искуснѢе, или удачнѢе „васЪ вЪ своихЪ розыскахЪ.

„ЛѢто-

„ Лѣточислители! признайтеся же, что напрасно вы думаете, что сочинители Календарей при Государяхъ Тшеускаго поколѣнія и въ царствѣ Лускомъ, были всегда одни и тѣ же, а притомъ и ни одного такого, который бы, бывъ преклоненъ къ мятежничеству, или независимости, во всемъ пишемомъ имъ умышленной производилъ безпорядокъ; что и въ спокойнѣйшія времена сочиняли Календари съ лучшею исправностію: високосные мѣсяцы и дни ставили къ мѣсту и къ стати; наименованіе оныхъ соотвѣтствовало буквамъ круголѣтій. Астрономы и лѣточислители! признайтеся совокупно, что превыше вашего знанія есть, говорить о затмѣніяхъ, ошибочно по разсужденію вашему предсказанныхъ. Историографы тогдашнихъ временъ не помѣстили ихъ въ запискахъ своихъ посреди толикаго множества иныхъ современныхъ имъ произшествій; переписчики по неосторожности могли поставить одну букву круголѣтія вмѣсто другой; вмѣсто имени одного мѣсяца, другой же; словомъ, во времена, когда еще не извѣстно было печатаніе книгъ, могли вкрадываться ошибки въ рукописяхъ, отъ коихъ не избавляетъ иногда и самое тщательное вниманіе. И тако не упорствуйте во мнѣніяхъ вашихъ мнимые цѣнители сочиненій! когда не имѣете яснаго и несомнительнаго предмета вашихъ розысковъ; розысковъ, совсѣмъ безполезныхъ и для васъ собственно и для иныхъ. Присоединитеся къ намъ, начнемъ прилѣжать къ изслѣдованіямъ превосходнѣйшія важности, которой бы могли научить насъ и привести въ состояніе научать общество. Есть у насъ три разные образца книги Тшун-Тсіэуа, соблюденныя потомству Тсо-Кіэу-Мингомъ, Кунг-Янгомъ и Леанг-Куэмъ: творцы древніе. Первый былъ уче-

„никЪ и другЪ Конфуція, оба же послѣдніе жили вЪ „теченіи династіи Тшеускія, слѣдовательно не много „послѣ Конфуція, сочинителя книги Тшун-Тсіэуа. „Займемся чтеніемЪ трудовЪ великихЪ сихЪ мужей, „станемЪ сличать оныя, и при помощи свѣтильника „мудрой критики, поправлять погрѣшенія переписчиковЪ, оплошности, выпуски, переносы не кЪ мѣсту, и тому подобное. ДознаемЪ достовѣрно, что „Тшун-Тсіэу каковЪ есть нынѣ, почти таковЪ же „точно вышелЪ отЪ пера Конфуціева. Не льзя позволить себѣ мыслить, чтобы мужЪ святый (Конфуцій) имѣлЪ намѣреніе обманывать грядущія по „немЪ времена, внося вЪ книгу свою произшествія „вымышленныя токмо и не нужныя отчизнѣ его „НапротивЪ, помѣщалЪ сЪ крайнею точностію все находимое вЪ тогдашнихЪ запискахЪ историческихЪ, „и все же оное исправляя вЪ запискахЪ достовѣрныхЪ „для него; ибо хранилися онѣ вЪ общественныхЪ архивахЪ Дускаго царства.

„Мѣры, которыя избиралЪ; предосторожности, „которыхЪ держался, изЪискуя ли истинну вЪ таковыхЪ запискахЪ, или обЪясняя токмо оныя, доказуютЪ намЪ праводушіе его и вЪ томЪ. СЪ другомЪ „своимЪ, Тсо-Кіэу-МингомЪ, нарочно путешествовалЪ вЪ Государственную столицу; просилЪ, какЪ просятЪ великія милости, позволенія читать всѣ древнія сочиненія вЪ книгохранилищѣ историческомЪ Государственномъ. ЧиталЪ оныя всѣ, разсматривалЪ, „выписалЪ все нужное вЪ разсужденіи временЪ, о коихЪ писать намѣревался.

„Таковыя и великое множество иныхЪ подобныхЪ доказательствЪ, отЪ лица мужей первѣйшія

„уче-

„учености, которые не имѣли собственныхъ какихъ „либо видовъ уважать что либо и особенно, и ко„торые по большей части были въ знатныхъ чинахъ, „снисканныхъ ими въ награду за отличные успѣхи „въ наукахъ, удерживали, можетъ быть, перо въ ру„кахъ каждаго цѣнителя сочиненія. Но въ послѣдова„вшіе роды, новые критики возмечтавъ, что будутъ „преподавать нѣчто новое, съ восхищеніями предпо„ставлять начали тѣ же самыя затрудненія. . . То же „самое имъ да отвѣчаемъ.

„Напослѣдокъ въ теченіи династіи Уэновой, „между тысяча двѣсти осьмидесятымъ и тысяча три „ста девяносто девятымъ по рождествѣ Христовѣ, „знаменитый сочинитель Тшенг-Ки-Тшаи, или про„сто называвшійся Тшенг-Ше, судя о будущемъ по „минувшему уже, предпріялъ искоренить всякія при „въ потомствѣ, собравъ во едину книгу, которую бы „могъ читать каждый, все писанное, относительно „до Тшун-Тсіэуа, начавъ временемъ возобновленія „учености до того, въ которое онъ жилъ. По соб„ственному его признанію, извлекалъ истинну изъ „посреди лжей, или по крайней мѣрѣ сомнительствъ, „во стѣ тритцати разныхъ книгахъ. Вышло сочине„ніе, въ великомъ почтеніи и по днесь; раздѣлено на „три части: 1) Тшун-Тсіэу-Пен-И, сирѣчь истин„ные смыслы Тшун-Тсіэуа, въ тридесяти статьяхъ. „2) Тшун-Тсіэу-Піэн-И, или кривые смыслы, ко„торые нѣкогда были присвояемы, или которые мо„гли быть присвояемы Тшун-Тсіэуу, въ двадесяти „статьяхъ. 3) Го-Уэнъ, или, скажутъ можетъ быть, „въ десяти статьяхъ. Въ послѣдней положены всѣ „тѣ возраженія, которыя чинены когда-либо бывали,

„или могли учинены быть основательно противу „Тшун-Тсізуа.

Можно сказать, что Тшенг-Ше совершенно достигнулъ конца, предпріятаго имъ; ибо послѣ его всѣ о Тшун-Тсізуѣ одинаково начали мыслить. Астрономы и лѣточислители ставъ искуснѣе, или возъимѣвъ вѣрнѣйшіе пріемы въ своихъ розыскахъ, почти всѣ затмѣнія, о коихъ писалъ Конфуцій, нашли справедливыми. Находятъ и признаются откровенно, что небольшія ошибки въ текстахъ произошли токмо отъ неосторожностей переписчиковъ. Приведемъ примѣръ, или два, какъ они объясняются. . . „Изъ „тритцати шести затмѣній, значущихся въ Тшун-„Тсізуѣ, седмьнадесять токмо поставлены подъ буквою круголѣтія Шо (то есть первой день луны), а „при прочихъ затмѣніяхъ недостаетъ сей буквы. „Можно къ тому пріобщить, что святый мужъ, со„вершенно вѣдая, что затмѣнія солнечныя случаются „токмо въ первый день новыя луны, которой по„чти всегда есть первый же день мѣсяца, то и не „разсудилъ за нужное вездѣ ставить букву Шо, или „и выпущена оная переписчиками.

„Двадесять первое лѣто царствованія Сіанг-„Кунга ознаменовалось двумя затмѣніями, въ девятый „и десятый мѣсяцъ того года. А сіе совсѣмъ не воз„можно, слѣдователно и должно разумѣть ошибкою „же переписчиковъ.

„Конфуцій, можетъ быть, описывалъ одно за„тмѣніе солнца въ разныхъ числахъ мѣсяца, то есть „какъ видѣли оное въ царствѣ Лускомъ, и при Дво-

„рѣ

„ рѣ тогдашняго Императора Тшеуской династіи. Мо-
„ жетъ быть приложилъ и показаніе разности сей, но
„ оная какимъ нибудь образомъ утратилась.„

Избавляя труда вычислять годы, мѣсяцы и числа, когда были видимы затмѣнія, помѣщу здѣсь слова Іезуита Гобиля изъ Китайской его Астрономіи.

Затмѣнія, значущіяся въ Тшун-Тсіэуя.

I. Затмѣніе въ третіе лѣто Ун-Кунга, въ день Ки-Сеэ вторыя луны, сирѣчь въ семь тысячь двадцатомъ году до рождества Христова, Февраля двадцать втораго, около десяти часовъ по полуночи.

II. Въ третіе лѣто Гоан-Кунга, въ день Уэн-Тшенъ, день первыя седьмыя луны, то есть въ вечеру Іюля седьмагонадесять, семь тысячь девятаго года; затмѣніе было полное, для чего и поставилъ я при первой Китайской буквѣ, оное означающей, черную точку.

III. Въ седьмоенадесять лѣто Гоан-Кунга, въ первый день десятыя луны, Октября десятаго, шесть тысячь девяносто пятаго года.

IV. Въ осьмоенадесять лѣто Тшоанг-Кунга, весною въ третію луну, то есть пятыйнадесять Апрѣля, шесть сотъ семьдесять шестаго.

V. Въ двадесять пятое лѣто Тшоанг-Кунга, въ день Син-Уэи, первый вторыянадесять луны, или двадцать седьмаго Маія, шесть сотъ шестьдесять девятаго года.

VI. Въ двадесять шестое лѣто Тшоанг-Кунга, въ день Куэи-Гаи., первый вторыянадесять луны, десятаго Ноября, шесть сотъ шестьдесятъ осьмаго.

VII. Въ тридесятое лѣто Тшоанг-Кунга, въ день Кенг-У, въ первый десятыя луны, Августа двадцать осьмаго, шесть сотъ шестьдесятъ четвертаго.

VIII. Въ пятое лѣто Ги-Кунга, въ день У-Хенъ, въ первый девятыя луны, Августа девятагонадесять, шесть сотъ пятьдесятъ пятаго.

IX. Во второенадесять лѣто Ги-Кунга, въ день Кенг-У, третія луны, шестаго Апрѣля, шесть сотъ сорокъ осьмаго.

X. Въ пятое лѣто Ги-Кунга, въ пятую луну, шесть сотъ сорокъ пятаго до рождества Христова.

XI. Въ первое лѣто Уэн-Кунга, въ день Куэн-Гаи, во вторую луну, сирѣчь Февраля третьяго, шесть сотъ двадцать шестаго до рождества Христова.

XII. Въ пятоенадесять лѣто Уэн-Кунга, въ день Син-Тшеу, первый шестыя луны, Апрѣля двадцать шестаго, шесть сотъ вторагонадесять.

XIII. Въ осьмое лѣто Гіуэнъ-Кунга, седьмую луну, въ день Кіа-Тсеэ, двадцатаго Сентября, шесть сотъ перваго, было затмѣніе полное; для чего и поставлена мною черная точка при буквѣ Ки.

XIV. Въ десятое лѣто Гіуэн-Кунга, въ день Пингъ-Тшенъ, четвертыя луны, Марта шестаго, пять сотъ девяносто девятаго.

XV.

XV. Въ седьмоенадесять лѣто Гіуэн - Кунга, въ день Куэн - Мао, шестыя луны, въ пять сотъ девяносто второмъ до Христа. Гобиль, согласно съ Китайскими Астрономами, почитаетъ сіе затмѣніе вымышленнымъ токмо.

XVI. Въ шестоенадесять лѣто Тшенг - Кунга, въ день Пинг - Үнъ, первыя шестыя луны, Маія девятаго, пять сотъ семдесятъ пятаго.

XVII. Въ седьмоенадесять лѣто Тшенг - Кунга, въ день Тинг - Сеэ, первый вторыянадесять луны, двятцать втораго Октября, пять сотъ семдесятъ четвертаго.

XVIII. Въ четвертоенадесять лѣто Сіанг-Кунга, въ день Ү-У, первый третія луны, въ четвертыйнадесять Генваря, пять сотъ пятьдесятъ девятаго.

XIX. Въ пятоенадесять лѣто Тсіанг - Кунгъ, въ день Тинг - Сеэ, осьмыя луны, Маія тритцать перваго, пять сотъ пятьдесятъ осьмаго.

XX. Въ двадесятое лѣто Сіанг - Кунга, въ день Пинг - Тшенъ, первый десятыя луны, Августа тритцать перваго, пять сотъ пятьдесятъ третьяго.

XXI. Въ двадесять первое лѣто Сіанг - Кунга, въ день Кенг - Сіу, первый девятыя луны, Августа двятцатаго, пять сотъ пятьдесятъ втораго.

XXII. Того же года Сіанг - Кунга, въ день Кенг-Тшенъ, первый десятыя луны, Сентября девятагона-

надесять, пять сотъ пятьдесятъ втораго. Смотри писанное мною выше о двухъ сихъ затмѣніяхъ.

XXIII. Въ двадесять третіе лѣто Сіанг-Кунга, въ день Куэн-Іэу, первый вторыя луны, пятаго Генваря, пять сотъ пятидесятаго.

XXIV. Въ двадесять четвертое лѣто Сіанг-Кунга, въ день Кіа-Тсеэ, первый седьмыя луны, Іюня девятагонадесять, пять сотъ сорокъ девятаго. Ради сказанной вины поставлена мною и здѣсь черная точка.

XXV. Въ двадесять четвертое лѣто Сіанг-Кунга, Куэи-Сеэ, первый осьмыя луны, Іюля осьмагонадесять, пять сотъ сорокъ девятаго. Два затмѣнія въ одномъ году; есть другая подобная же ошибка въ течение четырехъ лѣтъ. Конфуцій всеконечно писалъ объ одномъ, но видѣли оное въ столицѣ Государственной и Лускомъ царствѣ.

XXVI. Въ двадесять седьмое лѣто, Сіанг-Кунга, въ день И-Гаи, первый вторыянадесять луны, Октября третьягонадесять, пять сотъ сорокъ шестаго.

XXVII. Въ седьмое лѣто Тшао-Кунга, въ день Кіа-Тшенъ, первый четвертыя луны, Марта осьмагонадесять, пять сотъ тритцать пятаго. Скажу единожды навсегда, что Іезуитъ Гобиль не одинаково вездѣ означаетъ буквы Китайцевъ. На примѣръ пишетъ букву Тшенъ равно съ буквою Шенъ, и прочее, отъ несдѣланнаго примѣчанія, что переписчики Нѣмцы и Италіанцы инако произносятъ буквы съ Французами. Надлежало бы ему букву Шенъ поставить такъ [Ксинъ], какъ ставили тѣ, чьи сочиненія онъ спи-

сы-

сываетъ. Въ теченіи шестидесяти-годоваго кругольтія придетъ единожды буква Кіа-Шенъ и единожды же буква Кіа-Тшенъ. Первая занимаетъ въ кругольтіи двадесять первое, а вторая сорокъ первое мѣсто. Великая ошибка предъ глазами лѣточислителей. Одна черта лишняя, или недостаточествующая, не ясно проведенная, или нѣсколько сгладившаяся въ буквахъ Китайцевъ, приводитъ въ заблужденіе читателей.

XXVIII. Въ пятоенадесять лѣто Тшао-Кунга, день Тинг-Сеэ, первый шестыя луны, Апрѣля шестагонадесять, пять сотъ двашцать седьмаго.

XXIX. Въ седьмоенадесять лѣто Тшао-Кунга, въ день Кіа-Сіу, первый шестыя луны, двашцать перваго Августа, пять сотъ двашцать пятаго.

XXX. Въ двадесять первое лѣто Тшао-Кунга, день Іэн-У, первый седьмыя луны, Іюня девятаго, пять сотъ двашцать перваго.

XXXI. Въ двадесять второе лѣто Тшао-Кунга, день Кіэи-Іэу, первый вторыянадесять луны, двашцать третьяго Ноября, пять сотъ двашцатаго.

XXXII. Въ двадесять четвертое лѣто Тшао-Кунга, въ день І-Уэи, первый пятыя луны, Апрѣля девятаго, пять сотъ осьмагонадесять.

XXXIII. Въ тридесять первое лѣто Тшао-Кунга, день Син-Гаи, первый вторыянадесять луны, Ноября четвертагонадесять, пять сотъ первагонадесять года.

XXXIV. Вѣ пятое лѣто Тинг-Кунга, день Син-Гаи, третія луны, шестагонадесять Февраля, пять сотѣ пятаго.

XXXV. Во второенадесять лѣто Тинг-Кунга, день Пинг-Инѣ, первый первыянадесять луны, Сентября двадцать втораго, четыреста девяносто осьмаго.

XXXVI. Вѣ пятоенадесять лѣто Тинг-Кунга, день Кенг-Тшенѣ, первый осьмыя луны, двадцать втораго Іюля, четыреста девяносто пятаго года до Рождества Христова.

Солнечныя затмѣнія, значущіяся вѣ Ше-Кингѣ.

Вѣ день Син-Мао, первый десятыя луны, затмилось солнце. Хотя не упомянуто, при которомѣ Государѣ и вѣ которомѣ году, однако же несомнѣнно извѣстно, что было оное при Іэу-Уангѣ, втоpомнадесять Императорѣ Тшеускія династіи. Ибо 1) обряды вѣ таковыхѣ случаяхѣ не были уже вѣ обычаѣ со времени царствованія Пинг-Уанга, преемника Іэу-Уанга; 2) начиная годомѣ пятьдесятѣ пятымѣ владычества Пинг-Уанга, назадѣ, даже до владычества Іэу-Уанга, не было солнечнаго затмѣнія вѣ десятую луну, вѣ день Синѣ-Мао; 3) при Іэу-Уангѣ дѣйствительно случилось затмѣніе того мѣсяца и дня. Симѣ Государемѣ оканчивается пишемое вѣ Ше-Кингѣ. Іэу-Кингѣ взошелѣ на престолѣ вѣ семь сотѣ восемьдесятѣ первомѣ до Рождества, царствовалѣ одиннатцать лѣтѣ, сирѣчь по семь сотѣ семьдесятѣ первой до Воплощенія.

Вы-

Вычетами находятъ затмѣніе солнца въ шестой день Сентября, семь сотъ семьдесятъ шестаго до Воплощенія.

Въ лѣточисленномъ спискѣ именъ Императоровъ Китайскихъ, отъ Гоанг-Тіа до Кіенъ-Лонга, нынѣ владычествующаго, годъ семь сотъ семьдесятъ шестой до Рождества Христова, соотвѣтствуетъ шестому владычества Іэу-Уанга, вторагонадесять Императора третіей, или инако Тшеуской династіи.

Надобно, чтобъ затмѣніе, о которомъ упоминается въ Ше-Кингѣ, случившееся въ шестое лѣто царствованія Іэу-Уанга, было въ году, имѣвшемъ одну такую луну, или двенатцатую свою часть, которая бы именовалася Син-Мао, между буквами круголѣтія, положенныхъ въ той же самой книгѣ. Поступлю здѣсь съ нѣкоею строгостію; ибо Календари династіи Тшеуской, при Іэу-Уангѣ, не въ крайнемъ еще были безпорядкѣ.

Чрезъ одиннатцать лѣтъ царствованія Іэу-Уанга, въ шестый токмо, могло быть затмѣніе шестаго Сентября; слѣдовательно десятыя токмо луны первый день могъ именоваться Син-Мао. Такъ находили всѣ числители Китайскіе; такъ полагали всѣ ихъ историки; нѣтъ и по днесь Китайца, который бы не разумѣлъ сіе доказанною истинною.

Затмѣніе солнца, значущееся въ Шу-Кингѣ.

Въ разсужденіи сего затмѣнія должно бы мнѣ было только повторить повѣствованное мною въ первомъ моемъ письмѣ; къ оному и отсылаю читателей.

Приобщу токмо нѣсколько примѣчаній, какъ переводилъ я точныя слова подлинника.

1. Переводилъ слово въ слово; поелику качество языка нашего то позволило.

2. Во всемъ сходственно съ переводомъ же, обнародованнымъ велѣніемъ Императора, У-Ше-Кингомъ, на Татарскомъ Манптшеускомъ языкѣ, гдѣ прежде вмѣсто прежнихъ варварскихъ наименованій солнца и луны [Атшу Гун-Аку] (*), положены простыя сіи и естественныя наименованія: Шоунъ, Фульмагунъ, Усига-И Теису, Піа-Те Талибуга Тургун-Те. Шоунъ, или солнце; Фульмагунъ Усига-И-Теису, въ созвѣздіи Фангъ, Піа-Те Талибуга Тургун-Те, сирѣчь, было заслонено луною.

3. Говорю, девятая луна есть послѣдняя изъ осеннихъ лунъ. Ибо раздѣлялися тогда годы тако: первая, вторая и третія луна составляли весну, и назывались первый Монг-Тшенъ, вторый Тшунг-Тшунъ, третій Ки-Тшуанъ. Четвертая, пятая и шестая луна составляли лѣто; имена оныхъ были: четвертая Монг-Гіа, пятая Тшунг-Гіа, шестая Ки-Гіа. Седьмая, осьмая и девятая, осень; назывались: седьмая Монг-Тсіэу, осьмая Тшунг-Тсіэу, девятая Ки-Тсіэу. Десятая, первая и втораянадесять, зиму; и суть: де-

(*) Іезуитъ Гобиль ошибся, думая переводить слово въ слово буквы Китайскія Фу-Ки [иные читаютъ Тси], Ю-Фангъ, поставя по Французски: не были согласны въ Фангѣ. Въ примѣчаніи своемъ изражается: Фу [не] Тси [согласны]; а надлежало бы сказать: Фу-Ю-Фангъ [подъ созвѣздіемъ Фангъ], и прочее. Слово Атшугу поставлено погрѣшительно, а надлежало бы Атшугунъ.

десятая Монг-Тунгъ, одиннатцатая Тшун-Тунгъ, послѣдняя же Ки-Тунгъ. Каждое годовое время имѣло свой Монгъ, свой Тшунгъ, свой Ки, то есть свое начало, свою средину и свой конецъ. Тако текстъ Наи, Ки-Тсіэу-Юэ, Хо, означаетъ ясно девятую луну; ибо Монг-Тсіэу есть начало осени, или седьмая луна года; Тшунг-Тсіэу средина осени, или осьмая луна года; слѣдовательно Ки-Тсіэу конецъ осени, то есть девятая луна года. Буква Шо, или инако Хо, означаетъ первый день всякія луны, и такъ далѣе.

Соединеніе пяти планетъ при Императорѣ Тшоан-Гіуѣ.

Отъ возстановленія наукъ и по днесь Китайскіе Астрономы всячески старалися найти время, когда пять планетъ были въ соединеніи при Императорѣ Тшоан-Гіуѣ. Оное доказываетъ, что сіе небесное явленіе никакъ не служитъ къ приведенію въ порядокъ лѣточисленности нѣкіихъ царствованій, коихъ времена установить трудно. Да и въ томъ состояла единая истинная цѣль писавшихъ когда либо Китайскую исторію. Не нашедъ они себя въ силахъ подкрѣпить справками небесныя явленія, за недовольнымъ знаніемъ теченія свѣтилъ, ниже способовъ, помощію бы коихъ могли успѣть въ подобномъ предпріятіи, совсѣмъ отъ того отреклися, разумѣя однако же сказанное явленіе дѣйствительно существовавшимъ, и не преставали никогда полагать оное въ царствованіе Гіуа, сирѣчь между двѣ тысячи пять сотъ четырнатцатымъ и двѣ тысячи четыреста тритцать пятымъ годами до Рождества Христова.

Астрономы же, по подвигу тщеславія, не столь были искренни, какъ Историки. Нѣкоторые, меньше прочихъ смиренномудрые, дерзали утверждать, что такое взаимосошествіе планетъ есть вымышленное токмо, дабы возъимѣть точку во времячисліи, прежде нежели владычествовалъ въ Китаѣ Яо. Доводомъ ставятъ тому, что „по вычисленіяхъ, самыхъ претрудныхъ и многажды повторенныхъ, не находили никогда искомаго.„ Но таковый доводъ не открываетъ ничего инаго, кромѣ только что вычеты сіи превыше были ихъ силъ. Чтобъ имѣть право опровергать что либо, не довольно невозможности физической, или нравственной; а надобно, чтобъ опроверженіе замыкало въ себѣ самомъ, или въ обстоятельствахъ, съ собою соединенныхъ, или въ израженіяхъ своихъ вещи, по которымъ бы основательно можно заключить достаточность опроверженія. Но здѣсь сіе не такъ.

При первыхъ Императорахъ поколѣнія Ганскаго, когда съ толикимъ тщаніемъ собирали всякаго рода памятники, дабы составить полную исторію народа Китайскаго, нашли въ памятникахъ временъ Тшоан-Гіуа, что въ его царствованіе пять планетъ были въ соединеніи подъ созвѣздіями Тіэн-Ли и Инг-Ше весною; что о небесномъ семъ произшествіи не сомнѣвался никто, ниже одинъ критикъ не дерзалъ опровергать. Плохіе вычислители чрезъ долгое время послѣ принялися розыскивать астрономическія истинны, дабы возъимѣть точку во времячисліи. Начали выдавать часто упоминаемое здѣсь сомнѣніе очевиднымъ; ибо не въ состояніи были точно изслѣдовать вычетами своими. Однако же всѣ Историки, отъ Тсеэ-Ма-Тсіэна по днесь, не уважая различныхъ системъ Астрономовъ, ниже ихъ вычетовъ, изражалися единогласно. ...

„ Въ

„ Въ царствованіе Тшоан-Гіуа пять планетъ стояли „ вмѣстѣ подъ созвѣздіемъ Ше, и прочее. Всѣ единогласно утверждаютъ, что Тшоан-Гу взошелъ на „ престолъ около ста пятидесяти лѣтъ прежде Яоа, „ и что сіе царствованіе продолжалось около же семидесяти осьми лѣтъ.„ Начало царствованія Яоа, полагая противу двухъ тысячь трехъ сотъ пятидесяти семи до Рождества Христова, какъ обычайно мы числимъ, хотя стороною, однако полагаютъ же начало царствованія Тшао-Гіуа противу двухъ тысячь пяти сотъ тринатцатаго до Христа. Тшоан-Гіуа всѣ они пріемлютъ вторымъ предкомъ астрономическимъ (выраженіе Китайское) Ли-Тсунгъ. Первый таковый предокъ у нихъ Тсу, а вторый Тсунгъ, отъ чего происходитъ, что означая вообще астрономическихъ своихъ предковъ, присоединяютъ оба сіи слова, говорятъ и пишутъ Тсу-Тсунгъ. И тако Тсу астрономическій, яко первый издатель Календаря, есть Гоанг-Ти; а Тшоан-Гіу только что Тсунгъ, или вторый астрономическій предокъ. Мѣлочи сіи включаю я здѣсь для того, что могутъ служить поводомъ къ глубокимъ размышленіямъ. Историки, повторяю, во всякое время изъяснялися, что созвѣздія Тіэн-Ли и Инг-Ше, есть часть неба, гдѣ было упоминаемое здѣсь взаимосоитіе планетъ. Тіэн-Ли нарицаютъ тьму малыхъ тѣхъ звѣздъ, изъ которыхъ главныя составляютъ четвероторонникъ вокругъ хвоста большаго Медвѣдя. Инг-Ше, или просто Ше, тѣ звѣзды, которыя суть между одного изъ крыльевъ Пегаса и правыя руки Андромеды. Надобно вѣдать, что всѣ звѣзды между двухъ круговъ полярныхъ сопричисляются Китайцами къ симъ двумъ созвѣздіямъ, яко опредѣляющія длину неба двумя кругами отъ краеточій вселенскихъ, прямо по отвѣсу къ равноденственной чертѣ.

Вь сей-то части неба, или вь смежныхь пространствахь эфира, должно искать и находить взаимосоитіе, или точнѣе выражая на Китайскомь языкѣ, Гоэч, мѣсто соединенія пяти планеть. Надобно, чтобь случилося оное вь нѣкоторый изь годовь царствованія Тшоан-Гіуа; надобно, чтобь случилось оное вь годовое время, когда начинають таять льды, когда гады, оцѣпенѣвшіе оть зимней стужи, начинають шевелиться; когда вся природа, акибы мертвая до того, первые подаеть знаки жизни и возобновленія своего, и проч. Надобно наконецъ, чтобь сіе взаимосоитіе произошло вь самый день вступленія солнца и луны вь какой либо Зодіаческій знакь, недалекій оть созвѣздія Инг-Ше.

Все сіе по вычетамь найдено вь двадцать осьмый день Февраля, двѣ тысячи четыреста сорокь девятаго прежде Воплощенія, по доказательствамь таковымь: 1) Годь сей, двѣ тысячи четыреста сорокь девятой до Христа, есть одинь изь годовь царствованія Тшоанг-Гіуа; ибо по свидѣтельству исторіи Китайской, возшель онь на престоль вь двѣ тысячи пять сотъ тринадцатой до Рождества Христова; владычествоваль семьдесять восемь лѣть, сирѣчь по двѣ тысячи четыреста тритцать шестой: слѣдовательно эпоха взаимосоитія планеть есть шестьдесять пятый годь царствованія Тшоан-Гіуа.

2. Двадцать осьмаго Февраля, двѣ тысячи четыреста сорокь девятаго, луна была во взаимосошествіи сь солнцемь, подь вторуюнадесять степенью Зодіаческаго знака Водолѣя, слѣдовательно по близости оть созвѣздія Инг-Ше.

3.

3. Того же самаго дня планета Венера находилась подъ пятоюнадесять степенью Зодіаческаго же знака Козерога: слѣдовательно не далеко же отъ солнца, по другую токмо его сторону.

4. Того же самаго дня планеты Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ и Меркурій сошлися между первою и осьмоюнадесять степенью Зодіаческаго знака Рыбъ: слѣдовательно соитіе сіе было на томъ мѣстѣ неба, или весьма не подалеку, которое замыкается между двухъ полярныхъ звѣздъ, внизъ прямо по отвѣсу къ равноденственной чертѣ, гдѣ оканчеваются оба края созвѣздія Инг-Ше.

5. Дватцать осьмое Февраля [въ климатѣ, въ коемъ жилъ Тшоанг-Гіу, сирѣчь между тритцать четвертою и тритцать седьмою степенью ширины] есть время года, когда льды начинаютъ таять, гады, оцѣпенѣвшіе отъ зимней стужи, шевелиться; словомъ, вся природа подавать знаки жизни; а по тому соитіе, или соединеніе пяти планетъ, случившееся дватцать осьмаго Февраля, двѣ тысячи четыре ста сорокъ девятаго до рождества Христова, есть самое то, которое Китайская исторія полагаетъ случившимся въ царствованіе Тшоанг-Гіуа.

Прибавлю еще, какъ бы по преизбыточеству доводовъ, что истинна сего произшествія, сама собою обнаруживающаяся въ главныхъ своихъ обстоятельствахъ, довольно убѣждаетъ меня не сомнѣваться какъ въ исторіи Китайской, такъ и искренности сочинителя ея, во всемъ, надлежащемъ до годовъ царствованія Тшоанг-Гіуа. Сей Государь, пишетъ онъ, прежде имѣлъ мѣстомъ пребыванія своего

Као-ЯнгЪ [нынѣ вЪ окрестностяхЪ Кай-Фэнг-Фуа, вЪ области Го-НанЪ], а потому и прозванЪ былЪ Као-Янг-Ше. Послѣ преселился вЪ Ти-Кіэу [нынѣ вЪ округѣ Пу-Янгѣ, области Шанг-Тонской]. ИмѣлЪ нужду искоренить злоупотребленія, вкравшіяся во всѣ части правительства подЪ предками его; имѣлЪ нужду укротить мятежи Кіэу-Ли; имѣлЪ нужду возстановить и дать дѣятельность законамЪ и мудрымЪ установленіямЪ прародителя своего Гоанг-Тіа. На все оное требовалося время. По исполненіи уже всего онаго приступилЪ исправлять Календарь, не инако всеконечно, какЪ по многихЪ уже годахЪ своего царствованія. И такЪ сошествіе планетЪ, случившееся на шестьдесятЪ пятомЪ году его царствованія, соотвѣтствуетЪ вЪ точности причинЪ того же времени обстоятельствамЪ: послужило ему случаемЪ удобнымЪ установить астрономическую эпоху. ВпрочемЪ, не должно казаться удивительно, что около ста пятидесяти лѣтЪ послѣ, Календарь Гоанг-ТіэвЪ надобно стало поправить. Наука астрономическая вЪ первобытныя тѣ времена чужда еще была основаній прочныхЪ, на которыхЪ бы могла почить система полная и совоспослѣдующаяся. Довольно было для тѣхЪ временЪ имѣть Календарь безЪ очевидныхЪ ошибокЪ отЪ одного года кЪ другому.

Но и для чего настоять о доводахЪ, совсѣмЪ не нужныхЪ? Естьли бы вЪ исторіи Китайской стояли и сіи токмо немногія слова: . . . „ВЪ царствованіе „Тшоанг-Гіуа, внука Гоанг-Тіэва, пять планетЪ со„шлися.„ Естьли сверхЪ того можемЪ заключать чрезЪ ту же самую исторію, что Тшоанг-Гіу владычествовалЪ между двѣ тысячи пять сотЪ третьимЪ надесять и двѣ тысячи четыре ста тритцать шестымЪ

стымъ до воплощенія, то должно только найти, было ли дѣйствительно такое соитіе планетъ.

Слѣдовательно можемъ сказать сами себѣ просто и утвердительно: . . . ,, Вѣрно то, что Тшоан-,, Гіу былъ на престолѣ Китайскаго государства въ ,, двѣ тысячи четыре ста сорокъ девятомъ до воплс-,, щенія; ибо сей годъ есть знаменитый сошествіемъ ,, планетъ; при немъ, какъ повѣствуетъ исторія, ,, сошествіе, котораго время не могли Китайцы прі-,, урочить вычетами своими въ столѣтія новѣйшія; ,, ибо трудно, ежели и не совсѣмъ не возможно, чтобъ ,, историкъ, поставивъ сіе сошествіе на удачу токмо, ,, попалъ въ самой точности на тотъ годъ, въ ко-,, торый случилось рѣдкое таковое небесное явленіе. ,, Вѣрно то и извѣстно, что въ междовреміи отъ ,, Тшоан-Гіуа до Гоанг-Тіа, владѣлъ нѣкто иный ,, Государь, да и чрезъ довольное число лѣтъ; ибо ,, подданные его при немъ возъимѣли время развра-,, титься, составить скопищи зломышленныхъ и мя-,, тежи, ослабить дѣятельность законовъ, предаться ,, чарованію, ввести въ обычай суевѣрное богослуже-,, ніе, погрузиться въ преизлишества всякихъ поро-,, ковъ.,, Ибо таковы они были, по свидѣтельству историка при Гіуэн-Гіаоѣ, инако называнномъ Шао Гао-Кин-Тіэн-Ше, сынѣ Гоанг-Тіа и Ло-Тсуи.

Прочитавъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ слова мои до сюда, естьли кто возведетъ взоры на лѣточисліе, установленное недавно Императоромъ [то есть учебными судилищами столицы его, сочиненное самыми ученнѣйшими мужами, подъ именемъ владычествующаго нынѣ Императора], которое я здѣсь пріобщаю для не умѣющихъ читать по Китайски; естьли, повторяю,

возведетъ кто взоры на сіе лѣточисліе, тотъ не можетъ не согласиться, что первая онаго эпоха есть шестьдесятъ первый годъ владычества Гоанг-Тіа, соотвѣтствующій двѣ тысячи шесть сотъ тритцать седьмому до воплощенія Христова. Прицѣпяся же къ эпохѣ сей, цѣпи круголѣтій, возъимѣетъ пріятное удовольствіе обозрѣть всѣ эпохи, одну за другою, всѣ знаменитыя произшествія протяжной исторіи народа Китайскаго; давать каждому истинное его мѣсто безъ наималѣйшаго замѣшательства, ожидать приопряженія къ симъ эпохамъ и произшествіямъ эпохѣ же и произшествій иныхъ народовъ, дабы и тѣ и другіе составили лѣтопись взаимно вяжущуюся, вселенскую, отъ временъ самыхъ близкихъ къ потопу Ноеву, по днесь.

Возходя къ твердой и непреложной точкѣ во времячисліи, когда одинъ изъ Китайскихъ Государей началъ вычеты по круголѣтіямъ [эпоха соитія пяти планетъ, случившаяся за двѣ тысячи четыре ста сорокъ девять лѣтъ до Христа], остается междовремія токмо на сто восемдесятъ восемь лѣтъ. Изъ сихъ ста осмидесяти осьми лѣтъ отъимемъ часть на время царствованія Тш-ан-Гіуа прежде сей эпохи; ибо соитіе планетъ долженствовало случиться по многихъ уже годахъ за возшествіемъ его на престолъ. Дѣла несравненно большія важности, нежели сочиненіе Календаря, вѣроятно, занимали его великую часть лѣтъ царствованія его. Укротивъ уже мятежи, приступилъ къ Астрономіи; предварительно же искоренилъ злоупотребленія во всѣхъ частяхъ народнаго правительства; возродилъ законы и благонравіе; возстановилъ устройство во всѣхъ своихъ областяхъ, когда всѣ оныя наслаждалися уже глубокимъ миромъ. Въ такомъ-то уже най-

найдя себя щастливомъ положенiи, представившееся небесное явленiе подало ему поводъ установить день, которымъ бы начиналися впередъ годы.

Положимъ, что изъ сказанныхъ ста осьмидесяти осьми лѣтъ еще остается нѣсколько; составимъ изъ нихъ время царствованiя Шао-Гаоа, непосредственнаго предшественника Тшоаи-Гiуа; не позабывая притомъ соразмѣрить протяжность сего цаствованiя съ тогдашнимъ долговѣчiемъ человѣческимъ вообще. Еще остается нѣсколько лѣтъ; присоединимъ ихъ къ царствованiю Гоанг-Тiа, дабы достигнуть намъ до эпохи начала кругольтiй въ таблицахъ лѣточисленныхъ нынѣшняго Императора.

И такъ естьли бы не имѣли мы иной эпохи, кромѣ соитiя пяти планетъ, случившагося за двѣ тысячи четыре ста сорокъ девять лѣтъ до Христа, ко установленiю одного изъ годовъ царствованiя Тшоанг-Гiуа, преемника Шао-Гаоа, внука Гоанг-Тiа: то можемъ смѣло возходить сами собою, не опасаясь сбиться съ прямой дороги, даже до самаго первобытнаго законоизложенiя Китайскаго народа; оттуда же далѣе, какъ составился сей народъ чрезъ Фу-Гiа. Шаги наши будемъ дѣлать не инако, какъ съ робостiю одинъ за другимъ; однако напослѣдокъ, вооружась терпѣнiемъ, испытывая разные пути, достигнемъ можетъ быть и до сей первобытной эпохи; по крайней мѣрѣ найдемся въ окрестностяхъ оныя.

Рисунокъ двадесять девятой

На семъ Рисункѣ видно пространство Китая во времена великаго Юа, который по спускѣ водъ, покрывавшихъ на многихъ мѣстахъ поверхность земную, раздѣлилъ государство на девять Тшеуэвъ, или областей. Рубежи послѣднихъ означены полными чертами. Черты точками значатъ рубежи же каждыя области въ новѣйшія времена; и тако видѣть можно единымъ разомъ и древній и настоящій Китай. Полагаю оное здѣсь почти соотвѣтственно явствующемуся въ старинныхъ изданіяхъ Шу-Кинга. Пріобщены только мною рѣки Гоанг-Го и Кіангъ, которыя я взялъ изъ самыхъ древнихъ Китайскихъ землеописательныхъ чертежей; и еще сверьхъ того пріобщилъ же черту изъ точекъ продолговатыхъ, дабы можно было сличать прежній съ нынѣшнимъ Китаемъ. Многіе Китайскіе сочинители утверждаютъ, что чертежъ девяти Тшеуэвъ сочиненъ самимъ великимъ Юэмъ. По крайней мѣрѣ сочиненъ изъ записокъ его, въ разсужденіи стока водъ, помѣщенныхъ въ Шу-Кингѣ.

Ри-

Татарія
Кан-су
Шан-си
Шан-си
Юнъ
Го-Нанъ
Се-Тшуенъ
Леанъ
Гу-Кванъ
Ту-Це.
Кіанг-Нанъ.
Тше-Кіангъ.
Янъ
Кинъ
Гу-Нанъ.
Кан-Тонъ
Шан-Тонгъ
Го-Ци
黃
河
源
Іо
Си-Фанъ
Рѣка Кіангъ
雍
兗
青
徐
梁
荊
揚
Примѣчаніе

Пятнадцать Царствъ, на которыя раздѣлялся Китай при Императорахъ Тчеуского поколѣнія и коихъ обычаи значутся въ Стихотвореніяхъ Ше-кинга.
Татары
Рѣка Желтая
Рѣка Фен-шуй
Рѣка Уей
Рѣка Танъ
Рѣка Кіанъ
Море восточное
晋
秦
西都
東都
衛
曹
陳
汾水
Порядокъ чиселъ, таковый точно, какъ въ Ше-кингѣ.

Рисунокъ тритцатой.

Рисунокъ сей представляетъ зрѣнію пятьнадесять царствъ, на которыя раздѣлялся Китай при Государяхъ Тшеускаго поколѣнія, и суть самыя тѣ, которыя У-Уангъ далъ въ удѣлъ ближнимъ по крови, завоевавъ государство. Всѣ сіи владѣльцы данники являлися въ назначенные дни ко Двору, отвѣтствовали за поведеніе свое, принимали отъ него велѣнія и наставленія, соприсудствовали ему на общественныхъ обрядахъ и чиноположеніяхъ, и тогда-то пѣваемы были стихи, сохраненные потомству книгою Ше-Кингъ.

На чертежѣ семъ означены токмо царства, коихъ жителей описывалися нравы въ сказанныхъ пѣсняхъ, подъ названіемъ Куэ-Фунгъ. Я различилъ ихъ ариѳметическими числами по порядку, какъ стоятъ въ Ше-Кингѣ.

1. Тшеу-Нанъ, свойственно есть название нѣкоего Дворца Уэн-Уанга, пожалованнаго имъ сыну его Тшеу-Кунгу, дабы служилъ ему мѣстомъ упражненія въ наукахъ, наблюдалищемъ астрономическимъ, мастерскою для художествъ, и гдѣ бы ему производить на дѣлѣ всѣ чиноположенія и обряды достопочтенныя древности. Не подалеку оттуда былъ городъ Тшеу-Нанъ, къ югу отъ горы Ки-Шанъ, близь урочища, нынѣ зовомаго Юнг-Тшеу-Фу.

2. Тшао-Нанъ, также названіе одного Дворца, пожалованнаго Уэн-Уангомъ Тшао Кунгу, племяннику его, на полдень отъ горы Ки-Шанъ, къ западу отъ Шеу-Нана.

Оба

Оба сіи дома славятся вЪ Ше-КингЂ, равно какЪ и чиноположенія, которыя вЪ нихЪ совершались. Произшедшіе отЪ крови Уэн-Уанга чрезЪ времена начали разумЂть оные коренными мЂстами Тшеускія области, гдЂ поколЂніе ихЪ навыкало простираться вЪ добродЂтеляхЪ. ВЪ пословицЂ у нихЪ было:... „Доблесть „избрала водвореніемЪ себЂ Тшеу-НанЪ и Тшао-НанЪ.„ Полагали великое различіе между частію Тшеускія области на полдень отЪ горы Ки-ШанЪ, и той, которая кЪ сЂверу. Жители первыя разумЂлись людьми откровенными, чистосердечными, добрыми, любителями порядка, наблюдателями должностей; о жителяхЪ же послЂдней инаково мыслили.

3. Пеи, или Пи.

4. ЮнгЪ.

5. Уэи. Сіи три царства даны У-УангомЪ во владЂніе КнязямЪ крови ШанговЪ, по отнятіи у нихЪ Имперіи. При Тшенг-УангЂ ставЪ уличены вЪ мятежничествЂ, лишилися оныхЪ.

6. Си-Ту, то есть западный дворЪ; ибо Тшеуи по завоеваніи Китая имЂли здЂсь пребываніе свое: городЪ впрочемЪ знаменитый. ПостроилЪ его У-УангЪ; часто поминается стихотворцами подЪ именемЪ Гао-КингЪ и Тсунг-Тшеу, вЪ области Шен-Сиской.

7. Тунг-Ту, или дворЪ восточный, назывался также Уанг-ТшенгЪ, или Царственный городЪ; строилЪ его Тшенг-УангЪ, сынЪ У-Уанга; но поживЪ нЂсколько, преселился по прежнему вЪ Гао-КингЪ, гдЂ и оставалися всегда его преемники даже до Пинг-Уан-

га.

га. Сей удалился въ сосѣдство къ Татарамъ, которые безпрестанно дѣлали набѣги чрезъ рубежи Имперіи. Напослѣдокъ избралъ городъ Тунг-Ту въ Гонанской области, проименовавъ оный Ло-Янгомъ. И тако пребываніе первыхъ Императоровъ династіи Тшеуской было въ Гао-Кингѣ, или нынѣшнемъ Гіэн-Янг-Гіэнѣ, городѣ третіей степени, въ округѣ Си-Нган-Фу, въ области Шен-Си; а послѣдніе Императоры въ городѣ Тунг-Ту, или Ло-Янгѣ, нынѣ зовомомъ Каи-Фонг-Фу, въ области Го-Нанъ; почему и прозваны восточными Тшеуями.

8. Тшенгъ. Сіе царство вышло изъ роду Тшеуевъ къ дядѣ, съ матерней стороны Императора Гіун-Уанга.

9. Тси. Дано У-Уангомъ Таи-Кунгу, дядькѣ своему; потомки его владѣютъ онымъ со всѣми правами и преимуществами Князей крови Императоровъ.

10. Уэи. Буква Китайская, означающая царство сіе, совсѣмъ инакова, нежели другая буква же Уэи, значущая другое царство, данное въ удѣлъ поколѣнію Шинговъ. Китайцы произносятъ различно, а мы Европейцы принуждены называть первое Уэи сѣверное, послѣднее же Уэи южное.

11. Кіэнъ, что нынѣ округа Таи-Юэн-Фу, въ области Шан Си.

12. Тшенъ. Инако Ю-Тшеу, что нынѣ округа Тшен-Тшеу-Фу въ области Го-Нанъ.

13. Царство сіе составилось большею частію изъ области Шен-Сиской.

14. Куэи; къ сѣверу отъ Ми Гіэна, въ округѣ Юнг-Янгѣ.

15. Тсао, нынѣ Ки-Ин-Гіэнъ, въ округѣ Уэн-Тшеу, области Шанг-Тонгской, которая и занимала западную часть.

16. Пинъ, урочище въ Шен-Сиской области, гдѣ по томъ построенъ городъ Цин-Тшеу. Кунг-Ліэу, одинъ изъ предковъ Уэн-Уанга, жилъ здѣсь. Девять по немъ преемниковъ тамъ же пребывали до Ку-Кунга, пренесшаго Дворъ свой въ Ки, близь нынѣшняго Си-Нган-Фуа; а чрезъ три поколѣнія У-Уангъ, овладѣвъ всемъ Китаемъ, избралъ столичнымъ своимъ городомъ Гао-Кингъ.

17. *Лу*. Царство сего имени занимало великую часть нынѣшней Шан-Тонгской области; по особымъ правамъ и преимуществамъ своимъ, было какъ бы совсѣмъ отдѣленное отъ Имперіи. У-Уангъ далъ оное въ удѣлъ брату своему Тшеу-Кингу, послѣ же владѣли имъ наслѣдники и потомство болѣе трехъ столѣтій, со всѣми почестьми, должными крови, отъ коея произходили

Чертежъ, представляющій положеніе разныхъ сихъ царствъ, въ маломъ чемъ либо не точный, о коемъ упоминается въ Ш-Кингѣ, находить можно въ старинныхъ изданіяхъ классической сей у Китайцевъ книги. Я пріобщилъ токмо Кіангъ для удобнѣйшаго

шаго примѣчанія, что Китай не столь былъ пространенъ при Тшеуяхъ, нежели въ царствованіе великаго Юэ. Причина тому та, что при каждой перемѣнѣ династіи, многія Орды не восхотѣли признать новоцарившихся такимъ образомъ Самодержцами своими, и оставалися въ независимости до возшествія на престолъ Тсин-Ше-Гоанг-Тіа.

Общее собраніе всѣхъ Князей данниковъ было токмо въ первый годъ владычества Канг-Уанга, со всевозможнымъ велелѣпіемъ и нарядным дѣломъ. Кан Уангъ, по смерти Тшен-Уанга отца своего, созвалъ всѣхъ ихъ къ себѣ на погребеніе послѣдняго. Въ прочетномъ указѣ ко всѣмъ имъ превозносилъ хвалами доблести У-Уанга и Уэн-Уанга; заключительно же извѣщалъ объ учреждаемомъ нарочно торжественномъ обрядѣ, могущемъ приводить на память великихъ сихъ мужей, и поощрять къ подражанію. Указъ сей принятъ со всеобщею похвалою; возъимѣлъ, желаемое дѣйствіе, и прочее.

Рисунокъ тритцать первой.

Рисунокъ сей, подобно последнему предъ нимъ, представляетъ, съ малою развѣ токмо неточностію, положенія царствъ, изъ коихъ состоялъ Китай, во время когда издавалася на свѣтъ книга Тшун-Тсіэу. Означены пятьнадесять главнѣйшихъ; всѣхъ же ихъ было сто двадцать четыре, большею частію паче помѣстья, нежели царства. Каждый владѣлецъ разумѣлъ себя данникомъ Императора; но повиновался ему тогда только, когда требовали того собственноличныя его пользы. По мѣрѣ ослабѣванія Имперіи, усиливались мѣлкіе сіи владѣльцы; наконецъ же и свергнули съ себя иго зависимости. Эпоха проявленія книги Тшун-Тсіэу, есть замѣта во времячисліи упадка Имперіи; да и описаніями онаго начинаетъ Конфуцій Тшун-Тсіэу.

Забылъ я нѣчто существенное въ разсужденіи книги сей, объ ней пиша. Наши Проповѣдники вѣры, обманутые нѣкоторыми мѣстами Китайскихъ сочиненій, гдѣ открывается сомнѣніе о томъ, чтобъ Конфуцій былъ творецъ Тшун-Тсіэуа; писали, что о творцѣ Тшун-Тсіэуа, кто онъ былъ таковъ, разно мыслятъ. Тшун-Тсіэуемъ именовалися лѣтописи царства Лускаго, за долго прежде Конфуція, и что послѣдній продолжалъ оныя подъ тѣмъ же самымъ названіемъ. Однако же Китайцы не доумѣваютъ токмо, кому присвоить наименованіе книги. Извѣстно впрочемъ, что Конфуцій былъ не первый издатель исторіи царства Лускаго, не первый наложилъ ей имя Тшун-Тсіэу; а только былъ продолжитель сей исторіи, имѣющей коренныя свои опоры на всеобщей исторіи государства Китайскаго. Въ царствѣ Кинъ, говоритъ

Китай раздѣленный на пятнадцать знатнѣйшихъ Царствъ, во времена, Китайцами называемыя Тшунь-тсіеускими.

Зависящія отъ Имперіи были Тонко-ть Царства

Области Кан-су и шен-си ны-нѣшнія, были тогда независимы

黄河 Гоанъ Го

渭水 шуи

涇水 шуи

秦 Тсинъ

Желтая Рѣка

汾水

晋 Кинъ

魏

燕

齊

魯 Лу

衛

宋

呉

楚

越

蜀 Шу

王城

虢

巴 Па

灌水 шуи

沱水 шуи

川江 Кіанъ

Та Кіангъ

雲南 Юнь Нань

南越 Нань юэ

閩越 юэ

瓊州

ритъ Минг-Тсео, исторія общественная именовалась Тшенгъ, сирѣчь правила, по коимъ должно располагать поведеніе; или способъ ко исправленію и благоустройству. Въ царствѣ Лускомъ Тшунг-Тсіэу, то есть собраніе полезнаго и пріятнаго, какъ бы весною цвѣты, а плоды осенью. Пріемля въ такомъ смыслѣ, Конфуцій не есть сочинитель Тшун-Тсіэуа, а продолжалъ токмо Лускую исторію чрезъ двѣнадцать разныхъ царствованій, бывшихъ до его времени. Но образъ сочиненія, слогъ, качество описыванія произшествій; наставленія читателю, не являяся наставляющимъ его; разговоры его съ самимъ собою: занимаютъ весь таковый промежутокъ во временахъ особенною исторіею двенадесяти сказанныхъ владычествъ; прочее же, какъ упомянуто выше, входитъ во всеобщую Китайскую исторію. И такъ книга, нынѣ именуемая Тшун-Тсіэу, сприложенная къ книгамъ, неоспоримо есть сочиненія Конфуція; сочиненія, возъимѣвшаго по томъ придатокъ, дабы всеобщая исторія лучше была разумѣема, состоящій въ преизящныхъ толкованіяхъ Тсо-Кіэу-Минга. Но здѣсь слово токмо о классическомъ Тшун-Тсіэуѣ; ибо нѣкоторые новѣйшіе писатели сочиненіямъ своимъ наложили же имя Тшун-Тсіэуа, и пріемлются сочиненіями подражательными Конфуціева Тшун-Тсіэу. На самомъ дѣлѣ, Конфуціевъ Тшун-Тсіэу служитъ образцемъ почти для всѣхъ Китайскихъ Историковъ.

Таблица XXXII.

ТАБЛИЦА ЛѢТОЧИСЛЕНІЯ

Именъ Китайскихъ Историковъ, со времени Гановъ западныхъ, до Танговъ.

А. Ганы западные.

1. Сеэ-Ма-Танъ.
2. Сеэ-Ма-Тсіэнъ.
3. Кіа-И.
4. Ліэу-Гіангъ.

Б. Ганы восточные.

5. Пан-Піао.
6. Пан-Ку.
7. Пан-Тшао.
8. Кіа-Куэи.
9. Ма-Vунгъ.
10. Ліэу-Тшенъ.
11. Фу-Vэнъ.
12. Тшенг-Гіуэнъ.
13. Фу-Тсіэнъ.
14. Гіун-Іуэ.
15. Vнг-Шао.
16. Уэн-Vнъ.

В. Три царства.

17. Кіао-Тшеу.
18. Су-Ти...
19. Уанг-Су.
20. Монг-Кангъ.
21. Ю-Тшунъ.
22. Уэи-Тшао.
23. Лу-Тсіангъ.
24. Тшанг-Vэнъ.

Г. Тсины западные.

25. Гоа-Ше.
26. Тшен-Шеу.
27. Тсин-Vо.
28. Ліэу-Пао.
29. Фу-Гіуэнъ.

Д. Тсины восточные.

30. Куо-Пу.
31. Vэн-Нгинъ.
32. Уанг-Vнъ.
33. Лу-Vу.
34. Сун-Шенгъ.
35. Си-Тшао-Ше.
36. Тсан-Мо.
37. Vу-Пао.
38. Гіуэ-Vнгъ.
39. Vуэн-Сунгъ.
40. Гіу-Коангъ.

Е. Нан-Пе-Тшао.

41. Фан-Гоа.
42. Пеи-Сунг-Тше.
43. Сіэ-Линг-Vунъ.
44. Шен-Vо.
45. Ліэу-Тшао.
46. Ку-Vе-Уангъ.
47. Тсун-Гао.
48. Уэу-Шеи.

Ж. Суи.

49. Уэи Тшанъ.
50. Ли Те-Линъ.
51. Ли-По-Vо.

З. Танги.

52. Уэи-Тшенгъ.
53. Тшанг-Сун-У-Ки.
54. Линг-Гу-Те-Фенъ.
55. Ли-Іэн-Шеу.
56. Тшинг-Гоан.
57. Vэн-Ліэу.
58. Уанг-Шао.
59. Ліэу-Тше-Ки.
60. У-Кингъ.
61. Се-Ма-Тшенъ.
62. Ту-Іэу.
63. Ган Vу.
64. Ли-Те-Vу.

Та-

Таблица тритцать вторая.

Содержитъ имена знатнѣйшихъ сочинителей исторіи, отъ возстановленія наукъ до династіи Танговой, то есть чрезъ время, начиная цѣлымъ столѣтіемъ прежде рождества Христова, по шестое и седьмое столѣтіе послѣ онаго.

Буквы А, Б, В, Г и прочія, которыя въ кругахъ означены желтою краскою вдоль по стеблю древа, означаютъ династіи, въ теченіи коихъ они писали; имена же ихъ явствуютъ на листьяхъ вѣтвей, тако на примѣръ, буква А значитъ династію восточныхъ Гановъ, начавшуюся за двѣсти два года до Христа. Историки сей династіи суть:

1. Сеэ-Ма Танъ, первый Исторіографъ Государственный съ тѣхъ временъ, какъ предпринято со всевозможнымъ тщаніемъ возстановлять исторію. Собрахъ онъ великое множество нужныхъ запасовъ, но недостало вѣка его пользоваться ими.

2. Сеэ-Ма-Ше, уроженецъ Лунг-Менскій, не подалеку отъ города, нынѣ зовомаго Пинг-Янг-Фу, въ области Шанг-Сиской. Собственное его имя было Тсіэнъ, прозваніе же Тсеэ-Тшангъ, сынъ Тсеэ-Ма-Тана, перваго, или великаго Государственнаго исторіографа (по Китайски Таи-Ше). Со временемъ почтенъ былъ и онъ симъ достоинствомъ. Употребилъ въ пользу сочиненія отческія; собралъ еще запасы къ исторіи, которая и проявилася яко первая въ Китаѣ по сожженіи книгъ, подъ названіемъ Ше-Ки, или историческихъ записокъ.

Какъ

КакЪ намѣреніе мое есть при издаваніи лѣточисленныя Таблицы сей паче всего инаго освѣдомить читателей о именахЪ историковЪ: то нужно сказать имЪ, что каждой КитаецЪ обычайно имѣетЪ много именЪ сверьхЪ родоваго прозванья; что между именами Китайца бываютЪ имена почтенныя, наложенныя Государями, или потомствомЪ; да и подЪ сими послѣдними чаще означаются. Сеэ Ма, на примѣрЪ, Сеэ-Ма-Ше, Сеэ Ма-Тсіэнь, или просто Тсеэ-ТшангЪ, значитЪ одного и того же человѣка. Буква Ше, послѣ Сеэ-Ма, есть титло почтенное, прилагаемое кЪ именамЪ всѣхЪ непростолюдимовЪ.

3. Кіа-Ше, изЪ Ло-Янга, вЪ Го-Нанской области. ПолуименемЪ назывался онЪ Ѵ; почему и слылЪ Кіа-Ѵ. СочинилЪ изящную книгу Куо-Тсин-ЛюнЪ, сирѣчь разсужденіе о достохвальномЪ и хульномЪ вЪ династіи Тсинской.

4. Ліэу-Ше, изЪ Понг-Тшенга вЪ области Кіанг-НанЪ. Полуимя его СіангЪ; прозванЪ Тсеэ-ТсенЪ. СЪ самаго начала именовался Ліэу-Кенг-ШенгЪ. СобралЪ сокращеніе обЪ обычаяхЪ наиотдаленнѣйшей древности нарекши Гунг-ФанЪ, У-ГингЪ. ОнЪ же сочинилЪ Ліэ-Ніу, или исторію преславныхЪ женщинЪ, и Син-Гіу-Шуэ-ЮэнЪ, или ВертоградЪ предсловій.

Б. Сочинители при ГанахЪ восточныхЪ, начиная сЪ двадесять пятаго года по рождествѣ Христовѣ.

5. Пан-Ше, инако Пан-Піао, изЪ Мао-Линга, творецЪ Уанг-Минг-Люна, или разсужденія о предписаніяхЪ Царей; Фу-Люна, или разсужденія о стихотвор-

творствѣ Фу (похвалы) Тсеу Шея, или краткое собраніе челобитенъ, подаванныхъ Императорамъ: все совокупно въ девяти книгахъ.

6. Пан-Ку, сынъ Пан-Піаоа, усотоварищественный Тсеэ-Монг-Кіэну, сочинилъ Тсіэн-Ган-Шу, или повѣсть о случившемся при первыхъ Ганахъ, народно называемыхъ западныхъ Ганахъ; сочинилъ же Пинг-Леанг-Ту-Фу, сирѣчь похвалы обоимъ Императорскимъ дворамъ, западному и восточному: поэмы, весьма удачно написанныя; часто на нихъ ссылаются ученые Китайцы. Началъ было и еще сочиненіе, яко дополненіе къ первымъ Тсіэн-Ган-Шу; но прекратился вѣкъ его; докончила же оное сестра его и издала на свѣтъ.

7. Тсао-Хе, дочь Пан-Піаоа, сестра Пан-Куа; по супругѣ своемъ Тсао-Ше-Шу, получила прозваніе Тсао. Извѣстна впрочемъ подъ многими именами, равно и безъ разбора зовутъ ее: Пан-Гоэи-Панъ, Тсао Та-Кіэ, Тсао-Та-Ку-Пан-Гоэи Ки, и Пан-Тшао.

Овдовѣла въ молодыхъ лѣтахъ, и ставъ госпожею времени своего, рѣдкія свои познанія и способности обратила на поправленіе всего сочиненнаго въ отческомъ ея домѣ. Императоръ, провѣдавъ о ея дарованіяхъ, разборчивости и благоразумномъ цѣненіи книгъ, велѣлъ ей докончить Тшо-Минг-Ган-Шу, книгу, начатую братомъ ея Пан-Куэмъ. И сія то книга учинилася почти полною исторіею о временахъ первыхъ Гановъ; издана на свѣтъ подъ именемъ Пан-Куа.

8. Кіа - Ше, изЪ Пинг - Линга. Имя, наложенное ему при рожденіи, есть Куэи; прозвище же Кинг - По. ТолковалЪ Ше - Ки Тсеэ - Ма - ТсіэновЪ. СочинилЪ Тшу-Кинг - Тшуэн - И, или обЪясненіе КинговЪ. Еще Люн-НанЪ, или обЬясненіе вещей трудныхЪ. Последнее сочиненіе состоитЪ болѣе, нежели изЪ цѣлаго миліона буквЪ.

9. Ма - Ше, изЪ Тшанг - Линга. Имя его ЮнгЪ, прозваніе Ки - ТшангЪ. ТворецЪ Кіао - Тшенга, Ше-Ки-Нго - Ніо, сирѣчь критики на Ше - Ки, и поправленія древней сей книги.

10. Ліэу - Ше, изЪ Нан - Янга. Имя его ТшенЪ, прозваніе Тсіэу - ТсунЪ. СочинилЪ Кіэн - У - И - Ле-Минг-Тшен - ТшуэнЪ, или разсужденіе о МандаринахЪ, прославившихся со временЪ Кіэн - Уа до дней его. Первый годЪ Кіэн - Уа есть пятьдесятЪ шестый Христіанскаго лѣточисленія.

11. Фу - Ше, изЪ Ланг - Сіэ. Имя его УэнЪ, прозваніе Кинг - ГунгЪ. СочинилЪ Тсіэн - Ган - Шу - Кіэу - Ніо, или исправленіе и свидѣтельство книги Тсіэн-Ган - Шу Пан - Куевой, о которой писано выше.

12. Тшенг - Ше, изЪ Пе - Гаи, недалеко отЪ города Као - Ми - Гіэна. Имя его ГіуэнЪ, прозваніе Канг-ТшенгЪ. ТворецЪ сочиненія, преисполненнаго разумною критикою, подЪ названіемЪ Тшанг - Шу - Ше - Ки, или, какЪ толковать нѣкоторыя извѣстныя мѣста Ше-Кіа.

13. Фу - Ше, изЪ Юнг - Янг - Гіэна, вЪ области Го - НанЪ. Имя ему ТсіэнЪ, прозваніе Тсеэ - ТшенЪ. На-

Написалъ Тшу-Тсіэн-Ган-Шу, или истолкованія книги Тсіэн-Ган-Шо.

14. Гіун-Ше, уроженецъ города Ун-Гіэна, по имени онъ Юэ, по прозванію Тшунг-Ю; внукъ славнаго Гіун-Шуа; разсматривалъ критически Ган-Шу и записки историческія историковъ. Сіи труды свои раздѣлилъ на тритцать статей, и назвалъ Ти-Ки.

15. Инг-Ше, изъ Ю-Нана; именемъ Шао, прозваніемъ Тшунг-Нганъ. Сочинилъ Ган-Коан-И, или правила, по коимъ поступать обязаны были Мандарины въ династіи Гановой. Онъ же написалъ Фонг-Су-Тунгъ, сирѣчь объясненіе и розыскъ, въ разсужденіи разныхъ обычаевъ, бывавшихъ когда либо въ употребленіи: сочиненіе, и до нынѣ услаждающее ученыхъ людей.

16. Уэн-Ше, изъ Нан-Янго; именемъ Унъ, прозвищемъ Шу-Леангъ. Сочинитель критическихъ примѣчаній на книгу Шун-Янъ, въ тритцати двухъ статьяхъ.

В. За симъ слѣдуютъ сочинители временъ Сан-Куэ, или, когда Китай раздѣлился на три области, и имѣлъ трехъ вдругъ Императоровъ, съ двѣсти двадцатаго года по рождествѣ Христовѣ.

17. Кіао-Ше, изъ Па-Гіа, въ округѣ Сеэ-Тшуенской; Имя ему было Тшеу, прозваніе Юн-Нанъ. Сочинилъ Ку-Ше-Као, или критическій розыскъ древнихъ исторій.

18. Су - Ше, изъ Тшен - Ліэуа, въ области Го-Нанъ; имя его Ти, прозваніе Сіао - Іэу; сочинилъ другій Тсіэн - Тсіу, въ тритцати главахъ.

19. Уанг - Ше, изъ области Тун - Гаи; имя его Су, прозваніе Тсеэ - Юнгъ. Написалъ дополненіе къ Ше - Кію, подъ названіемъ Тсо - Іэу - Ше - Ки, и еще изъясненія и толкованія на пять древнихъ Кинговъ, подъ названіемъ У - Кинг - Тшоан - Шу.

20. Монг-Ше, изъ Нган - Пинга, въ области Пе-Тше - Ли; имя ему было Кангъ, прозванія Кунг-Сіэу. Написалъ Ган - Шу совсѣмъ иный съ прочими книгами подъ симъ именемъ. Находятъ въ семъ его сочиненіи самое вѣрное объ обычаяхъ династіи Гановъ.

21. Ю - Ше, изъ Фунг - Тсіанга, въ Шан - Сиской области. Имя его Тшунъ, о прозваніи же никто не упоминаетъ. Сочинилъ Тсіэн - Ган - Шу, наполненный любопытныхъ показаній: по днесь въ равномъ почтеніи съ Тсіэн - Ган - Шуемъ Монг - Канговымъ.

22. Уэи - Ше, изъ Юн - Янга; имя ему Тшао, прозвище Гунг - Тсеэ. Написалъ исторію царства У, и издалъ подъ названіемъ У - Шу.

23. Лу - Ше, изъ Ю - Яо, въ области Кіанг-Нанъ; имя его Кіангъ, или Тсіангъ; прозваніе Тшунг-Кіангъ. Сочинитель Ше - Ки - Куэ - Ю - Гіун - Тшу, сирѣчь историческія и критическія примѣчанія на Ше - Ки: въ почтеніи по днесь.

24. Тшанг - Ше, изъ Тшунг - Тшана, въ области Пе - Тше - Ли; имя его Уэнъ, прозваніе Тсеэ-Фу. Сочинилъ исторію Гановъ западныхъ съ примѣчаніями кри-

критическими, и назвалъ Си - Ган - Шу - Ин - И, въ сорокѣ главахъ.

Г. По совершенномъ истребленіи отродія Гановъ, потомки Тсао - Тсаовы, признанные законными наслѣдниками престола, начали кратковременную свою династію, подъ именемъ династіи Тсиновъ западныхъ, въ двѣсти шестьдесятъ пятомъ году отъ рождества Христова. Современные оной писатели суть:

25. Гоа-Ше, изъ Као - Танга, въ области Шанг-Тонгской. Имя его Ше, прозваніе Ки - Шіунъ; испросилъ все писанное до него въ теченіи династіи Гановъ, расположилъ лѣточисленнымъ порядкомъ, назвалъ труды свои Ган - Ки, въ тритцати книгахъ.

26. Тшен - Ше, изъ Нган - Гана, въ области Тсеэ - Шуэнъ. Имя ему Шеу, прозваніе Юнг - Ша. Сочинилъ Сан - Куэ - Ше, или исторію трехъ царствъ: книга остроумнѣйшая и наилучшаго слога изъ всѣхъ печатныхъ Китайскихъ книгъ, ни сказка, ниже исторія, а то и другое вмѣстѣ. Служитъ услажденіемъ разборчивымъ людямъ въ учености; въ шестидесяти пяти главахъ.

27. Тсин - Ше, изъ Го - Нанг. Имя его Ю̂, прозваніе Тсеэ - Шенгъ. Сочинилъ Тсіэн - Ган - Шу - Ин - И, подражательно Тшанг - Іэну; много однако же объясняя темныхъ мѣстъ перваго.

28. Ліэу - Ше, изъ Као - Пинга, въ области Пе-Тше - Ли. Имя его Пао, прозваніе Тао - Тшенъ. Сочинилъ Ли - Таи - Ше - Шу - Као - И, или розыскъ крити-

ческій исторіи, лѣточисленнымъ порядкомъ. Книга преизящная, и до нынѣ сохраняемая.

29. Фу-Ше, изъ Линг-Тшеу, въ области Шен-Сиской. Имя его Гіуэнъ, прозваніе Ти-И. Поселился въ области Го-Нанъ, въ городѣ Ни-Янгѣ. Сочинилъ, подъ названіемъ Уѣи-Шу, особую исторію царства Уэискаго, одного изъ трехъ, на которыя раздѣленъ былъ Китай.

Д. Тсины восточные. Династія сія началася въ триста семнатцатомъ году по рождествѣ Христовѣ. Писатели оныя суть:

30. Куо-Ше, изъ Го-Тунга; имя его Пу, прозвище Кинг-Тшунъ: ученнѣйшій мужъ вѣка своего. Истолковалъ Эульг-Гіа со всеобщею похвалою, а еще того наипаче сочиненія Сеэ-Маевы. Труды свои назвалъ Си-Ган-Сеэ-Ма-Сіанг-Ю-Тшуэнъ. Отлично искусенъ былъ въ родѣ стихотворенія Фу.

31. Юэн-Ше, изъ Янг-Гіаа; имя его Нганъ, прозваніе Іэн-Тше. Сочинилъ исторію трехъ царствъ, подъ названіемъ Сам-Куэ-Тше, и Тун-Тшенг-Фу, или похвала восточныхъ побѣдъ.

32. Уанг-Ше, изъ Тшен-Кіуна, сынъ знаменитаго Уанг-Тсіэна; имя его Ѵнъ; сочинилъ въ девяностѣ главахъ исторію малыя династіи западныхъ Тсиновъ.

33. Лу-Ше, изъ Ю-Яо, въ области Кіанг-Нанъ; имя его Ю, прозваніе Шу-Нингъ. Сочинилъ же

же исторію западныхъ Тсиновъ въ сорокѣ и одной книгѣ.

34. Сун-Ше, изъ Таи-Іуэна, въ Шан-Сиской области. Имя его Шенгъ, прозваніе Нган-Куэ. Нѣтъ науки, въ которой бы былъ незнающъ. Сочинилъ Уэи-У-Тшун-Тсіэу, или исторію военныхъ дѣйствій царства Уэискаго, и исторію также Тсиновъ западныхъ; въ двацщати и одной книгѣ.

35. Си-Ше, изъ Сіанг-Янга, въ области Гу-Коангъ. Имя его Тсао-Тше, прозваніе Уэн-Уэи. Знающъ былъ во всѣхъ родахъ учености. Сочиненіе исторіи о Ганахъ и Тсинахъ, въ пятидесяти шести книгахъ, снискало ему безсмертную славу.

36. Тсаи-Ше, изъ Као-Тшенг-Гіэна, въ области Го-Нанъ. Имя его Мо, прозвище Тао-Мингъ. Толковалъ Тсіэн-Ган Шу, во стѣ главахъ.

37. Ю-Ше, изъ Син-Тсаи. Имя его Пао, прозваніе Линг-Шенгъ. Сочинитель Тсинг-Кіэ, или исторіи о Тсинахъ, въ тритцати главахъ; Тшун-Тсіэу-Тсо-Ше-Уэ-Тшуэна, или дополненія къ Тсо-Кіэу-Мингу на Тшун-Тсіэу Конфуціевъ; не касаяся однако же непосредственно надлежащему до царства Лускаго.

38. Гіуэ-Ше, изъ Тан-Янга, въ области Кіанг-Нанъ. Имя его Унгъ, прозваніе Уэн-Кіэ. Сочинилъ Геу-Ган-Тунг-Коан-Ки, или записки историческія о Ганахъ послѣднихъ; во стѣ главахъ.

39. Юэн-Ше, изЪ Янг-Гіая. Имя его СунгЪ, прозвище Тао-Као. ВЪ сущей еще младости разумѣть начали его совершенно свѣдущимЪ исторію. ПисалЪ о ГанахЪ послѣднихЪ; во стѣ главахЪ.

40. Гіу-Ше, изЪ Тунг-Уана. Имя его КоангЪ, прозвище Vэ-МинЪ. СочинилЪ Ше-Ки-Ин-И, или истолкованіе точнаго смысла книги Ше-Ки, вЪ тринатцати главахЪ. ПереправилЪ исторію о ТсинахЪ, и издалЪ на свѣтЪ вЪ сорокѣ пяти главахЪ.

Е. Нан-Пе-Тшао, или династіи вЪ сѣверномЪ и южномЪ краю Имперіи, начавшіяся по истребленіи ТсиновЪ восточныхЪ, вЪ семь сотЪ девятнатцатомЪ году отЪ рождества Христова. Современные писатели суть:

41. Фан-Ше, изЪ Тшун-Янга. Имя его Гоа, прозваніе Ю-ТсунгЪ. СобралЪ все писанное до него о послѣднихЪ ГанахЪ, выбралЪ лучшее, и издалЪ подЪ названіемЪ Тшаи-Геу-Ган-Шу.

42. Пеи-ше, изЪ Уэн-Гіа. Имя его Сунг-Тше, прозвище Ше-Тси. ТолковалЪ Сан-Куэ-Тше: вышла изЪ того какЪ бы новая исторія о трехЪ царствахЪ, вЪ двватцати книгахЪ. СЪ помощію сына своего Пеи-Vна, по прозванію же Лунг-Кіуа, еще сочинилЪ преизящное обЪясненіе Ше-Кіа Сеэ-Ма-Тсіэнова, вЪ сорокѣ главахЪ, подЪ названіемЪ Тшу-Сеэ-Ма-Тсіэн-Ше. ЖилЪ вЪ теченіи малой династіи Шунговой.

43. Сіэ-Ше, изЪ Гоэи-Кіа, вЪ области Кіанг-НанЪ, внукЪ знаменитаго Сіэ-Гіуэна; свойствен-

ственно именовался Линг-Юнъ. Мѣстомъ пребыванія своего избралъ Шанг-Лю-Гіэнъ, гдѣ и сочинилъ исторію о Синахъ, изданную имъ подъ названіемъ Тсин-Шу.

44. Шен-Ше, изъ У-Канга, въ области Шэн-Тонгъ. Имя его Ю, прозвище Сіэу-Уэнъ. Никто изъ современниковъ не превосходилъ его въ краснорѣчіи и учености. Сочинилъ исторію трехъ малыхъ династій, Тсиновой, Сунговой и Тсіэвой; жилъ въ династіи Леанговой, начавшейся въ пять сотъ второмъ году по рождествѣ Христовѣ.

45. Ліэу-Ше, Пинг-Іуэна, въ области Шан-Си. Имя его Тшао, прозваніе Гіуэн-Тсингъ. Толковалъ во стѣ осьмидесяти статьяхъ книгу Геу-Ган-Шу.

46. Ку-Ше, изъ У-Кіуна, въ области Кіанг-Нанъ; имя его Іэ-Уангъ, прозвище Си-Фунгъ. Сочинилъ исторію о Государяхъ поколѣнія Тшенскаго. Труды сіи раздѣлилъ на три книги, подъ названіемъ Тшен-Шу. Написалъ также Ю-Ти-Тше, или толкованіе о произхожденіи всѣхъ веществъ; сверьхъ того примѣчанія на всеобщую Китайскую исторію, назвавъ ихъ Куэ-Ше-Ки-Тшуэнъ.

47. Тсуи-Ше, изъ У-Тшенга, что къ востоку отъ Гоанг-Го, въ области Го-Тунгъ. Имя его Гао, прозваніе По-Іуэнъ. Мужъ, знающій во всѣхъ родахъ учености. Написалъ исторію объ Іэуахъ сѣверныхъ, коихъ былъ подданный. Труды свои прозименовалъ Гіу-Тшенг-Куэ-Шу. И еще исторію критическую о Тсинахъ, въ пятидесяти книгахъ, подъ названіемъ Кіао-Тшенг-Тсин-Шу, сирѣчь исторія о Тсинахъ, прикинутая на вѣсы.

48. Уэи-Ше, изъ Кiу-Лу, въ области Пе-Тше-Ли. Имя его Шу, прозвище Ио-Ке. Сочинилъ Тсоан-Сiэу-Куэ-Ше, што есть толкованiя, поправленiя и прибавленiя къ исторiи; сочинилъ же исторiю объ Iэуяхъ, назвавъ ее Уэи-Ше.

Ж. Суи. Въ теченiи сей кратковременной династiи соединилися всѣ части Китая въ единое государство, въ пять сотъ девятомъ году отъ рождества Христова, по совершенномъ истребленiи Тшеновъ, Государей малой династiи Суиской. Современные писатели суть:

49. Уэи-Ше, изъ Ку-Янга. Имя его Тшанъ, прозвище Iэнъ-Шенъ. По велѣнiю Императора, критически разсматривалъ исторiю объ Iэуяхъ, поправилъ, привелъ въ порядокъ, и издалъ подъ названiемъ Уэи-Ше-Шенъ-Уэи-Кiэн-Яо.

50. Ли-Ше, изъ По-Линга. Имя его Те-Линъ, прозвище Кунг-Фу. Сочинилъ исторiю о Тсинахъ сѣверныхъ, въ тритцати четырехъ главахъ, подъ названiемъ Пе-Тси-Шу.

51. Ли-По-Ю̂, сынъ Ли-Те-Лина. Довершилъ сочиненiе отца своего, разпространилъ и издалъ въ пятидесяти книгахъ.

З. Династiя Тангова, заступила мѣсто династiи Суиской, въ шесть сотъ осьмнатцатомъ году. Писатели оныя суть:

52. Уэи-Ше, изъ Кiу-Янга, въ округѣ Кiу-Лу; имя его Тшенгъ, прозвище Гiуэн-Тшеингъ. Сочи-

чинилъ исторію объ Суіяхъ, подъ названіемъ Суи-Шу-Пен-Ки, и *Ліэ*-Тшоанъ, сирѣчь особенную исторію о великихъ мужахъ.

53. Тшанг-Сун-Ше, изъ *Ло*-*Янга*. Имя его У-Ки, прозваніе Фу-Ки. Мужъ ученнѣйшій своего вѣка. Сочинилъ общую исторію объ Суіяхъ, подъ названіемъ Суи-Ше-Тше, то есть наставленіе, въ разсужденіи исторіи объ Суіяхъ: сочиненіе полное и совершенное въ своемъ родѣ.

54. *Линг*-Гу-Ше, изъ И-Тшеуэ. Имя ему Те-Фэнъ; Мандаринъ при Государяхъ Суискаго поколѣнія, въ самую перемѣну правительства: былъ всегда вѣрный подданный; хотя престолъ Суискій клонился къ паденію, однако же Танги, начавшіе по томъ владычествовать, не только подтвердили его въ чинахъ и достоинствахъ, но и возвели на самыя вышшія степени, яко человѣка безпримѣрнаго въ наукахъ. Сочинилъ исторію объ Тшеуяхъ послѣднихъ, подъ названіемъ Геу-Тшеу-Шу.

55. *Ли*-Ше, изъ *Янг*-Тшеуа; имя ему Іэн-Шеу, прозвище Іа-*Лин*гъ. Сочинилъ исторію о пяти династіяхъ минувшихъ, подъ названіемъ На-Пе-Ше, сирѣчь исторія о сѣверѣ и югѣ; и еще Танг-Таи Тсунг-Тшенг-Тіэнъ, или книгу достовѣрную о правилахъ правительства Танг-Таи-Тсунга.

56. Тшанг-Гоаи-Таи-Тсеэ, сынъ Као-Тсунговъ, третій Императоръ Танговой династіи; имѣлъ прозваніе Минг-Юнъ. Страстно любилъ науки и всегда въ нихъ упражнялся, а паче въ исторіи, яко въ зер-

цахъ Государей. Созывалъ отвсюду ученыхъ мужей, которые могли его просвѣтить въ познаніяхъ древностей. Жили они во Дворцѣ его; благодѣтельствовалъ имъ всячески; но противу воли никого не удерживалъ. Имѣлъ уреченные дни и часы бесѣдовать съ ними, куда приглашалися же отличныя учености люди въ столицѣ. Заставлялъ ихъ трудиться; трудился и самъ съ ними. Общими силами поправили и толковали исторію о Ганахъ послѣднихъ, сочиненную Фан-Гоаэмъ.

57. Іэн-Шэ, изъ *Линг-Сина*, въ округѣ *Ланг-Сіэ*. Имя его *Ліэу*, прозваніе Ше-Ку; потомокъ въ тридесять седьмомъ колѣнѣ Іэн-Тсея, ученика Конфуціева. Толковалъ исторію о Ганахъ западныхъ, или Ганахъ первыхъ. Труды свои издалъ подъ названіемъ Тшу-Си-Ган-Шу.

58. Уанг-Шэ, изъ *Лунг-Мена*; имя его Шао, прозваніе Кіун-Мэо. Сочинилъ общую исторію о династіи Суиской, подъ названіемъ Суи-Шу, въ осьмидесяти главахъ.

59. *Ліэу*-Ше, изъ Понг-Тшенга; имя его Тше Ки, прозвище Тсеэ-Іуэнъ. Государственный Исторіографъ и славнѣйшій мужъ ученостію вѣка своего. Сочинилъ Ше-Тунг-Неи-Уаи, сирѣчь общую исторію внутреннюю и внѣшнюю, въ сорокѣ книгахъ.

60 У-Ше, изъ Со-И, въ округѣ Піэн-Тшеу. Имя его Кингъ: государственный Исторіографъ. Трудился, чистя исторію о первыхъ Императорахъ Тангскаго поколѣнія, въ которую льстецы и невѣжды

вне-

внесли о тогдашнимъ смутныхъ временахъ множество лжей. Сочинилъ особливую исторію о всѣхъ примѣчательныхъ произшествіяхъ въ теченіи лѣтъ, нарицаемыхъ Тшен-Коанъ, или годовъ царствованія великаго Таи-Тсунга, отъ шесть сотъ двадцать седьмаго по шесть сотъ сорокъ девятой по рождествѣ Христовѣ. Сочиненіе сіе названо Тшен-Коаи-Тшенг-Я.. Сверьхъ того написалъ исторію же всей Танговой династіи, или книгу Та-Танг-Тшунг-Тсіэу, сирѣчь весна и осень великихъ Танговъ.

61. Сеэ-Ма-Ше, изъ Го-Неія; имя ему Тшенъ, прозваніе Тсеэ-Тшенгъ. Сочинилъ изрядныя толкованія на Ше-Ки Сеэ-Ма-Тсіэновъ. Поправки и прибавленія свои издалъ подъ сими буквами: Со-Инъ. Къ Ше-Кію пріобщилъ Сан-Гоанг-Ки, или записки о трехъ Гоангахъ. Нарицаяся же однимъ именемъ съ первымъ историкомъ Китайскимъ, приложилъ къ оному букву Сіао, что значитъ малый. И такъ началъ писаться Сіао-Сеэ-Ма, или малый Сеэ-Ма.

62. Ту-Ше, изъ Уан-Міэна, въ округѣ Кинг-Тшао; имя его Іэу, прозваніе Кіун-Тсингъ. Сочинитель Тунг-Тіэна, или собранія всего достопамятнаго по свое время.

63. Ган-Ше, изъ Нан-Янга; имя его Ю, прозвище Туи Тше. Краснорѣчивѣйшій и ученнѣйшій мужъ вѣка своего. Современные разумѣли его учителемъ своимъ. Сочинилъ таблицу, вразумительную, объ исторіи, и назвалъ ее Шун-Тсунгъ Ше-Лу, то есть путь въ исторію Шун-Тсунга.

64. *Ли* - Ше, изъ Тсанг - Гоанга, въ области Пе - Тше - *Ли*. Имя его Ю, прозваніе Уэн - *Я*о. Сочинилъ общую исторію о Ганахъ западныхъ и восточныхъ, подъ названіемъ Тсіэн - Геу - Ган - Шу: книга, въ великомъ почтеніи у Китайцевъ; и есть такова точно по днесь, какъ вышла изъ подъ пера Ли-Шеева.

Конецъ III Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА.

ИЗВѢСТІЕ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТЧИКОВЪ.

Находящіеся при семъ III томѣ Фигуры должны положены быть въ слѣдующихъ мѣстахъ.

